

Александръ Соколовъ.

ПОДЪ ВЛАСТЬЮ ТЬМЫ.

УГОЛОВНЫЙ РОМАНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова. Невскій. № 136.

1898.

67208

I

ВЪ КЛАДОВУЮ Журавлева съ задняго хода вбѣжала запыхавшись женщина, одѣтая такъ, какъ одѣвается прислуга, съ накинутымъ на голову ковровымъ платкомъ.

Увидавшіе ее приказчики въ голосъ спросили:

— Маремьяна, ты?

— Али не видите... Гдѣ Вуколь-то Прокофьевичъ?

— А тебѣ на что?... Али ужъ и днемъ зандобился?

— Нечего лясы-то точить, ахальники, гдѣ, спрашиваю?

— Говори зачѣмъ, тогда скажемъ.

— Да вѣдь Прокофья-то Вуколыча замертво съ Никитской привезли... отходить.

Приказчики крикнули: «ври»!

— Да лопни мои глаза, ежели вру.

— Да гдѣ о такомъ дѣлѣ врать... про-ис-шес-тві-е!—сказалъ старшій приказчикъ и обратился къ Маремьянѣ: — Ладно, бѣги, спыссылаю за нимъ... Въ «Троицкомъ» онъ съ покупателемъ.

Маремьяна побѣжала домой, а одинъ изъ приказчиковъ бросился въ «Троицкій», къ Вуколу Прокофьевичу.

Тотъ сидѣлъ и скромно пилъ чай съ «провинціальнымъ» покупателемъ.

Приказчикъ наклонился къ уху Вукола Прокофьевича и пошепталъ.

Тотъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Кто сказывалъ?

— Маремьяна прибѣгала.

Вуколь Прокофьевичъ наскоро простился съ покупателемъ, извинившись «экстрой», и быстро вышелъ изъ трактира.

На улицѣ, нанимая извозчика на Кисловку, онъ былъ окликнуть какою-то темною личностью.

— Вуколь Прокофьевичъ, что съ тятѣй-то?

— А ужъ ты знаешь?

— Да видѣлъ, какъ повезли.. Нуженъ буду, что-ли?

— Еще-бъ безъ тебя въ этакомъ разѣ. Садись вмѣстѣ на извозчика, тамъ въ кухнѣ дома-то притулись пока что у Маремьяны, потомъ позову.

— Далъ бы приказъ магазины-то закрыть... Вѣдь потащуть...

— Чего жъ... раньше-то времени... Можетъ еще ничего.

Не смотря, однако, на такой случай, на «экстру», Вуколь Прокофьевичъ съ извозчиками торговался, плевалъ на ихъ запросы, а самъ давалъ «несуразную» цѣну.

— Да полно тѣ скаредничать, — сказала Вуколу Прокофьевичу темная личность, — тутъ въ каждую минуту можно десять тысячъ потерять, а ты гривенникъ выгадываешь.

Вуколь Прокофьевичъ вскочилъ на извозчика, посадилъ темную личность, крикнулъ: «на Кисловку!» и затѣмъ всю дорогу понукалъ возницу.

Когда онъ подѣхалъ къ воротамъ дома, у дома стояло чело-вѣкъ четыре какихъ-то полуоборванцевъ.

— Ишь ты, и ищейки собрались... Трупъ чуютъ...

Полуоборванцы дѣйствительно были «ищейки», сообщающія гробовщикамъ о богатыхъ покойникахъ, то-есть о будущихъ покойникахъ, смерть у которыхъ не за горами, а за плечами.

Вуколь Прокофьевичъ, какъ соскочилъ съ извозчика, такъ и крикнулъ на оборванцевъ:

— Брысь, вы, оголтѣлые!

Бросивъ двугривенный извозчику, Вуколь Прокофьевичъ скрылся въ ворота.

— Эй, баринъ, что ты... что ты!.. Этакій конецъ, да еще гналъ всю дорогу.

Но Вуколь Прокофьевичъ уже исчезъ въ отворенномъ подѣздѣ.

— Отходить... за попомъ погнали... дохтуръ тутъ... — шепнула ему Маремьяна.

Вуколь Прокофьевичъ на ципочкахъ вошелъ въ кабинетъ Прокофья Вуколовича.

Около больного на кровати сидѣлъ старичекъ докторъ, домашній докторъ Журавлевыхъ, и держалъ за руку больного, слабо дышавшаго. Въ головахъ стояла падчерица умирающаго, очень красивая семнадцатилѣтняя дѣвушка, на диванѣ плакала тихо дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ ногахъ у кровати стоялъ, смаргивая слезы, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, одѣтый въ мундирчикъ гимназиста. Страхъ ожиданія врачебнаго приговора застылъ на его лицѣ, отличавшемся тонкими, почти неудови-мыми чертами и замѣчательной красотой.

Когда вошелъ Вуколь Прокофьевичъ, очень неуклюжій,

мужиковатый и достаточно некрасивый брюнетъ, всё на него покосились и даже какъ будто бы притихли.

— Что тятенька? — спросилъ онъ тихо, слегка наклоняясь къ доктору.

— Плохо... очень плохо...

— Да, можетъ, еще надежда есть...

Докторъ вслушивался въ тонъ вопросовъ и, вздрогнувъ, сказалъ:

— Никто какъ Богъ. Христіанскій бы долгъ выполнить слѣдовало, — сказалъ онъ, притворяясь незнающимъ, что уже «погнали» за священникомъ.

— Послали за отцомъ Никаноромъ, — отвѣтила ему дѣвушка, стоявшая въ головахъ, и при этомъ слезы заклокотали въ ея горлѣ, она даже слегка всхлинула.

Спустя минутъ десять, пріѣхалъ священникъ, отецъ Никаноръ.

Онъ вошелъ торжественно, широко перекрестился, тихо и медленно поклонился всѣмъ легкимъ поклономъ и спросилъ:

— Въ себѣ Прокофій Вуколычъ?

— Нѣтъ, батюшка, — отвѣтилъ докторъ.

— Такъ какъ же?.. Будемъ ожидать пришествія въ себя...

Докторъ отрицательно покачалъ головой.

Всѣ въ комнатѣ вздохнули, увидавъ въ этомъ отрицательномъ покачиваніи головы смертный приговоръ, произнесенный докторомъ тому, кто лежалъ на кровати и тихо прерывисто дышалъ.

— Значить, можно приступить къ глухой исповѣди?

— Приступите, батюшка, — сказалъ врачъ и тихо вышелъ изъ комнаты.

Вуколь Прокофьевичъ вышелъ за нимъ. Всѣ остальные остались, такъ какъ присутствіе постороннихъ лицъ при глухой исповѣди не возбраняется.

Причастивъ больного, съ усиліемъ разжавъ ему ротъ для причащенія, батюшка рѣшилъ прочитать отходную, во время чтенія которой Прокофій Вуколовичъ, словно услыжавъ слова молитвы, потянулъ руку ко лбу, но не дотянулъ. Рука соскользнула по лицу и дыханіе прекратилось.

— Отошѣлъ, — сказалъ священникъ и благословилъ «преставившагося».

Стоявшіе въ комнатѣ словно ожидали этого момента, и едва онъ наступилъ, какъ изъ трехъ, стѣсненныхъ до сего, грудей вырвался крикъ отчаянія и перешелъ въ хоръ стонущихъ рыданій.

Услыжавъ рыданія, докторъ и Вуколь Прокофьевичъ вошли въ кабинетъ.

Докторъ молча перекрестился и тихо заговорилъ со священникомъ, а Вуколь Прокофьевичъ, сотворивъ три земныхъ пок-

лона, блѣдный, но безъ слезинки на глазахъ, поцѣловаль руку покойнаго и сказалъ:

— Батюшка, панафиду теперь же не отправите-ли?

— Нѣтъ, часа черезъ два... Теперь надо обмыть, да одѣть, да въ залѣ на столѣ положить.

Священникъ опять перекрестился на образа, перекрестилъ усопшаго, легко поклонился, исполнивъ поклонъ скорѣе глазами, нежели головою и, поправивъ рясу, вышелъ.

Теперь остались лицомъ къ лицу Вуколь Прокофьевичъ, сынъ отъ перваго брака, и двое дѣтей и падчерица—плоды втораго брака.

Скончавшійся былъ потомственный почетный гражданинъ 1-й гильдіи купецъ, мануфактуристъ, торговавшій холщевымъ и полотнянымъ товаромъ, Прокофій Вуколовичъ Журавлевъ.

II.

ПРОКОФІЙ Вуколовичъ Журавлевъ умеръ на 56 году отъ рожденія. Уроженецъ Ярославской губерніи, Прокофій, даже просто на просто Прошка, въ первый разъ очутился въ Москвѣ съ мѣшкомъ за плечами, наполненнымъ ярославскимъ холстомъ и полотнами, тридцать лѣтъ тому назадъ.

Прокофію было 25 лѣтъ. Онъ былъ мужикъ, не смотря на молодость, обстоятельный, и какъ всѣ почти ярославцы, склонный къ торговлѣ. Трезвый, онъ умѣлъ конить деньги, ибо хотѣлось ему быть чѣмъ нибудь повыше того, чѣмъ онъ былъ.

Скопивъ деньжонокъ, онъ скупилъ по деревнямъ и селамъ холста и полотна, и по примѣру «земляковъ», направился въ Бѣлокаменную.

Добрался онъ до Москвы, въ то время еще не соединенную «чугункою» съ Ярославлемъ, самими различными способами, остановился тамъ, гдѣ останавливались всѣ его земляки и сдалъ большую часть товара дворнику постоялаго двора «подъ ключъ», самъ, нагрузивъ мѣшокъ холстами и полотнами, пошелъ къ земляку овощеннику, торговавшему въ какомъ-то переулкѣ, имя которому было просто «Тупикъ».

— А!.. Проша!.. И ты въ торговлю?.. Дѣло, дѣло!..

Такъ привѣтствовалъ его землякъ, добавивъ:

— Ну, сваливай мѣшокъ-то, присядь... Чайку, что-ли?

— Не набалованъ.

— Да ужъ тутъ въ этомъ какое баловство... Коли-ежели въ торговлю пустился, безъ чайку не расторговаться...

— Развѣ что..

Выпили по стакану чаю.

— А ужъ я къ тебѣ, Порфиръ Петровичъ, помощи... Ты на Москвѣ свой человекъ... Будь милымъ другомъ, не оставь... Тебѣ тутъ всѣ ходы-выходы вѣдомы, а меня ты знаешь: му-

жикъ я аккуратный, тверезый, опять же семейный... Жена есть, сынокъ...

— Нѣшто оболтали?

— О Рождественскихъ заговѣнахъ годъ исполнится.

— И ребенокъ есть?..

— Сынокъ...

— Скоро же...

— Да вѣдь это долго-ли?

— Ты что же, въ своемъ селѣ женился, аль откуда со стороны взялъ?

— Може, въ селѣ «Черныя воды», Терентьева Сидора зналъ?..

— Ну, ну...

— Такъ вотъ на его дочкѣ, Аннушкѣ...

— Ага-га-га... Дѣвка хорошая...

— Кроткая дѣвка, не артачливая...

— И хорошо взялъ за ней?.. Вѣдь у Сидора-то кубышка есть о-о-охъ какая..

— Про кубышку не знаю, а только что опричь платьевъ да бѣлья, да тридцати рублей въ деньгами, ничего не далъ.

— А свадьбу-то кто игралъ?

— Онъ же...

— Ну, такъ чего жъ тебѣ еще... Этакъ-то не каждому ожениваться доводится...

— Да я и не жалюсь...

— Еще-бы... За тобой то, Проша, тоже вѣдь не много... одно за тобой, что скупъ ты, деньгу любишь, да выше глазъ поглядываешь...

— Самъ знаешь, Порфиръ Петровичъ, у насъ отъ земли не прокормишься... какъ ты ее ни береги—все едино ничего путнаго не народить... Вотъ и сталъ думать, какъ бы деньжонокъ поскопить, да начать въ люди выбиваться... Пятьдесятъ рублей скопилъ, да жениныхъ тридцать рублей приложилъ. Дай, думаю, скуплю холстовъ да полотень, да пойду на Москву...

— Такъ-такъ, дѣло, дѣло...

— Про тебя, Порфиръ Петровичъ, вспомянуль... Сосѣдъ, моль, завсегда былъ добрый, неушто на чужбинѣ добрымъ не будешь. Все село сказало: «иди, Порфиръ не оставить», помолился и пошелъ.

— А жена-то молодая какъ же?

— А она махонькаго Вуколку теперича кормить, не до меня ей... Отпустила: «иди, говорить, нечѣмъ здѣсь надрываться, можетъ тамъ твоя линія». Ну, я и пошелъ и впервой къ тебѣ... Не оставь!.. Вотъ какой земной поклонъ сдѣлаю: лбомъ до самой земли.

— Ладно, ладно... Что можно будетъ...

— Да, ты, Порфиръ Петровичъ, сила...

— Не скажи...

— Не умаляйся... Вѣдь я не въ долгъ безъ отдачи просить пришелъ, а поддержки... Еще разъ кланяюсь...

— Да ужъ хорошо, постараюсь... Для сосѣда развернусь... Опять же знаючи твое стараніе и охоту въ люди произойти, споспѣшествовать буду... Самъ изъ ничего—эво-на чѣмъ сталъ... Сдѣлай милость!.. Не всегда голыми руками-то теперь за меня возьмешься, да и заговорить-то со мной тоже подумавши...

— Ну, такъ какъ же ты не сила... чего же еще...

— Ну, ладно, ладно, Проня, не оставлю.

III.

ІАКОВЪ былъ Прокофій Вуколычъ, тридцать одинъ годъ тому назадъ стоявшій въ углу на постояломъ дворѣ, кланявшійся и лебезившій передъ овощнымъ лавочникомъ, дѣйствительно, впрочемъ, казавшимся Прокофію «силою на Москвѣ».

И вотъ теперь, черезъ тридцать одинъ годъ, этотъ самый Пронька скончался потомственнымъ почетнымъ граждаиномъ и кавалеромъ, первой гильдіи купцомъ, домовладѣльцемъ, общественнымъ дѣятелемъ, даже «дѣльцомъ», оптовымъ торговцемъ и поставщикомъ въ казну холщевыхъ и полотняныхъ товаровъ.

На Москвѣ у него былъ великолѣпный розничный магазинъ и громаднѣйшая кладовая, а подъ Москвою, на Яузѣ, нѣсколько складовъ.

Слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ дѣятельности Прокофія Вуколовича Журавлева нѣтъ никакой надобности, нѣтъ надобности входить и въ особенныя подробности его жизни.

О первой я скажу двумя словами: «Журавлеву повезло», объ его интимной семейной жизни скажу чуть-чуть подробнѣе, дабы читатель хорошо понялъ то положеніе, въ которомъ очутились тѣ четыре лица, которыя были при отшествіи къ праотцамъ Прокофія Вуколовича Журавлева.

Журавлевъ женатъ былъ два раза.

Первая его жена Аннушка, дочь Сидора Терентьева изъ села «Черныя воды», — оставила ему сына Вукола, которому исполнилось теперь тридцать одинъ годъ; вторая жена, вдова полковника Аглая Евгеніевна, по первому мужу Мещеринова, оставила ему сына, дочь и падчерицу.

Дѣтямъ ко дню кончины Журавлева было: Надѣ—14 лѣтъ, сыну Владиміру—12 лѣтъ, и, наконецъ, падчерицѣ, Варварѣ Діодоровнѣ Мещериновой, исполнилось семнадцать лѣтъ.

Журавлевъ скончался скоропостижно, оставивъ своимъ дѣтямъ отъ втораго брака, въ лицѣ ихъ брата Вукола,—своего первенца,—если не открытаго врага, то отнюдь и не друга.

Странно сложилась жизнь Вукола.

Рожденный въ деревнѣ, до шести лѣтъ онъ и проживалъ въ деревнѣ. Бѣгая съ деревенскими ребятишками чуть не нагишемъ, какъ на самой деревнѣ, такъ по полямъ, лѣсамъ, лугамъ и болотамъ.

Отца онъ видалъ очень рѣдко. Онъ все былъ занятъ на Москвѣ своею торговлею. Спустя шесть лѣтъ по приходѣ въ Москву, отецъ его, какъ говорится: «обосновался» и открылъ лавочку, которая требовала его постоянного присутствія «на Москвѣ», и онъ, чтобы быть еще основательнѣе, выписалъ жену и сына къ себѣ въ Москву, снялъ «фатерку» и зажилъ бы «домкомъ», да Анна Сидоровна не лежала сердцемъ къ столицѣ, скучала и убивалась по деревнѣ.

Да и что за жизнь была для нея въ Москвѣ? Мужъ чуть свѣтъ поднимался, пилъ чай и вмѣстѣ съ двумя приказчиками уходилъ въ лавочку. Домой возвращались поздно вечеромъ, по запорѣ лавокъ, и хотя на Москвѣ, сравнительно съ Петербургомъ, магазины закрываются довольно рано, но все же мужъ приходилъ домой около десяти часовъ вечера; вмѣсто обѣда они прямо садились ужинать, а затѣмъ чаевали, и въ одиннадцатъ часовъ ложились спать.

И такъ изо дня въ день, безъ перерыва, если не считать перваго дня Рождества Христова, Троицына дня, первыхъ двухъ дней Святой недѣли, да дня Новаго года.

Правда, иногда Прокофій Вуколычъ удосуживался и приходилъ домой пообѣдать, но прийдя торопился, хваталъ горячее, обжигался и затѣмъ бѣжалъ изъ дома.

— Свой глазъ—алмазъ, чужой—стеклышко!—говорилъ онъ.— Оставь на часъ, въ годъ не поправишься... Эти приказчики воръ на ворѣ сидятъ, воромъ погоняютъ.

Въ такой жизни прошло два года.

Единственное развлеченіе и счастье для Анны Сидоровны былъ сынъ Вуколь. Она привязалась къ нему всѣми силами своей простой души. Вуколь былъ отрадою ея одиночества.

— Да ты бы хоша съ Вуколомъ гулять ходила... Эвона у насъ кремлевскіе сады, эвона у насъ на Москвѣ бульвары,— въ недѣлю не исходишь...

— Уволь, Прокофій Вуколычъ, пра, уволь, заблужусь, да опять же боюсь я народу.

— Въ деревнѣ-то не боялась...

— Такъ нѣшто тамъ народъ?.. Тамъ сосѣди... всѣхъ знаешь, съ тою слово, съ другимъ другое и весело, и ладно... А тутъ, вонъ изъ окна глядишь, видишь: всѣ ровно бы сердятся, бѣгутъ, торопятся... Ну, ихъ!

— Вуколкѣ гулять нужно же...

— Вуколка гуляетъ.

— Гдѣ?

— На дворѣ гуляетъ... На улицѣ бѣгаетъ.

— Ну, пусть, пока-что, бѣгаетъ... Вотъ въ Рождественскомъ посту восемь лѣтъ исполнится, въ лавку со мной пойдетъ...

— Въ лавку-у?.. Зачѣмъ?

— Дура баба!.. Чтожъ онъ у твоей юбки пришитымъ будетъ, что-ли? Ужъ онъ скоро за треть работника пойдетъ, а еще года черезъ два и полработника получится. Чѣмъ торговаго мальчика задарма кормить, свой будетъ.

— Рано еще...

— Семи лѣтъ есть, а то и меньше бываютъ... Привыкнетъ по крайности... Тамъ маненько у старшаго приказчика грамотѣ обучится и счету, можно и къ кассѣ посадить.

— Этакого-то?..

— Да не этакого, а какъ подростеть.

Прошелъ Рождественскій постъ и увелъ Прокофій Вуколовичъ Вукола въ лавку.

Мать ему наканунѣ передникъ сшила, и пока шила передникъ, все имъ слезы утирала.

— Чего ты, мамка?—спрашиваетъ Вуколь.

— Беруть тебя у меня, Вуколушка. Одна одиныхонька я теперь останусь.

— Ничего, мамка, надо же тяткѣ помогать! — храбро и серьезно заявилъ Вуколь.

— Охъ, ты, помощникъ!—сказала Анна Сидоровна и потянулась погладить его по головкѣ, погладила, обняла, прижала къ себѣ и залилась горячими слезами.

Вуколь и самъ заплакалъ.

Такъ и поплакали мать и сынъ, а на утро ушелъ Вуколь и только къ вечеру вернулся.

Отъ шести утра до половины десятаго вечера медленно-медленно тянулось время для Анны Сидоровны.

Бывало, въ шесть часовъ отецъ уйдетъ, а Вуколь спитъ себѣ за платянымъ шкафомъ.

И часъ спитъ послѣ отца, и два спитъ, и три спитъ...

Разбудить его мамка, горяченькимъ напоить, покормить, походить, гулять выпустить...

А тутъ Вукола стали будить чуть не съ пѣтухами.

Да и ложился Вуколь прежде вечеромъ тоже часовъ въ восемь.

Отецъ придетъ и не видитъ Вукола.

— Да какой онъ такой, я, право, ужъ и позабылъ что-то,—говаривалъ Прокофій Вуколовичъ.

— Не морить же ребенка до твоего прихода. Куры на насъ, и онъ ровно кошка жмуриться zaczynaеть...

— Хоша утромъ бы показала.

— Сказалъ тоже!.. Съ первыми пѣтухами поднимаетесь, а младенца буди...

— А ну, тебя!.. Коли ежели съ курами укладывается, съ пѣтухами бы вставать могъ.

— Еще будетъ время,—возражала Анна Сидоровна.

И вотъ это время настало, но настало худшее: съ курами не укладывали спать Вукола, за то съ пѣтухами будили.

— Изведется мальчикъ,—говорила мать.

— Небось, не изведется... не онъ первый, не онъ и послѣдній,—говорилъ отецъ.

IV.

 ДИНОЧЕСТВО, тоска, вѣчное сидѣнье безъ воздуха доказали Анну Сидоровну. У нея развились различныя болѣзни, которыя и свели ее въ могилу.

Началось «перерожденіе нутра», какъ говорилъ Прокофій Вуколовичъ, сильно объевропившійся за восемь лѣтъ «со дня пришествія» своего въ Москву. Онъ, какъ Гордѣй Торцевъ, старался «всякую моду подражать» и ничего, — «ровно бы и выходило».

Я думаю, каждый замѣчалъ особенную способность русскаго человѣка приспособляться и изъ «сиволапа» начинать выглядывать все приличнѣе и приличнѣе.

Посмотрите на гостинодворскихъ приказчиковъ большихъ магазиновъ. Развѣ же это не европейцы? Развѣ же это тѣ азіаты, которыми они были лѣтъ семь-восемь тому назадъ?

Такъ «приспосабливался» и Прокофій Вуколовичъ, шлифуясь съ каждымъ днемъ, съ каждымъ мѣсяцемъ. Да и «капиталь» его возрасталъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ свелъ знакомство съ полковникомъ Мещериновымъ, помогшимъ ему за хорошей магарычъ достать выгодные подряды на богатѣльни и пріюты, по доставкѣ холста, полотна и нитяныхъ товаровъ.

Полковникъ Мещериновъ былъ не дуракъ, любилъ выпить, хотя ему доктора выпиваніе это строго запрещали, о чемъ всегда просила его и жена очень красивая блондинка, Аглая Евгеніевна.

Увы! Діодоръ Викентьевичъ не въ состояніи былъ исполнить просьбу жены и запрещенія врачей: онъ слишкомъ втянулся, чтобы остановиться. Хворалъ и пилъ.

Ему-то и обязанъ былъ Прокофій Вуколовичъ началомъ своего обогащенія. Съ нимъ у него завязалась дружба, и хотя Мещериновъ еще не удостоивалъ плебея-крестьянина приглашеніемъ въ домъ, но и отъ этого уже было не далеко.

Разъ Мещериновъ спросилъ Журавлева:

— Послушай, Прокофій Вуколовичъ, ты долго еще будешь скряжничать?

— А что надѣть?

— «Надѣть»!.. Сѣрость!.. Не «надѣть», а «надо».

— За остановку спасибо... Такъ что надо-то?

- А изъ крестьянъ выйти и въ купцы приписаться...
— Переводъ деньгамъ.
— То-то не переводъ... Ты въ будущее гляди...
— А мнѣ что будущее-то?.. Сынъ у меня одинъ, да и тотъ неуклюжій... Никакая полировка его не беретъ...
— Да ты можешь его кулакомъ утюжишь?
— Ну, кулакомъ — не кулакомъ, а ино дѣло смажешь подзатыльникомъ.
— «Ино дѣло смажешь»!.. Ишь, вѣдь, выворачиваетъ... Развѣ такъ говорятъ? Ну, отвѣчалъ бы: «иногда руку не сдержишь». Это будетъ мягче...
— Ну, подзатыльникъ-то мягче не будетъ,—засмѣялся Журавлевъ.
— А и то лучше, если и совсѣмъ безъ битья обойдешься... Врагъ мнѣ тотъ, кто дѣтей бьетъ...
— Ну, и я не буду... Уважу!..
— Уважь, въ купечество записавшись. Я тогда тебѣ еще подрядовъ добуду... По суконной части сможешь?
— Эва! По какой хочешь...
— Ну, ладно!..

И вотъ, благодаря Мецеринову, Журавлевъ приписался къ московскому купечеству, благодаря ему же свелъ болѣе хорошее знакомство, благодаря ему же задумалъ и магазинъ преобразить.

— Вали такъ, чтобы въ носъ бросилось.

— Съ форсомъ?

— Ну, разумѣется!

Но преобразование магазина замедлилось по причинѣ смерти Анны Сидоровны.

Мучительная была кончина ея. Она задохлась. Ни мужа, ни сына не было въ минуту ея кончины. Одна Акулина, деревенская баба, взятая за послѣдній годъ въ стряпухи, находилась около нея, да и та, когда хозяйка начала метаться, въ испугѣ убѣжала на дворъ, а когда вернулась, то Анна Сидорова была уже бездыханна.

Схоронилъ Журавлевъ Анну Сидоровну, заказалъ сорокоустъ въ приходской церкви, и все пошло по старому. Только Вуколь совсѣмъ уже осиротѣлъ. Отецъ, въ погонѣ за наживой и за галантностью, почти совсѣмъ забросилъ сынишку, котораго не брала полировка, и Вуколь сдѣлался тою тряпкою, которою помывали не только приказчики, но и подростки-мальчишки. Хозяйскій сынъ шелъ въ послѣднихъ между послѣдними. При матери Вукола никто не обижалъ, умерла Анна Сидорова и жизнь Вукола стала хуже собачьей жизни.

V.

КОГДА овдовѣлъ Журавлевъ, Мещериновъ сталъ подбивать его жениться.

— Да ломи дерево выше! Не гонись за приданымъ, а такъ бери, чтобы въ тестя генерала, въ тещу генеральшу. Приданое-то наплевать, а влияніе-то дѣло великое.

— Разумѣется, но только пока-что о бракѣ я еще не думаю... Что мнѣ спѣшить? Еще не перестарокъ... Опять же если по твоему-то совѣту поступить и тещей, и тестемъ. если и не изъ генераловъ, а и пониже обзаводиться—отполироваться слѣдуетъ. А гдѣ по трактирамъ-то отполируешься?

— Это ты вѣрно... Бутылкою лоска не натрешь... Да вотъ что: безъ женщины мы въ полировкахъ пвахъ. Давно мы съ тобою знакомы, а домами не познакомились... Ну, да откровенно скажу, сердись не сердись, неложко было. Жилъ ты гдѣ-то въ Замоскворѣчьи... Жена твоя, можетъ, и хорошая была баба...

— Кроткая была...

— Ну, это еще не великая добродѣтель. Кротость, да смиреніе—чертово обхожденіе. Я про то говорю, что была она простая деревенская баба. Сама и щи варила, сама и помыла, сама и бѣлье стирала.

— По хозяйству!..

— По хозяйству... Нѣтъ, безъ нужды на бабѣ верхомъ ѣздилъ. Ты бы могъ жизнь иную предоставить.

— Не требовала.

— Потребуешь у васъ, у чертей. Вы вѣдь сейчасъ къ носу кулакъ, на, молъ, нюхай, чѣмъ твоя перемяна жизни пахнетъ...

Мещериновъ махнулъ рукой.

— Ну, ладно,—сказалъ онъ.—Теперь ужъ и поминокъ о ней править не буду. Умерла и къ сторонѣ. Умирать нехорошо, а умереть отлично. Такъ вотъ говорю: теперь ты вдовецъ, слѣдовательно и вольный казакъ. Теперь тебя я съ женой моей познакомлю. Барыня, братъ, первый сортъ. Угу-гу-гу!.. Она своими требованіями живо тебя отшлифуетъ. Четверги у насъ. Вотъ ты въ первый же четвергъ и приѣзжай. Хотя по этикету жениному и слѣдовало бы тебѣ приѣхать съ визитомъ утромъ, да еще и во фракъ, но ладно, сойдетъ и вечеромъ, и въ сюртукѣ. Познакомиться-то желаешь?

— Даже очень. Слышалъ отъ твоихъ знакомыхъ, что у тебя барыня форсистая.

Дождался Прокофій Вуколычъ четверга и отправился.

Барыня Аглая Евгеньевна, дѣйствительно «форсистая», приняла Журавлева очень мило и просто, просила бывать по четвергамъ, сказала, что давно знаетъ его по рассказамъ мужа,

пожалѣла о постигшемъ его горѣ, и затѣмъ, предоставила его самому себѣ.

— Не стѣснительная!—сказаль онъ Мещеринову.

— Что же,—не стѣсняется или не стѣсняется?

— И то, и другое.

— Многихъ изъ гостей Мещеринова Журавлевъ зналь. встрѣчаясь съ ними въ путешествіяхъ съ Мещериновымъ по ресторапамъ; другихъ зналь по пріютамъ и богадѣльнямъ. Съ незнакомыми познакомился, размѣнявшись поклонами и пожатіемъ руки. Вообще Журавлевъ съ мужчинами не стѣснялся, но чувствовалъ «большую зависимость» отъ манеръ въ дамскомъ обществѣ.

— А ты будь смѣлѣе!—посоветоваль ему Мещериновъ и затѣмъ спросилъ:—«стучишь»?

— То-есть какъ «стучишь»?

— Въ стуколку играешь?

— Не пробоваль.

— А ты попробуй. Штука немудреная. И если за науку рубликовъ на сто заплатишься, такъ за то выучишься.

— Сто рублей—деньги!

— Полно! Сто рублей щепки, а не деньги!

Мещериновъ усадилъ Журавлева за стуколку, самъ на пять минутъ сѣлъ около и научилъ его премудрости.

Журавлевъ былъ радъ, что «занялся дѣломъ», и хотя слегка проигрываль, но изъ-за стола не вставаль, и только изрѣдка, когда въ комнату входила Аглая Евгеніевна, уставлялся въ нее глазами, думая: «экая баба красивая». Журавлевъ не пропускаль четверговъ у Мещеринова и, какъ человекъ дѣловой, не теряль времени и знакомился поближе съ интендантскими чиновниками.

Аглая Евгеніевна привыкла къ Журавлеву. Онъ постоянно ѣздилъ съ подарками и въ особенности угодилъ пуховой накидкою изъ лебяжьего пуха изъ партіи, полученной изъ Нижнего-Новгорода его новооткрытымъ розничнымъ магазиномъ.

Аглая Евгеніевна вмѣстѣ съ мужемъ была на молебнѣ въ магазинѣ и на завтракѣ. Журавлевъ ей поднесъ роскошныя, шитыя золотомъ по темносинему бархату, туфли, но попросилъ какую-нибудь маленькую монетку «на счастье».

Аглая Евгеніевна была даже тронута милымъ вниманіемъ Журавлева.

— Да ты, братъ, такъ обуркался, что опасенъ дѣлаешься. Ты у меня Аглаю-то не отбей,—сказаль Мещериновъ.

— Да такую даму отъ такого, какъ ты, кавалера и слѣдуетъ отбить. У тебя-то она не къ рукамъ.

И Аглая, и Мещериновъ расхохотались.

Такъ прошло два года.

Однажды утромъ въ магазинъ зашелъ одинъ изъ общихъ знакомыхъ Мещериновыхъ и Журавлевыхъ.

— Что-жь, Прокофій Вуколычъ, на панихиду-то пойдёмъ?

— На какую панихиду? Когда? Къ кому?

— Да въ часть назначена. А къ кому? Да нѣшто-жь не слыхалъ. Мещериновъ, Діодоръ Викентьевичъ...

— Ну?

— Приказаль долго жить. Пришелъ поздно, сталъ раздѣваться, упаль и готовъ. Вотъ она, жизнь-то наша!

— Ахъ, ты, Господи... Не слыхаль я до сего часа.

Журавлевъ чрезвычайно взволновался и прошелъ къ себѣ въ кассу, взялъ что было денегъ, положилъ въ карманъ и сказалъ знакомому:

— Сейчасъ поѣду, можетъ тамъ что нибудь понадобится. Аглая Евгениевна-то вѣдь совсѣмъ одинокая.

И Журавлевъ, чрезвычайно пораженный извѣстіемъ, поѣхалъ къ овдовѣвшей Мещериновой.

Ему казалось, что онъ очень жалѣеть пріятеля, а, между тѣмъ, его сердце болѣло за Аглаю Евгениевну. Онъ не вошелъ, а вбѣжалъ по лѣстницѣ.

Двери были не заперты. Мещериновъ лежалъ на столѣ, еще не одѣтый, прикрытый простынею.

Аглая Евгениевна, въ темномъ платьѣ, кое какъ причесанная, съ глазами, опухшими отъ слезъ, имѣла видъ чрезвычайно потерянный.

Журавлевъ какъ вошелъ, такъ положилъ три земныхъ поклона, поцѣловаль покойника, утеръ покотившіяся слезы и прошелъ въ комнату Аглаи Евгениевны.

Та встала ему на встрѣчу.

— Господи, какое несчастье!—сказалъ онъ, качая головой.

Аглая Евгениевна заплакала.

Журавлевъ далъ ей проплакаться.

— Не поберегется Діодоръ Викентьевичъ... Никого не слушалъ.

— Да, рисковаль здоровьемъ, ни о себѣ, ни о насъ съ дочерью не думаль.

Журавлевъ мялся, не рѣшаясь начать, но наконецъ пересилилъ себя.

— Аглая Евгениевна, прикажите быть своимъ человѣкомъ.

Мещеринова смотрѣла на Журавлева.

— Ужъ вы не сердитесь. Человѣкъ я простой. Супругу вашему вотъ какъ выше головы обязанъ. Зналъ жизнь его... Извините за пословицу, «былъ онъ хотя и не мотъ, да деньгамъ-то было у него не водъ». Еще разъ извините: оставиль-ли что?

— Ваше доброе участіе не извиненія требуетъ, а глубокой благодарности. Скажу вамъ правду, во всемъ домѣ тридцать два рубля. И потомъ вы знаете, конечно, объ его проигрышѣ.

— Слыхаль.

— Этотъ проигрышъ его и свель въ могилу... Все заложили чтобы покрыть проигрышъ... едва набрали... Шутка сказать

три тысячи пятьсотъ рублей, да еще не своихъ, пріютскихъ денегъ.

— Предлагаю я покойнику тогда деньги—отказался.

— Гордъ былъ...

— А толку что? Вотъ она, гордость-то, куда ведетъ.

Журавлевъ мотнулъ головою въ сторону, гдѣ лежалъ покойникъ, и сказалъ: «Э-эхъ, Діодоръ Викентьевичъ!» И затѣмъ, оглянувшись, сказалъ:

— Аглая Евгеньевна, въ ноги поклонюсь, если не откажете въ моей просьбѣ!

— Что такое?

— Вотъ тутъ тысяча рублей. Если сейчасъ больше нужно, сейчасъ же и привезу.

— Друзья познаются въ несчастіи, — сказала Аглая Евгеньевна и добавила:—этого очень много, половины довольно.

— Нѣтъ, ужъ вы похороны сдѣлайте пышныя. Поминки и все такое, пусть никто не скажетъ, что, молъ, пилъ да гулялъ, а похоронить было не на что. Это никому знать не надо. Пусть память хорошая сохраняется. Память—дѣло великое.

— Спасибо! Вотъ какое спасибо!

Аглая Евгеньевна встала и крѣпко-крѣпко поцѣловала въ голову Журавлева, который даже присѣлъ отъ поцѣлуя.

Оправившись, онъ рѣшилъ взять за руку Аглаю Евгеньевну.

— И еще прошу, въ память дорогого мнѣ и вамъ покойника, во всякое время ни къ кому больше, какъ ко мнѣ. Маленькую записочку: «заѣзжайте», и я всегда къ вамъ со всѣмъ сердцемъ.

Прошло всего девять мѣсяцевъ, и Прокофій Вуколовичъ вступилъ въ законный бракъ съ вдовою Мещеринова.

Свадьба многихъ удивила, но что-жъ изъ этого?

Удивляются и не такимъ свадьбамъ...

VI.

ПРОКОФІЙ Вуколовичъ былъ на седьмомъ небѣ.

«Такъ сказать, краля, благородная и образованная и вдругъ сдѣлала ему предпочтеніе».

— ! сѣмъ предпочла, — говорилъ Прокофій. Ему не возражали, а поддакивали, и никто не спросилъ: «а кому же она его предпочла, когда за нее никто, кромѣ него, и не сватался?»..

И для кого, кромѣ Прокофія Вуколовича, она была находкою?

Правда, женщина молодая, довольно красивая, знавшая языки, умѣвшая играть на рояли, немножко пѣть, слегка кокетничать, бойко разговаривать...

Но такихъ тысячи!..

А за то препятствій къ браку было весьма много.

Первое — она была не хозяйка; второе — избалованная; третье — вдова; четвертое — съ дочерью; пятое — безъ гроша денегъ; шестое — безъ всякаго приданого...

Для Прокофія Вуколовича, тянувшася такъ, чтобы и «дворянамъ не уступать», Аглая Евгеніевна была завидною невѣстою; для каждаго другаго человѣка съ состояніемъ и положеніемъ Аглая Евгеніевна ничего завиднаго не представляла.

Робкій поцѣлуй, который онъ далъ ей въ храмѣ послѣ вѣнчанія, отдалъ его, такъ сказать, въ руки Аглаѣ Евгеніевнѣ. Она давно вила изъ него веревки, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда онъ вздумалъ издалека намекнуть на любовь свою, а когда поцѣловалъ онъ ее робкимъ поцѣлуемъ, она подумала: «все еще робеть», и рѣшила держать мужа подъ башмакомъ.

Нѣсколько пустоватая (говорю такъ изъ вѣжливости къ дамѣ, а на самомъ дѣлѣ достаточно-таки пустоватая), она не сумѣла стать второю матерью сыну Прокофія Вуколовича, бѣдному, пришибленному Вуколу.

Она не приласкала полусиротку, не приблизила его къ себѣ, даже просто на просто не обратила на него никакого вниманія.

Вуколь остался на прежнемъ положеніи, которое, впрочемъ, ухудшилось тѣмъ, что его стали «подковыривать» и приказчики, и мальчишки.

Вуколь все больше и больше уходилъ въ себя, ни съ кѣмъ не сходился, да и съ кѣмъ ему было сходитьсь?

Знакомые Прокофія Вуколовича обращали его вниманіе на заброшенность мальчика, но тотъ оправдывался тѣмъ, что съ Вуколомъ ничего не подѣлаешь, что онъ пошелъ въ покойную мать, — такой же угрюмый и нелюдимый, неласковый, неразговорчивый и словно волкъ, котораго сколько ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ.

— Право, — говорилъ иногда Прокофій Вуколовичъ, — я бы его, будь ему годовъ побольше, въ деревню на крестьянство отправилъ.

Знакомые покачивали головами и конечно, на основаніи пословицы: «наша хата съ краю», громко не осуждали Прокофія Вуколовича, а такъ иногда говорили, что «слѣдовало бы съ Вуколомъ поступить какъ нибудь лучше».

Но поговорили, поговорили и перестали. Какъ ко всему въ мірѣ привыкаютъ люди, такъ привыкли и всѣ знакомые къ положенію Вукола, привыкъ самъ Вуколь, привыкъ отецъ, привыкла мачиха.

Такъ до 17 лѣтъ шель Вуколь въ мальчикахъ.

Разъ онъ сказалъ:

— Тятенька, не дозволите-ли мнѣ стать хоша въ подручные

Подъ властью тьмы.

къ приказчику, а изъ мальчиковъ я выросъ и бlyкаюсь по кладовой ни въ «тѣхъ, ни въ сѣхъ».

Тутъ только Прокофій Вуколовичъ спохватился, что онъ забылъ про Вукола и, кажется, первый разъ въ жизни ласково сказалъ ему:

— Вѣдь экій ты право странный, Вуколушка... Давно бы сказалъ...

— Я думалъ, что вы, тятенька...

Но Вуколъ не договорилъ и оборвался. Что-то дагнуло ему въ горлѣ, кажется заклокотали слезы, но онъ постарался ихъ подавить, или, скорѣе, проглотить.

— Да ты бы какъ хотѣлъ, Вуколушка?— спрашивалъ между тѣмъ отецъ.

— Какъ прикажете, тятенька.

— Прежде всего прикажу не звать меня тятенькой, а звать папенькой...

— Не привыкнуть теперича... трудно...

— Ну, что трудно, то еще не невозможно... Постарайся: знаешь, Аглая Евгеньевна не любитъ этихъ простонародныхъ словъ. Самъ знаешь, какъ теперь нашъ домъ поставленъ, кто у насъ бываетъ и вдругъ: «тя-тень-ка».

— Гдѣ же мнѣ знать объ этомъ? Я на вечерахъ никогда не бывалъ...

— И глупо дѣлалъ... Прячешься отъ людей, какъ мать покойница пряталась...

— Я не прятался, тятенька... виноватъ... папенька, а что мнѣ въ моемъ простонародномъ костюмѣ и высокихъ сапогахъ невозможно было...

— Давно бы переодѣться слѣдовало... Упоренъ ты очень, Вуколушка, очень упоренъ.

— Да на какія же деньги?

— Развѣ у отца денегъ нѣтъ?..

— Такъ почему же я могу знать, тятенька, нужно-ли мнѣ было переодѣваться?.. Вы кажинный день меня видѣли и ничего не приказывали... Я же самъ въ кладовой на верху, а тамъ всѣ по русски ходятъ.

Прокофій Вуколовичъ, припертый къ стѣнѣ, притворно сердясь, сказалъ:

— Ну, да, у дѣтей все отецъ виноватъ. Самъ неласковъ... Ты иногда такъ запрячешься, что про тебя и совсѣмъ забудешь.

Вуколъ отъ послѣдней фразы чуть не вскрикнулъ, но удержался.

Прокофій Вуколовичъ это замѣтилъ, хотѣлъ отнестись по-сердечнѣе, но почему-то остановился.

Ему хотѣлось прежде всего обратиться за совѣтомъ къ Аглаѣ Евгеньевнѣ, «какъ она скажетъ».

А Аглая Евгеньевна коротко отвѣтила:

— Ахъ, Боже мой, какъ хочешь!

— Нѣтъ, я такъ спросилъ.

— А если такъ только, то не зачѣмъ было и спрашивать.

— Я думалъ, какъ тебѣ покажется?

— Да мнѣ-то что же!.. Какъ ты знаешь: твой сынъ, не мой вѣдь...

— Я хотѣлъ бы тебя спросить...

— Что ты хотѣлъ меня спросить?.. — Аглая Евгеніевна даже разсердилась. — Хотѣлъ, хотѣлъ, а что хотѣлъ и самъ не знаешь.

— Я зналъ, что это тебя разсердить.

— Не это меня сердить, а сердить то, что ты свое нерадѣнье о сынѣ потомъ на меня свалишь... Знаю я эти спрашиванья!

Прокофій Вуколовичъ молчалъ.

— Столько лѣтъ прошло, и вдругъ забота о сынѣ напала, точно онъ вчера родился... Ну, переодѣвай, показывай, нечего сказать: нещечко покажешь. И тебѣ-то тоже будетъ стыдно, да и мнѣ попрекъ... Скажутъ, что удивительнаго: у мачихи ростъ. Если хочешь меня выставить предъ всѣми, то сдѣлай одолженіе, переодѣвай и въ передній уголь его посади...

Прокофій Вуколовичъ махнулъ рукой.

— Пусть его идетъ по торговой части, потѣшу его по лавкѣ и пока будетъ...

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ его въ чужіе люди отдала. Тамъ бы онъ по торговлѣ и пошелъ. А то ты его и въ магазинѣ-то все время въ черномъ тѣлѣ держалъ, какое же къ нему уваженіе будутъ имѣть?... Эхъ, ты, отецъ!..

И Аглая Евгеніевна вышла совершенно правою изъ поднятаго вопроса.

— А ты правду, Гляя, говоришь... Въ самомъ дѣлѣ, по конторѣ его отдать, пусть поучится. Жить будетъ у насъ, а работать у людей, года черезъ два, черезъ три я его изъ конторы возьму и у себя поставлю... Тогда къ нему и отношеніе другое будетъ.

— Дѣлай, какъ знаешь.

И вотъ Прокофій Вуколовичъ на другое утро позвалъ къ себѣ Вукола въ кабинетъ.

— Я вотъ что, Вуколушка, надумалъ... хочу тебя года на три по торговой части поучиться поставить...

— Какъ угодно, тятенька.

— Жить ты будешь у меня, а торговать учиться у другихъ, знаешь самъ, въ берлогѣ два медвѣдя не живутъ... Старшимъ приказчикомъ я сдѣлать тебя не могу: ты еще и молодъ, и неопытенъ, а поставить какъ бы въ надзоръ за старшимъ — старшаго обидишь... Такъ я и надумалъ: три, а можетъ два года ты поторгуешь у людей, по нашей же части, а тамъ хозьяномъ въ кладовую войдешь, ладно-ли?

— Какъ угодно, я, тятенька, этого судить не могу.

— Ну, однако же понимаешь?

— Оно точно, чужіе люди научать скорѣе, — проговорилъ съ горечью Вуколь.

— Ну, вотъ видишь... Выходить, что придумали хорошо... И Аглая Евгеньевна одобряетъ.

Прокофій Вуколовичъ, говоря послѣднюю фразу, потушился, и прекрасно сдѣлалъ, въ противномъ случаѣ онъ увидалъ бы такой злобный взглядъ Вукола при упоминаніи объ одобреніи этого плана Аглаей Евгеньевой, что пожалуй бы и испугался.

Вуколь былъ увѣренъ, что и весь-то планъ объ удаленіи его изъ дома принадлежитъ мачихѣ.

Однако, прежде чѣмъ отдать Вукола въ контору, прошло еще три мѣсяца.

Стали собираться Журавлевы на югъ.

— Ну, а какъ же твой Вуколь? — спросила Аглая Евгеньевна. — Съ нами поѣдетъ, или ты, наконецъ, отдашь его въ контору?.. Кажется, можно бы было устроить... Въ три мѣсяца не выбрала времени съ людьми о сынѣ поговорить.

На югъ Аглая Евгеньевна собиралась ѣхать потому, что послѣ вторыхъ родовъ она стала чувствовать себя весьма худо, все недомогала. Доктора посовѣтовали ѣхать въ Крымъ, и Аглая Евгеньевна готовилась къ отъѣзду.

Прокофій Вуколовичъ, наконецъ, рѣшился обратиться къ пріятелю, Никанору Саввичу Недоумкову.

VII.

А ТО ТЫ ЭТО вдругъ надумалъ сына въ люди отдавать? — спросилъ Недоумковъ Журавлева.

— Да думаю, что у чужихъ людей Вуколь пообуркается. Бука, у себя въ домѣ въ дѣло не входитъ, приказчики не поуждаютъ, потому, «какъ, моль, можно, — хозляiskій сынъ». Ну, и лодарничаютъ.

— Такъ-ли, полно? Не молодая-ли жена этого хочетъ? Бѣльмо онъ у ней на глазахъ... А?.. Говори прямѣе.

— Полно! Не такая моя Аглая.

— Сколько ему лѣтъ-то?

— Да семнадцать.

— Поздно въ ученье-то брать.

— Онъ все же понаметанъ. Я ужъ не въ ученье, а просто подь строгій присмотръ чужихъ людей.

— Такъ-такъ! Это бы дѣло было, если бы раньше подумать.

— Не возьмешь развѣ, Никаноръ Саввичъ?

— Да отчего же не взять? Замѣчай только, такъ кстати,

что маленько поздно, а взять, отчего не взять. Только жалованья большого не дамъ.

— Ну, тамъ что положишь. И то не столько въ жалованье, сколько въ поощреніе ему самому, что вотъ-де свою копѣйку имѣю. Жить онъ у меня будетъ.

— Не резонъ!

— Какъ не резонъ?

— А такъ не резонъ. У меня такое заведеніе, свой глазъ—алмазъ, чужой—стеклышко. За себя беру, самъ и смотрѣть буду.

— Да ладно, Никаноръ Саввичъ, у тебя люди съ голоду не мрутъ, подъ камышевкой, какъ у другихъ, не ходятъ. Пусть у тебя живеть.

— Со двора разъ въ мѣсяць.

— Какъ захочешь.

— Чтобы форса, значить, у него никакого не было.

— Кроткій онъ у меня.

— Ну, вотъ теперь кроткій. Досель букою былъ, а теперь въ кроткіе произвелъ.

— Что-жъ ты тутъ увидаль? Бука нѣшто кроткій не бываетъ?

— Ну, да ладно, тамъ увижу. Говори допрежь всего на сколько лѣтъ отдаешь?

— Года на два, Никаноръ Саввичъ.

— Не возьму. Ничего не выйдетъ. Ни два, ни полтора. Ежели ты его дѣйствительно въ науку отдаешь, отдавай, ну, хоша года на три, а того лучше на четыре. Ну, а ежели ты его временно съ рукъ спихиваешь, такъ спихни, братецъ, кому другому. Меня ты знаешь, я обстоятельный...

Прокофій Вуколовичъ покачалъ головой.

— Ты свое! Хочу его научить, чтобы хозяйство вести могъ. Самъ знаешь, теперь у меня другихъ двое, кромѣ падчерицы. Аглая Евгеніевна своихъ ни за что по торговой части не пуститъ, сколько бы сыновей у нея ни было, ну, а вѣдь я стариться начинаю.

— Перестарокъ совсѣмъ.

— Да вѣдь всѣ подъ Богомъ. Трость стоитъ, дубъ ломится.

— Такъ, значить, взаправду учить хочешь?

— Съ чего у тебя недовѣріе?

— А съ того, что ты, купецъ, изъ своей воли выбился. На сторонѣ опять женился, вотъ тебѣ и довѣрія нѣтъ.

— Мнѣ жена не указъ. Я глава.

— Будеть! Самъ сейчасъ сказалъ, что Аглая... какъ по батюшкѣ-то?...

— Евгеніевна.

— Аглая Евгеніевна ни за что своихъ сыновей, сколько бы ихъ у нея ни было, по торговой части не пуститъ, значить, она голова-то, а ты хвостъ.

Журавлевъ сконфузился.

— Ну, да ладно, ладно. Приведи Вукола, поладимъ! Никто, какъ Богъ.

И Вуколъ былъ приведенъ къ Никанору Саввичу, торговцу обстоятельному, богатому, солидному, строгому и оборотистому.

— Что, паренекъ, не прочь у чужихъ людей пожить, добру научиться?

— Я не прочь, Никаноръ Саввичъ, опять же тятенькина воля.

— Ты изъ отцовой-то воли не выходилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Никаноръ Саввичъ.

— Може, набалованъ ты дома-то, такъ моя строгость тебѣ не въ угоду будетъ?

— Я строгаго житья не боюсь, Никаноръ Саввичъ. — сказалъ Вуколъ.

— Это дѣло. По торговой-то, по своей-то части кое-чему понаметался?

— Попробуйте, Никаноръ Саввичъ, самому о себѣ что же сказывать.

— Смотри, отецъ на четыре года отдаетъ. На че-ты-ре!..

— Какъ тятенькѣ угодно, ихъ воля, — сказалъ Вуколъ.

— Ну, вотъ это хорошо, за это люблю, приходи завтра по утру. Экзаментъ сдѣлаю.

— Слушаю-съ.

И Вуколъ явился на утро къ Никанору Саввичу въ кладовую, на «экзаментъ».

Старикъ Никаноръ Саввичъ походилъ съ нимъ по отдѣленіямъ. О томъ спрашивалъ, о другомъ. Требовалъ опредѣленія цѣвъ на холсты и полотна, оказалось, что Вуколъ дѣло понимаетъ и во все время нахождения у отца въ кладовой вникалъ въ самую суть его, да только проявить знанія было негдѣ, да никто и не требовалъ этого вникновенія и проявленія.

— Ну, что-жь, въ пріемномъ отдѣленіи станешь. Будешь цѣвну опредѣлять и товаръ разсортировывать. Съ поставщиками дружи, а имя хозяина свято держи. Понялъ меня?.. А... слышишь?..

— Слушаю-съ.

— Поладимъ! Поживемъ-увидимъ.

Порѣшили Журавлевъ и Недоумковъ на словѣ, и Вуколъ перешелъ къ Никанору Саввичу.

Тихій и кроткій Вуколъ, способный и привычный къ дѣлу, очень понравился Недоумкову, но обстоятельный купецъ сразу этого не показалъ, опредѣлилъ Вукола сперва на перво въ черное «тѣло» и заперъ его въ одно помѣщеніе съ приказчиками.

— Къ чужимъ людямъ отданъ, чужелюдскаго житья попытай, — такъ говорилъ Никаноръ Саввичъ, но все же помнилъ, что Вуколъ — сынъ коммерсанта и пріятеля, съ которымъ они дружили много лѣтъ, другъ дружкѣ не мѣшали, хотя оба шли «по одной части».

VIII.

РАДА была Аглая Евгеньевна избавиться отъ Вукола. Она все лѣто прекрасно провела на югѣ и вернулась здоровою.

Прокофій Вуколовичъ два раза ѣздилъ къ нимъ въ Крымъ, и оба раза гостилъ по двѣ недѣли.

— Вотъ здѣсь бы имѣніе купить, Прикъ!

Аглая Евгеньевна долго не знала, какъ сократить имя Прокофій. Проша—тривіально, Проня — совсѣмъ гнусно, и вдругъ какъ-то разъ она назвала его Прикъ.

Съ тѣхъ поръ такъ и пошло: Прикъ да Прикъ, такъ и утвердилось.

— Нѣтъ, Гляя, здѣсь имѣнія кусаются... Еще не по карману... Вотъ лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть, можно рискнуть...

— А теперь почему нельзя?

— Свободнаго капитала нѣтъ, отъ торговаго дѣла капиталъ оборотный вынуть — дѣло погубишь...

Аглая Евгеньевна не настаивала.

— Ну, черезъ пять лѣтъ, такъ черезъ пять... Подождемъ, надъ нами не каплетъ.

Но Аглая Евгеньевна такъ и не дождалась крымскаго имѣнія. Черезъ шесть лѣтъ ее не стало. Она оставила мужу: падчерицу, сына и дочь и, какъ ей казалось, непримиримаго врага своимъ дѣтямъ въ лицѣ Вукола, который, послѣ четырехъ лѣтъ возврата къ торговому дѣлу отца, частенько-таки становился мачихѣ поперегъ дороги и останавливалъ ее безумныя требованія.

— Тронуть, тятенька (онъ такъ и остался при словѣ «тятенька»), капиталъ не мудрено. Мы его уже много изъ оборота вынули... Кредитоваться на большія суммы приходится... Процентъ ѣсть, опять же содержаніе все вздорожало, а товаръ нашъ все въ одной цѣнѣ стоитъ: ни взадъ, ни впередъ...

Отецъ видѣлъ, что Вуколь говорилъ правду, но, подстрекаемый женою, не всегда слушалъ его.

Отношенія Аглаи Евгеньевны и Вукола Прокофьевича обострялись, и Вуколь не могъ стать противъ Аглаи.

Слишкомъ сильно забрала она въ руки Прокофія Вуколовича.

И вотъ, когда отецъ вынулъ деньги, чтобы купить домъ на имя жены, Вуколь прямо сказалъ отцу, что онъ затѣваетъ безумное дѣло, подстрекаемый безумною женщиною.

Это снова порвало всѣ отношенія между мачихою и пасынкомъ.

— Ты, Вуколь, не помнишь себя... Я деньги наживалъ, ничѣмъ умомъ не жилъ... Яйца курицу не учать...

— Для васъ же, тятенька.

— Не нуждаюсь. И такъ какъ ты все разореніе пророчишь, такъ я на твое мѣсто другаго поставлю, авось не разорюсь... А ты, если хочешь, такъ иди въ магазинъ по розничной продажѣ.

— Что же я тамъ понимаю?

— А учись... приглядывайся... Поймешь и въ распорядители встанешь, а то, братъ, схватки съ тобой надоѣли.

— Какъ, тятенька, прикажете.

— Да вѣдь приказъ слышалъ?

— Слышалъ.

— Ну, и будетъ.

Позванъ былъ подручный Вукола и приказано было ему принять дѣло кладовой и складовъ, а Вуколь явился въ розничный магазинъ и поселился наверху, гдѣ былъ складъ товаровъ, которыми торговали въ розницу.

Вуколь почти ничего не дѣлалъ. Онъ только слѣдилъ, куда поведетъ Аглая его родителя.

— И дѣла жаль, и тятеньку жаль! — говорилъ онъ самъ себѣ. — Она, видимо, хватаетъ, обезпечиться на случай хочеть... А тятенька поддался, и-и-и какъ поддался. Веревки она изъ него вьетъ.

Вуколь былъ почти всегда одинокъ, и на этотъ разъ, когда отецъ его смѣстилъ, сильно озлобился.

Вся жизнь его, какъ мы видѣли, была не красна, да и шла она какъ-то странно, устраивалась по какому-то едва вѣроятному способу.

Вотъ ужъ поистинѣ Вуколь былъ щепкой въ проруби. И плаваетъ, и не тонетъ, о берега бьется, а пристать не можетъ.

Даже любви Вуколь не испытывалъ, нужды нѣтъ, что въ это время ему было около 23 лѣтъ.

Онъ полагалъ, что отецъ отдѣлится его, высватаетъ ему какую-нибудь немудрую невѣсту, да тѣмъ и покончить съ нимъ, но время шло, Вуколь все оставался «ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ».

Ему и самому было иногда смѣшно на то, какъ курьезно сложилась его жизнь.

Конечно, за этимъ видимымъ смѣхомъ скрывались невидимыя слезы, но Вуколь не плакалъ, онъ продолжалъ ждать.

И вотъ онъ дождался смерти своей мачихи.

Ну, думалось ему, теперь легче станетъ, но не тутъ-то было: судьба продолжала издѣваться надъ нимъ.

Отецъ въ горѣ опять забылъ про него.

Лодырничалъ онъ и только!

Ни хозяинъ, ни хозяйскій сынъ, ни управитель, ни управляемый.

— Бываютъ такія положенія, да рѣдко, — говорилъ Вуколь.

Приказчики какъ-то странно смотрѣли на него.

Дѣловой человѣкъ, а не при дѣлѣ. Злится, а зла никому не дѣлаетъ.

— Или онъ въ себѣ таить злость и выльетъ когда-нибудь такъ, что многіе не очнутся,—говаривали они.

Ожидали всѣ, что послѣ смерти Аглаи Евгеніевны, возставшавшей противъ Вукола Прокофія Вуколовича, онъ займетъ, наконецъ, подобающее мѣсто, но не тутъ-то было!

— Опять ничего!

Больше года промаячилъ Вуколь, когда ему наконецъ поручили завѣдывать кладовой.

IX.

ВСКОРѢ къ Журавлевымъ поступила въ услуженіе та самая Маремьяна, которую мы уже видѣли съ вами, читатель, прибѣгавшую въ кладовую съ извѣщеніемъ Вуколу объ ударѣ, постигшемъ Прокофія Вуколовича.

Маремьянѣ было около 24 лѣтъ, а она была уже вдовою, и прехорошенькою.

Два года ея скитаній по Москвѣ, служеніе въ меблированныхъ комнатахъ сдѣлали изъ нея настоящую столичную прислугу, бойкую, ловкую, оборотистую.

Маремьяна, поступивши на мѣсто, въ три дня оглядѣла все какъ слѣдуетъ и выбрала Вукола для своихъ будущихъ операцій.

Онъ, вернувшись изъ кладовой, зашелъ на кухню помыть руки.

— Что-жъ это вы, Вуколь Прокофьевичъ, сѣрымъ мыломъ моетесь... Какъ же это можно? Оно съ поташемъ и только руки портить.

— Я привыкъ.

— Да какъ же можно-съ! Да и моетесь у крапта... Нѣшто же это возможно... Позвольте, я подамъ. Да вотъ мыльца моего не прикажете-ли? Помилуйте, я кухарка, а и то деликатность наблюдаю и всегда мыло употребляю первыхъ сортовъ.

Она подошла поближе, подала мыло и такимъ взглядомъ ошпарила Вукола, что онъ даже побагровѣлъ.

— Это-съ мыло не въ примѣръ лучше.

— Ну, давай, давай... не привыкъ я, ну, да все равно, помоюсь...

У Вукола была своя комната, небольшая, плохо обставленная, но все же этого особаго угла его не лишали.

Комната была въ концѣ корридора и окнами выходила на дворъ.

Маремьяна пошла къ цѣли самыми скорыми шагами. Зная, что Вуколь встаетъ очень рано, она явилась въ его комнату еще раньше и взяла отъ кровати со стула платье.

— Кто тутъ?—спросилъ Вуколь.

— Я-съ, Маремьяна.

— Зачѣмъ?..

— Платье взять почистить, сапоги...

— Платье мальчикъ на мнѣ чистить.

— Ужъ гдѣ же на васъ такъ вычистить... Щеткой помахаетъ, а я метелочкой выколочу... Опять же и сапоги... Нѣшто можно на ногахъ...

— Ужъ у насъ такъ заведено...

— Да вѣдь мало-ли какихъ заведеньевъ не бываетъ... Одинъ день одно, другой день—другое.

Маремьяна взяла платье и сапоги и ушла. Черезъ пять минутъ явилась снова.

— Бѣлье чистое не надо-ли?

— Я по субботамъ мѣняю... сегодня четвергъ.

— Разъ въ недѣлю?.. Да нѣшто же это возможно? У васъ тамъ въ кладовой пыль и все такое... Вамъ два раза мѣнять необходимо... Чистота—тѣлу вещь первая...

Маремьяна спросила:

— Ваше гдѣ же бѣлье-то?..

— А въ приказчицкой комнатѣ въ комодѣ...

— Нѣшто же это возможно... Къ вамъ перенесу... Платяную корзинку куплю и въ ней держать буду.

Маремьяна ушла.

— Въ тотъ же вечеръ она пришла сдѣлать постель. Взбила подушки, перемѣнила бѣлье, встрясла одѣяло и даже графинь съ водой на столъ поставила.

— Ежели ночью пить захотите, такъ вотъ-съ.

Она мотнула головой на графинь и стаканъ.

— Можетъ, ужинать по вечерамъ у себя въ горницѣ будете... Тятенька-то и братецъ вашъ съ сестрицами булочкой пропитываются, сыркомъ да маслицемъ.. Вы, Вуколь Прокофьевичъ, поди, голоднымъ изъ-за чаю встаете?..

— Есть тотъ грѣхъ, Маремьянушка.

— Такъ я на столъ остатки отъ обѣда подавать буду.

— Нѣтъ, нѣтъ... Это не введено и не надо.

— Въ такомъ случаѣ, у себя въ столикѣ завсегда найдете...
Купайте на доброе здоровье.

И Маремьяна зажаривала лучшій кусокъ или ухитрялась жарить его вечеромъ и ставила въ столъ Вуколу Прокофьевичу.

Вуколь былъ очень благодаренъ Маремьянѣ за ея заботу. Ея ласки напомнили ему дѣтство и заботы покойницы матери.

Но эти заботы начали мало-по-малу оттѣснять образъ матери и приближать образъ женщины, такой же простой, какъ и самъ Вуколь.

Маремьяна, хорошенькая Маремьяна, стала наполнять его воображеніе. Онъ задумывался о ней, она ему была уже нужна, выражаясь тривиально, какъ соль ко щамъ, и какъ масло къ кашѣ.

Однажды вечеромъ пришелъ Вуколь изъ кладовой, а дома никого не было.

Отецъ съ падчерицею и дѣтьми уѣхалъ къ какому-то генералу на имянины. Горничную Маремьяна отпустила и осталась дома совершенно одна.

— У насъ сегодня, Вуколь Прокофьевичъ, во-отъ какой просторъ, хоть танцуй.

— Что такъ?

— Да Прокофій Вуколовичъ съ дѣтьми и падчерицею уѣхали, а горничная къ «миленькому» у меня попросилась.

Маремьяна усмѣхнулась или, такъ сказать, хихикнула въ кончикъ платка.

— Она такъ и сказала тебѣ, Маремьяна, что «къ миленькому»?—спросилъ Вуколь, задавая вопросъ, однако, робко.

— Да кабы не сказала, нѣшто же у меня догадки нѣтъ... Нѣшто же есть на свѣтѣ горничная безъ миленькаго... Да не въ жисть...

— А у кухарокъ?

— И у кухарокъ есть.

— А у тебя, Маремьяна!

— Мой миленькій на томъ свѣтѣ... На кладбищѣ мой миленькій... Я вдова горемычная...

— А кто тебѣ велитъ вдовѣтъ?... Выходила бы замужъ.

— Кому вдова нужна... Да еще такая, какъ я?.. Ни за собой, ни на себѣ, ни подъ собой... Гдѣ ужъ мнѣ!..

— Тебѣ-то?..

— Кто меня возьметъ?

— Тебя-то?

— Такъ развѣ кто надсмѣяться захочетъ...

— За что же?.. Ты добрая...

— Да вѣдь коли ежели зубовъ нѣтъ, за неволю хвостомъ вертишь.

— Вонъ ты какъ меня-то поставила, я себя челоукомъ почувствовалъ... А нѣшто это безъ доброты возможно?..

— Такъ у меня къ вамъ, Вуколь Прокофьевичъ, сердце прилежить.

— За что же?

— Я въ три дня оглядѣла ваше положеніе въ домѣ, у приказчиковъ попытала. «Добрый, сказываютъ, да неудачный». Мачиха въ конецъ заѣздила. А у меня у самой мачиха-то злющая-презлющая была, испытала я... Насильно замужъ выдала. Не любила да пошла, только бы вырваться.

Маремьяна врала: никакой мачихи у нея не было, и никто ее насильно замужъ не выдавалъ.

Она ловко пріурочивала свое положеніе къ положенію Вукола.

— Такъ ты горя-то тоже видѣла?

— Видѣла?—спросила она и тутъ же прибавила:—Не токмо

что видѣла и ложкой его хлебала, и локтемъ черпала, и пригоршнями выкачивала... Вотъ почему, какъ мнѣ про васъ-то, Вуколь Прокофьевичъ, сказали, у меня и жалость къ вамъ явилась. Дай, молъ, думаю, хоша я поберегу, коли ежели никто не бережетъ.

— Вотъ и спасибо, Маремьянушка... Вотъ, какое спасибо... До земли.

— Такъ нѣшто же такъ благодарятъ, Вуколь Прокофьевичъ?

— А какъ же?

— Чуть не пополамъ перегнулся, да до земли пальцемъ коснулся и думаетъ нивѣсть какъ поблагодарилъ!

— Мнѣ нечѣмъ тебя благодарить, Маремьянушка... У меня ничего нѣтъ, хоть обыщи.

Маремьяна нахмурилась и грубо спросила:

— Самоваръ давать въ столовую или у себя въ горницѣ пить будете? Я въ столовую подамъ.

Она круто повернулась, быстро вышла и на всю квартиру хлопнула дверью.

Вуколь остался съ раскрытымъ ртомъ. «Чего она рассердилась?»

Вуколь прошелъ въ столовую, недоумѣвая, а Маремьяна тѣмъ временемъ сильно, до красна натерла глаза кулакомъ, слегка увлажила водою и понесла самоваръ.

— Да ты никакъ плакала, Маремьяна?

— Ничего не плакала... О чемъ мнѣ плакать?... Какое у меня горе?

— Отчего же глаза красные и мокрые?

— Васъ не спросились...

— Да можетъ, Маремьянушка, я тебя обидѣлъ? Скажи чѣмъ?..

— Еще спрашиваете, Вуколь Прокофьевичъ... Доброту мою сердечную, привязку мою къ вамъ душевную деньгами отблагодарить хотѣли.

— Я не знаю чѣмъ, Маремьянушка.

— Еще парень!..

Она улыбнулась, обнаживъ бѣлые зубы.

Вуколь потупился.

— Такъ я не смѣю такъ-то, какъ бы хотѣлось...

— Да тебѣ бы какъ хотѣлось-то, Вуколь Прокофьевичъ? — спросила Маремьяна и засмѣялась вызывающе.

— А такъ хотѣлось.—началь запинаясь Вуколъ,— такъ хотѣлось, чтобы обхватить тебя, обнять и начать цѣловать.

— Такъ чего-жъ думалъ-то?..

— А вдругъ...

— Не понравится, али забарахтаюсь?.. Дуру нашель... Да ты помани мизинцемъ, я и пойду. Въ пропасть помани, я и въ пропасть пойду.

— Али любишь?

Но Маремьяна вмѣсто словъ кинулась Вуколу на шею и обдала его такими порывами страсти, что Вуколь долго-долго не могъ опомниться.

Х.

 В этого вечера Маремьяна забрала Вукола въ руки. Долго сдерживаемыя страсти прорвались, Вуколь спалъ и видѣлъ только свою Маремьянушку.

А Маремьяна начала вести политику новую.

— Хоша бы прокатились куда... Этакъ на лихачѣ бы за городъ...

— Да на какія же деньги, Маремьянушка?.. У тятеньки просить...

— И у тятеньки попросить можно, пора бы тятенькѣ-то твоему самому догадаться. Мужикъ чуть не въ двадцать пять лѣтъ изъ рукъ отцовскихъ смотритъ!

— Что дѣлать!

— А то и дѣлать!.. Ежели самъ-то тятенька недогадливъ, такъ будь не простъ... Выручка-то у тебя?

— Такъ что же?

— Ну и бери!

— Вѣдь это же воровать?

— Полно, свое берешь!.. Падчерицѣ, коли нужно, она спрашиваетъ, а ты, родной сынъ, — спросить боишься... Погоди, вотъ всѣ вырастутъ, такъ будутъ на тебѣ ѣздить! Церемоніи!.. Да съ тобой-то чуть не тридцать годовъ не церемонились, а ты тятеньку бережешь!..

И Маремьяна разошлась.

— Ты посмотри-ка на себя-то? У тебя одно облаченіе-то, что въ праздникъ, что въ будни. Въ праздникъ ты слѣва направо застегиваешься, а въ будни справа на лѣво. А у падчерицы-то платьевъ не обобраться. Да и у братца-то, емнариста, гляди-ка сколько... Сѣрыхъ паръ завседневныхъ три, мундировъ-то два, для дома теплая кацавейка не кацавейка, а шутъ ее знаетъ что. Туркой али тужуркой Катерина зоветъ, не знаю. А у сестрицы? Комоды ломаются, шкафы врозь лѣзутъ. Али такъ и надо, что одному все, а другому ничего... А съ чьихъ денегъ-то родитель-то твой пошелъ?

— А съ чьихъ? — спросилъ Вуколь.

— То-то, съ чьихъ.. А съ матери твоей денегъ пошелъ. Женился, тридцать рублей получилъ, на нихъ холсты скупили и торговать на Москву пошелъ!

— Откуда ты знаешь?

— А лавочникъ-старикъ сказывалъ. Вотъ въ Турикѣ лавка...

— Да може вретъ?

— Люди ложь, и я тожь, только что же тутъ невѣроятнаго?

Завсегда съ грошей люди богатѣли, вотъ гроши-то первые трудны, а тамъ, разъ ихъ изымаль, и вали во всю.

— Кабы я навѣрное зналъ...

— Что?

— Да что тятенька съ маменькиныхъ денегъ въ ходъ пошелъ, я бы совѣсть-то по боку...

— Давно бы такъ. Сходи къ Порфиру Петровичу, къ лавочнику-то, старикъ разговорчивый... Поведи разговоръ-то, поди тебѣ разблаговѣститъ...

Но Вуколь не пошелъ, онъ на слово повѣрилъ Маремьянѣ, а Маремьяна съ каждымъ днемъ все шире и шире открывала передъ Вуколомъ горизонты.

Разъ Вуколь пришелъ домой блѣдный и сосредоточенный.

Маремьяна улучила минуту и влетѣла къ нему въ горницу.

— Чего ты?

— На, спрячь.

И Вуколь сунулъ ей въ руку десятирублевку.

— Это откуда?

— Изъ кассы взялъ.

— И изъ-за этого поблѣднѣлъ и лицомъ исказился?

— Первый грѣхъ, Маремьянушка, но лиха бѣда—начало.

Вукола всю ночь трясла лихорадка, но послѣ второй десятирублевки лихорадки больше не было, а послѣ первой сотенной Вуколь даже припѣвалъ.

XI.

ТЕПЕРЬ, когда читатель ознакомленъ съ дѣйствующими лицами моего романа, мы можемъ возвратиться къ его началу,—къ скоростижной смерти Прокофія Вуколовича.

Если помнить читатель наше сообщеніе о темной личности, съ которою прѣбхалъ Вуколь, то мы должны будемъ познакомиться съ нимъ читателя.

Темная личность была въ то же время очень умная личность, хотя трижды выгоняемая съ трехъ службъ за пьянство, но вдосталь ума не пропившая.

Темная личность была въ чинѣ коллежскаго совѣтника, занимала нѣкогда постъ начальника отдѣленія въ одномъ департаментѣ, затѣмъ служила въ консисторіи и мировомъ съѣздѣ, но отовсюду выпроваживалась за поклоненіе Бахусу.

Законъ у темной личности, которую звали Левъ Львовичъ Позументовъ, весь помѣщался въ головѣ. Всѣ пятнадцать томовъ съ приложеніями, дополненіями, разъясненіями, съ дополненіемъ къ разъясненіямъ и съ разъясненіемъ къ дополненіямъ, лежали и въ мозгу, какъ на полочкѣ.

Это былъ такой казуистъ и софистъ, которому могли позавидовать всѣ лица, причастныя къ юридическимъ занятіямъ.

Маремьяна провела Позументова въ комнату Вукола и сказала: «запрись извнутри и на три стука открывай».

Вуколь, когда священникъ уѣхалъ, подошелъ къ падчерицѣ и спросилъ:

— Прикажете распорядиться, или сами будете?

Падчерица посмотрѣла на него.

— Право я ничего не знаю, да и при чемъ я тутъ?

— Оно точно, что вы тутъ не причемъ, да можетъ быть покойный тятенька, онъ вѣдь всегда съ вами откровененъ былъ, какія ни на есть распоряженія передалъ?

— Папа никогда не думалъ о смерти, какія же онъ могъ сдѣлать распоряженія?

— Да вѣдь мало-ли... Можетъ, духовное завѣщаніе имѣется?

При этомъ вопросѣ Вуколь слегка измѣнился въ лицѣ, ожидая отвѣта.

— Нѣтъ, я навѣрное знаю, что духовнаго завѣщанія нѣтъ... Папа такъ всегда боялся говорить о смерти, такъ всегда боялся «последней воли», что врядъ-ли есть какое-нибудь завѣщаніе...

— Я на тотъ случай, чтобы полиціи въ домѣ не было, опять же судейскихъ и инаго прочаго.

— Да зачѣмъ же?

— По охраненію имущества-съ... Вы бы, Варвара Діодорова, отлично сдѣлали, если бы приказали лошадь заложить, да къ дяденькѣ вашему съѣздили... Они-съ все-таки на линіи генерала, хоша и въ отставкѣ... Все-таки опоры больше...

— Вы правы... За дядей дѣйствительно нужно съѣздить. Вы позволите Катеринѣ проводить меня?

— Къ чему же такой вопросъ? Хозяйкой вы здѣсь были, хозяйкой и оставайтесь... Мое дѣло—сторона.

Варвара Діодорова протянула ему руку.

— Полноте, Вуколь Прокофьевичъ, вы теперь у насъ остались... Вы въ домѣ старшій, а я совѣмъ пришлая...

У Варвары Діодоровны были полные глаза слезъ.

— Не извольте беспокоиться: пришлыхъ въ тятенькиномъ домѣ не найдется... На всѣхъ хватитъ. Побѣжайте за дяденькой... Далеконько маленько они живутъ, ну, да скажите Ѳомѣ, чтобы ѣхалъ скорѣ... Дяденька вѣдь завсегда дома?

— Да, онъ никуда не выходитъ.

Варвара Діодорова уѣхала, захвативъ съ собою сестру.

Ея отсутствіе развязывало руки Вуколу.

Прежде всего онъ бросился къ Маремьянѣ.

— Иди къ упокойнику, посмотри, не въ карманахъ-ли ключи?

Маремьяна побѣжала въ кабинетъ; тамъ оставался сынъ Прокофія Вуколовича.

— Шли бы вы къ себѣ... Раздѣвать да обмывать надѣть упокойника.

Маремьяна сказала фразу грубымъ тономъ, скорѣе полу-приказывая, нежели прося.

И мальчикъ тотчасъ же молча вышелъ изъ комнаты.

Маремьяна притворила за нимъ двери и обшарила карманы. Ключи нашлись въ лѣвомъ карманѣ брюкъ. Она живо передала ихъ Вуколу, вызвавъ его изъ комнаты, гдѣ онъ совѣтывался съ Позументовымъ.

Она вошла въ то время, когда Позументовъ говорилъ:

— Такъ ты говоришь, дяденька-то ихъ въ параличѣ?

— Въ параличѣ.

— Чѣмъ не владѣеть-то?... Языкомъ, что-ли?

— Нѣтъ, у него подъ часъ разумѣніе въ затмѣніи.

— Такъ, такъ... Ну, это не помѣха. Генераль онъ, ты говоришь?

— Да, въ отставкѣ...

— Это все едино! Генераль тутъ будетъ очень у мѣста...

И я такъ думаю, что если онъ помраченный, хлопочи, чтобы его опекуномъ утвердили, а тебѣ Коммерческій судъ дѣло вести поручить, потому что...

Позументовъ, увидавши Маремьяну, остановился.

— Говори, говори, небось, я тутъ своя, — сказала Маремьяна.

Позументовъ покосился на нее, Вукола слегка передернуло.

— Все бы было лучше, если бы вы при своемъ мѣстѣ и должности состояли...

— Говорю—своя.

— Да вы собственно зачѣмъ?

— Ключи принесла.

Вуколь поднялся и вывелъ Маремьяну въ корридоръ:

— Иди, распоряжайся, онъ при тебѣ стѣсняется. Уже почью все расскажу.

— Бумажникъ въ карманѣ у упокойничка-то... Тугой такой, — сообщила Маремьяна.

— Принеси живо!

Маремьяна побѣжала. Вуколь воротился.

— Ты не знаешь, духовная-то есть? — спросилъ Позументовъ.

— Нѣтъ, говорятъ, духовной... Падчерица сказала, а она вѣдь у него все знаетъ...

— Книги вела, что-ли?

— Нѣтъ... какія книги... У насъ книги въ конторѣ были ведены...

— Наличныя-то есть у отца?

— А ужъ не знаю... Дома врядъ-ли держаль... Ежели есть, то въ банкѣ...

— Ключи-то тебѣ какіе принесли?..

— У упокойника изъ кармана... отовсюду...

— Шкафъ-то у него есть въ кабинетѣ?.. Замокъ секретный?

— Нѣтъ, просто желѣзный сундукъ.

— Сходили бы, посмотрѣли... Если духовной нѣтъ, то наличныя деньжонки можно, пока что, прикарманить.

— А какъ духовная будетъ найдена?

— Возвратить подь благовиднымь предлогомь и все тутъ.

— Боязно... Вѣдь это же кража?

Позументовъ свистнулъ.

— Сказалъ тоже!.. Ты поди, да поройся, а Маремьяна пусть жокараулить. Своя, она, слышь, сказываетъ.

— Ну, былъ грѣхъ, только и всего.

— Вмѣшивать бабу больно не охота.

— Она покладистая...

— Твое дѣло, только очень-то не ввѣрайся. Иди-ка, иди, я посижу.

Вуколь пошелъ и въ корридорѣ наткнулся на Маремьяну.

— Эва бумажникъ-то какой, глянъ...

— Ну, у него тутъ счеты, и больше ничего.

— Можетъ, деньги?

— Ну, кто же деньги въ бумажникѣ таскать будетъ! Сотня, другая, такъ нѣшто-же это деньги?

Вуколь сказалъ: «поди-ка, посмотри около дѣтской-то, я духовную поищу».

Маремьяна пошла, а Вуколь бросился въ кабинетъ.

Но вошелъ и остановился, какъ вкопанный: отецъ смотрѣлъ на него мертвыми глазами.

Отъ слабости вѣки на глазахъ не удержались и раскрылись.

— Фу!..

Вуколь схватился даже за сердце.

Но прошло полминуты, онъ овладѣлъ собою и отворилъ сундукъ. Въ сундукѣ лежала пачка денегъ. Сверху былъ банковскій ярлычекъ, опредѣлявшій связку въ 10 тысячъ рублей.

Вуколь подумалъ, подумалъ и, взявъ пачку, заперъ сундукъ.

Въ сундукѣ кромѣ этой пачки было денегъ рублей двѣсти, триста.

Онъ вернулся въ комнату, бросивъ пачку въ корридорѣ на хламъ, и отворилъ дверь въ корридоръ.

Онъ крикнулъ Маремьяну.

— Распорядись, чтобы покойника обмывали. Да кого ни будь, дворниковъ, что-ли, пошли въ кладовыя, чтобы запирались, наложили печати и домой всѣ шли.

XII.

ВЪ МОСКВѢ еще не знали о смерти Журавлева, а потому никто не ѣхалъ къ нему на домъ.

Но вотъ кладовыя и лавки закрыты. Извѣстiе о смерти Журавлева разнеслось быстро, и покатали къ его дому экипажъ за экипажемъ.

Въ это время Вуколь успѣлъ осмотрѣть бумажникъ.

Первая бумага, которая попала ему въ руку, была «проектъ духовнаго завѣщанiя», исмѣченный тремя недѣлями ранѣе.

Подъ властью тьмы.

«Написано или не написано, явлено или не явлено?»

Не много по «духовному» причиталось на его долю, но онъ, пока что, не обсуждалъ. Онъ продолжалъ рыться. Были векселя, счета, карточки, смѣты, было рублей четыреста денегъ и, наконецъ, о,—радость! начисто переписанная духовная, но еще не подписанная.

— Ага, не удалось заключить...

Всѣ знали, что Журавлевъ послѣднее время жаловался на удушье, вспоминалъ часто смерть первой жены и, видимо, подъ влияніемъ ужаса, рѣшился составить духовную. Обѣ бумаги Вуколь вынулъ, спряталъ и значительно успокоился.

— Духовная, навѣрное, еще не подписана, — успокоивалъ онъ самъ себя, — а если... Ну, а если подписана, то взятая десять тысячъ будутъ не лишними.

Онъ самъ снесъ обратно на мѣсто бумажникъ, и изъ четырехсотъ рублей триста вынулъ и положилъ въ карманъ.

— Пригодятся, — сказалъ онъ.

Вуколь, подъ влияніемъ прочтенія духовной, былъ очень дурно настроенъ. Ему оставялась небольшая лавка и двѣнадцать тысячъ наличными. Всего на 15 тысячъ рублей.

Когда онъ клалъ въ карманъ отца бумажникъ, онъ невольно сказалъ ему: «спасибо, тятенька, разодолжилъ».

А отецъ продолжалъ смотрѣть на него мертвыми, остеклянившимися глазами.

Начали раздаваться звонки за звонками.

Наѣзжали добрые знакомые съ соболѣзнованіями, ѣхали любопытные понаблюсти за тѣмъ, что произойдетъ въ семьѣ Журавлевыхъ, такъ странно поставленной покойнымъ.

Приѣзжавшихъ встрѣчалъ Вуколь, поджидая падчерицу съ «порченнымъ» генераломъ.

Десять тысячъ были спрятаны, пока что, за божницею.

Приѣхала падчерица, приѣхалъ дядя, братъ Аглаи Евгеніевны Николай Евгеніевичъ, человекъ внушительнаго вида, съ немножко волочившеюся ногою и вздрагивающею рукою и не столько заговаривавшійся, сколько просто страдавшій затмѣніемъ памяти.

Отслужили панихиду, была масса знакомыхъ.

Послѣ панихиды многіе остались по приглашенію Вукола.

— Помогите намъ, Христа-ради... Умъ хорошо—два лучше.

И вотъ за чаемъ Вуколь сказалъ:

— Не въ укоръ покойному тятенькѣ, скажу, а только по правдѣ: въ теченіе чуть не двадцати лѣтъ, я былъ отъ дѣлъ отъ всѣхъ отстраняемъ, хотя къ дѣлу прилежалъ всѣмъ сердцемъ.

Онъ обратился къ Недоумкову, у котораго жилъ въ кладовой.

— Вы, Никаноръ Саввичъ, мое дѣло понимаете, не откажитесь засвидѣтельствовать.

— Дѣло ты обстоятельно знаешь.

— Очень вамъ благодаренъ за рекомендацію. Теперь такъ продолжу. Операціи наши, выходитъ, я знаю, а тятенькиныхъ дѣлъ не вѣдаю, и въ какомъ онѣ положеніи, въ прибыльномъ, или въ умаленіи—не знаю... Есть-ли духовная, или нѣтъ—тоже не вѣдаю... Вотъ Варвара Діодоровна сказываютъ ровно какъ бы нѣтъ ее.

Купецъ Сизяковъ сказалъ:

— Да, вѣроятно, нѣтъ... Недѣлю тому назадъ, когда его маленько въ магазинѣ прихватило, онъ точно про духовную поминалъ, меня и Андріана Тимоеева Пулкина душеприказчиками приглашалъ, но, видно, послѣдней воли не высказалъ и духовной не оставилъ.

У Вукола забилось сердце радостно.

Теперь онъ не будетъ обдѣленъ, какъ обдѣляла его проектированная духовная.

— Такъ вотъ я и говорю, — продолжалъ Вуколъ, слегка вздрагивающимъ отъ волненія голосомъ, — ежели нѣтъ послѣдней воли покойнаго, то мы всё на счетъ дѣла въ полномъ невѣдѣніи. И хоша я, будучи старшимъ въ родѣ, имѣлъ бы право принять надъ дѣлами опеку, но зная, какъ тятенька всегда былъ расположенъ къ ихъ превосходительству Николаю Евгеньевичу, ихъ шурина и дяденькѣ моихъ сестрицъ и брата, я бы думалъ опеку поручить ихъ превосходительству. Мы бы вмѣстѣ привели дѣла въ порядокъ и въ извѣстность и, приведя, увидѣли бы: можно ихъ продолжать или слѣдуетъ покончить. Веденіе дѣла я бы потомъ принялъ на себя съ общаго, конечно, согласія. Не знаю, правится-ли моя рѣчь или не правится, но по моему здѣсь антиресы обѣихъ нашихъ линій сохраняются.

Старики сказали, что «Вуколъ разсуждаетъ хорошо».

— Отъ опеки я потому собственно отказываюсь, что тятенька, волею Божіею скончавшійся, не уравнивалъ насъ въ одинаковыхъ правахъ: и у брата, и сестрицъ можетъ быть ко мнѣ недовѣріе... Мы хоша и вмѣстѣ выросли, но другъ друга совершенно не знаемъ. Говорю это чистосердечно, при всей честной компаніи, говорю не въ осужденіе моего покойнаго родителя или покойной же Аглаи Евгеньевны, а говорю по правдѣ и по совѣсти. Такъ, значить, сложилось, а ужъ какъ разложится—Богъ вѣсть. Я, со своей стороны, говорю: окромя мира ничего не желаю.

— Это такъ... это конечно...—заявилъ генераль.

— И если вы, ваше превосходительство, принимаете опеку, то такъ и хлопотать въ Сиротскомъ судѣ буду.

— Въ дворянской опекѣ, — сказалъ генераль,

— Никакъ нѣтъ-съ: сестрица, вступивъ въ бракъ съ купцомъ, дворянствомъ поступилась и утратила его. Дѣло рѣшится въ Сиротскомъ судѣ.

Послѣ похоронъ все было оформлено.

Временно, для приведенія дѣлъ въ порядокъ, магазины были закрыты.

Закрытіе было непродолжительно.

Въ три дня все было сдѣлано.

Вуколь оказался дѣльцомъ первой степени.

Сиротскій судъ утвердилъ опекуномъ Николая Евгеніевича, а судъ Коммерческій разрѣшилъ продолжать торговлю подѣ фирмою «Торговый домъ Журавлева наследниковъ», подѣ отвѣтственностью старшаго сына, потомственнаго почетнаго гражданина Викула Прокофьевича Журавлева.

По приведеніи въ извѣстность дѣлъ покойнаго оказалось: въ товарѣ 275 тысячъ, домъ въ 250 тысячъ, наличнаго капитала въ банкѣ 28 тысячъ, въ долгахъ 184 тысячи. Сбалансировавъ приходъ съ расходомъ, оказалось: за товаръ должны 180 тысячъ, долгъ по залогу дома 148 тысячъ, по векселямъ лицамъ и кредитнымъ учрежденіямъ 195 тысячъ.

Итогъ, конечно, получался въ пользу торговаго дома, и веденіе операций было обязательно, такъ какъ дѣла были въ прекрасномъ положеніи.

ХІІІ.

НИЧЕГО-ТО ты, Авдотья, сдѣлать не умѣешь... Учу-учу, а все безъ толку... Сказано было, чтобы щи со свиной варить, а гдѣ свинина, гдѣ, я тебя спрашиваю?

— Да тутъ же, свинина... маленько ее, вотъ и все. Чего кричать-то?

— Хочу и кричу... Указывать будешь? Такъ ты кто? Кухарка, прислуга, а я тебѣ кто? Я барыня твоя... Понимаешь? Пошла вонъ!..

Авдотья пошла ворча.

— Поворчи, сейчасъ рассчитаю!..

Авдотья хлопнула дверью.

— Ишь ты, тварь!—сказала Маремьяна Никитишна.

Какъ разъ такую же фразу сказала и Авдотья.

Вѣроятно, читатель въ Маремьянѣ Никитишнѣ узналъ ту самую Маремьяну, которая жила въ услуженіи у Журавлевыхъ.

Теперь она жила на отдѣльной квартирѣ и имѣла прислугу.

Вуколь Прокофьевичъ исполнилъ первое ея желаніе и сдѣлалъ ее «барыней».

Но Маремьянѣ не того хотѣлось. Ея желаніе и мечты шли очень далеко. Ей хотѣлось женить на себѣ Вукола Прокофьевича, прибрать къ рукамъ всѣ капиталы и дѣла Журав-

левскаго торговаго дома, и, такъ сказать, «начать удивлять собою Бѣлокаменную».

Вуколь Прокофьевичъ, чувствуя себя такъ много обязаннымъ Маремьянѣ, пожалуй, и не прочь бы былъ исполнить желаніе своей возлюбленной, но, конечно, не теперь, а по прошествіи «траурнаго года». Вуколь, какъ онъ говорилъ, «чувствовалъ привязку» къ Маремьянѣ, къ тому же онъ и проболтался ей о десяти тысячахъ, хотя о духовномъ завѣщаніи не проронилъ ни слова и въ тотъ же день разорвалъ оба завѣщанія, и черновое, и переписанное и, разорвавъ, сжегъ на свѣчкѣ и пепелъ въ форточку выкинулъ.

Маремьяна долго допрашивала, не нашелъ-ли онъ чего въ бумажникахъ, но Вуколь стоялъ на своемъ.

— Окромѣ счетовъ да смѣтъ ничего не было.

— Не чужая я, чай, тебѣ.

— Да ты чего добиваешься-то?— спрашивалъ въ свою очередь Вуколь.

— Да може тамъ что и потайное было.

— Что же могло быть потайное?

— Мало-ли... Може, письма какія... Грѣшная я, можетъ статья, а мнѣ казалось, что тятенька-то покойничекъ часто на падчерицу не отчимомъ поглядывалъ.

— Замолола...

— То-то не замолола, а кажись бы и на правду похоже. И завсегда съ ней вмѣстѣ: и кататься поѣдетъ, и въ кіатръ съ ней, и въ ряды съ ней же.

— Она старшая была.

— Старшій ты былъ.

— Ну, такъ не возить же отцу было меня въ ряды по моднымъ магазинамъ.

— Ну, еще бы!

Маремьяна помолчала, а тамъ опять за старое.

— Вотъ я опять про потайное-то... Не было-ли писемъ какихъ несуразныхъ, вотъ бы и уличить.

— Да уличать-то зачѣмъ же? Если бы и было, такъ въ отцову память уличать бы не слѣдовало.

— Ну, все бы въ струнѣ ходила... Если бы чуть-что, такъ ее письмомъ-то по носу.

— Она тихая и кроткая, ни во что не вмѣшивается. Возитесь съ братомъ да съ сестрой, да дядѣ въ счетахъ помогаетъ.

— Въ какихъ счетахъ?

— Да въ домашнихъ и магазинныхъ.

— Въ магазинныхъ-то съ чего же? Чай ты въ магазинахъ-то хозяйинъ?

— На отчетѣ я.

Вуколь усмѣхнулся.

— Пусть ихъ считаютъ. Вотъ дамъ образованіе-то кончить,

а тамъ дѣло-то къ нулю сведу. Не дѣлить же, въ самомъ дѣлѣ, на пять частей.

— Да ужъ коли ежели и дѣлить, такъ на четыре. Падчерица-то съ которой стороны къ наслѣдству присватается? Этакъ вѣдь и я въ наслѣдницы ужогу. По тебѣ и я тятеньки твоего капиталамъ съ родни прихожусь. Не такъ-ли?

Маремьяна помолчала, а потомъ опять начала:

— Не женись въ другажды тятенька-то твой, этое дѣло-то бы теперь было въ твоихъ рукахъ.

— Мало-ли что.

— А то на-ка! Съ матушкой твоей покойницей «фандаментъ»-то клали, а пришла чужая, тряхнула, и вѣтъ дома, что складывали. Ты бы теперь долженъ быть торговцемъ на всю Москву, а ты какъ бы на манеръ старшаго приказчика. Поди, жалованье получаешь?

— Получаю.

— И, ахъ же, ты, батюшки! Отъ падчерицинаго дяденьки родной сынъ отеческій за свои капиталы жалованье получаетъ!

Маремьяна, конечно, понимала, что она хотѣла выразить всею этою плохо построенною фразою, и понялъ ее и даже глубоко почувствовалъ Вуколь Прокофьевичъ. Она ему запала и въ голову, и въ сердце.

Въ самомъ дѣлѣ ему было обидно и по смерти родителя изъ чужихъ рукъ смотрѣть, работать, распинаться, и все для того, чтобы дѣло, едва достигнуть совершеннолѣтія его сестрица и братецъ, рухнуло отъ дѣлежа.

— Имъ-то хорошо, они съ капиталами и при образованіи. Въ чины произойдутъ, мѣста заполучатъ, а ты, Вуколушка, опять на лавочку съѣзжай, за аршинъ становись. Работай теперь на нихъ, а раздѣлитесь, такъ они тебя и на порогъ не пустятъ.

— Не такъ страшень бѣсъ, какъ его малюютъ.

— Да ужъ страшень-ли не страшень, а все же бѣсъ... Такъ-то!..

Маремьяна зудила Вукола при каждой встрѣчѣ. Какъ Демьянъ угощалъ ухомъ Ооку, не давая ему ни отдыха, ни сроку, такъ Маремьяна Никитишна потчивала Вукола своими соображеніями на счетъ будущаго.

Вуколь не могъ не сознать, что въ словахъ Маремьяны много правды, но что же бы онъ могъ подѣлать? У него назрѣвала мысль повести дѣло такъ, чтобы къ совершеннолѣтію послѣдняго братца къ дѣлежу ровно ничего не осталось. «Балансъ съ такимъ опекуномъ можно какой угодно устроить, говорилъ и думалъ Вуколь: онъ всякій подпишетъ. А тамъ, если бы дѣло суда коснулось, выдать имъ «опекула»-то головою, авось дяденьку-то подъ судъ не отдадутъ, а на мировую пойдутъ и возьмутъ то, что дамъ».

Маремьяна ему внушала тоже самое и говорила почти слово въ слово.

Маремьяна Никитишна Пузанкова являлась сѣятелемъ зла между двумя линиями семьи Журавлевыхъ, но былъ въ этой семьѣ и примирительный элементъ.

XIV.

ПАДЧЕРИЦА ПОКОЙНАГО Журавлева была его любимицей.

Не въ томъ смыслѣ, конечно, какъ это предполагала Маремьяна, грубая, разбитная и нахальная баба. Прокофій Вуколовичъ любилъ свою падчерицу за ея тихій и кроткій нравъ. необыкновенную нѣжность и деликатность. Это была очень умная дѣвушка, съ хорошенькимъ личикомъ, тонкими-тонкими чертами лица, — вылитый портретъ Аглаи Евгеньевны. Сынъ тоже похожъ былъ на мать, а другая дѣвочка напоминала собою дядю Николая Евгеньевича.

Журавлевъ любилъ падчерицу болѣе всего за то, что она ему напоминала Аглаю. Глаза, голосъ, манеры,—все было материно. Она, однако, превосходила и мать добротою.

Аглая Евгеньевна была часто груба, доходила до дерзости. Въ Варварѣ не было ничего подобнаго. Это былъ ходячій духъ-примиритель. Она часто упрекала мать въ преувеличеніяхъ, но упрекала такъ деликатно, что Аглая поддавалась и сознавалась въ своихъ ошибкахъ. Вообще Варенька была замѣчательная дѣвушка.

Смерть Журавлева, не оставившаго духовнаго завѣщанія, точнѣе, не успѣвшаго его сдѣлать, оставила его любимицу въ самомъ безотрадномъ положеніи. Она была въ семьѣ если и не совсѣмъ, какъ говорится, «съ боку припека», то не далеко именно отъ этого опредѣленія.

Только духовное завѣщаніе могло сдѣлать ее его наследницею и не лишить права жить при семьѣ, а теперь она оставалась «ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ» и смотрѣла изъ рукъ Вукола, который могъ быть грубъ съ нею въ каждую данную минуту и въ каждую же данную минуту могъ, если не выгнать, то указать ей на неправильное житіе въ домѣ, на ея пришлость. Всѣ хорошо знали, что покойная мать Варвары не только не принесла никакого приданаго, напротивъ, когда еще была невѣстой и сама до этого объявленія почти жила на средства Журавлева.

Варенька со дня похоронъ стала подумывать о своемъ положеніи.

Кончивши только что гимназію и собираясь продолжать дальнѣйшее свое образованіе, на что ей отчимъ давалъ свое

полное согласіе и благословеніе, Варвара Діодоровна теперь уже не могла рассчитывать на продолженіе образованія. Педагогическіе курсы, о которыхъ она мечтала, прощались съ нею прощальною и грустною улыбкою.

Теперь она могла въ своей будущей дѣятельности опираться только на то, что дала ей гимназія.

Само собою разумѣется, ей не предстояло ничего отраднаго.

Дѣвушка 17 лѣтъ, съ гимназическимъ воспитаніемъ, на что могла рассчитывать?

На грошовые уроки или на поступленіе въ домъ, гдѣ ищутъ «дешевую» гувернантку, да и ту «съ музыкой».

Но поступить въ чужой домъ, вѣдь это же значило оставить брата и сестру, которымъ она была единственною помощницею.

Братъ, впрочемъ, шелъ въ гимназіи первымъ и только изрѣдка прибѣгалъ къ помощи Вареньки, но сестрѣ ученіе давалось туго, безъ помощи Вареньки ея положеніе въ ученіи было прямо таки безпомощнымъ.

Варенькѣ приходило въ голову, чтобы просить у Вукола позволенія остаться «за столъ и квартиру», въ качествѣ гувернантки или репетиторши при сестрѣ и братѣ.

Однако, по совѣту дяди, назначеннаго опекуномъ, до поры, до времени эти разговоры были оставлены.

— Дай дѣлу выясниться, дай выясниться дѣлу и тогда увидимъ.

XV.

ТСТАВНОЙ генераль, братъ Аглаи, Николай Евгеніевичъ былъ дѣйствительно человѣкъ не изъ особенно далекихъ, многихъ вещей не понималъ и не могъ уяснить себѣ. Въ законахъ былъ «швахъ» и «штатскихъ» дѣлъ вообще, а коммерческихъ въ особенности, не понималъ совершенно и окончательно.

Взялъ онъ на себя опеку потому, что во-первыхъ, онъ дядя, во-вторыхъ, генераль, который и не могъ оставить дѣтей своей сестры, тоже бывшей до второго брака полковницей, въ рукахъ опеки купеческой.

— Знаю я эту купеческую опеку!—говорилъ онъ.

И, конечно, говорилъ неправду, онъ ее вовсе не зналъ, онъ только предполагалъ, что опека эта пришлась бы солоно его племяннику и племянницамъ. Въ этомъ-то предположеніи онъ, конечно, не ошибался.

Солонѣ купеческой опеки трудно найти что либо.

Сама соль не такъ солона, какъ солона купеческая опека.

Права пословица: «чужая мать—не мать», такова и опека, о которой говорилъ генераль Николай Евгеніевичъ.

Вуколь въ своей рѣчи, указывая на опекуна, хорошо, однако, зналъ, что дѣлалъ.

Онъ присмотрѣлся къ генералу и хотя издали, но прислушался къ нему въ дни своего загона.

Генераль старался взять во всёхъ спорахъ авторитетностью своего мундира, за недостаткомъ головного соображенія.

На послѣдній-то недостатокъ и рассчитывалъ Вуколь. Обойти и объѣхать генерала не было никакого особаго затрудненія, слѣдовало только прежде войти къ генералу въ полное довѣріе.

Вуколь началъ именно съ этого.

На другой же день, послѣ окончанія всёхъ процедуръ Сиротскаго суда и суда Коммерческаго, Вуколь смиренно попросилъ у генерала благословенія.

— Вѣдь, какъ бы на полное хозяйство вступаю. Робѣю-съ, ваше превосходительство, и... ужъ будьте же и мнѣ опекуномъ, какъ бы взамѣнъ покойнаго родителя и благословите на дѣла стать.

Николаю Евгеніевичу это чрезвычайно понравилось.

— Ага!.. Хорошо!.. Благословляю...

— Да вы, ваше превосходительство, ужъ форменно.

— Какъ форменно?

— Не однимъ доброжелательнымъ словомъ, а и образомъ. Съ нимъ и въ магазинъ пойду, его, какъ новое благословеніе, вмѣсто родителя преподанное, и въ передній уголъ въ магазинѣ поставлю, и лампаду теплить станемъ.

— Ага... да... да!.. И лампадку неугасимую...

— Послѣднее невозможно, ваше превосходительство.

— Какъ невозможно!.. Почему невозможно?.. Я самъ былъ на Аѳонѣ, видѣлъ, что тамъ массы неугасимыхъ лампадъ...

— Такъ то на Аѳонѣ, а не въ лавкахъ или магазинахъ.

— Поручить мальчику наблюдать.

— Невозможно-съ. Законъ о пожарахъ этого неугасанія не дозволяетъ. Какъ можно-съ на ночь оставить въ магазинѣ огонь, никакъ невозможно.

— Ага!.. Да, да!.. Ха-ха-ха... не сообразилъ...

— Не мудрено-съ. Магазищикомъ никогда не были.

— Вѣрно, никогда не былъ... Да... такъ благословенія спрашиваете?..

— Такъ точно-съ, ваше превосходительство.

— Ну, ну, хорошо!.. Становитесь!..

Генераль взялъ изъ кіота образъ и, трижды осѣнивъ преклонившагося Вукола, сказалъ: «ну, вотъ теперь по магазинамъ дѣло пойдетъ отлично. Пословица говоритъ: «только до порога безъ Бога».

Вуколь улыбнулся новой пословицѣ и замѣтилъ, что и падчерица слегка покраснѣла.

Но такъ или иначе, это испрошеніе благословенія произвело хорошее впечатлѣніе, а когда Вуколь, уходя, попросилъ у всѣхъ руку на счастье, это окончательно какъ-то сблизило всѣхъ.

— Для общаго нашего счастья,—сказалъ онъ, протягивая руку.

Варенька, когда очередь дошла до нея, протянула обѣ руки и сказала:

— Отъ души желаю вамъ всѣмъ счастья... Вы для брата и сестры будете трудиться Вуколь Прокофьевичъ, и потому съ моей стороны, кромѣ желанія, еще и благодарность мою примите.

— Что же... Зачѣмъ же вы себя-то исключаете? Напрасно-съ, совсѣмъ напрасно-съ.

— Объ этомъ когда нибудь поговоримъ, Вуколь Прокофьевичъ.

— Да и разговоры всякіе будутъ совсѣмъ напрасны... Только околачиваніе зубовъ языкомъ...

— Ну, тамъ все будетъ видно, Вуколь Прокофьевичъ.

Когда Вуколь уѣхалъ въ магазинъ, приказавъ кучеру быть готовымъ къ 10 часамъ, Николай Евгеніевичъ сказалъ:

— Ага!.. Варвара!.. Грубъ онъ, грубъ, а человекъ съ чувствомъ... «Благословите», говоритъ... и лампада, и передній, и все такое... Хорошо, хорошо, это многое обѣщаетъ...

— Дай Богъ, дай Богъ!—сказала Варенька.

— И относительно тебя... Благородно, родственно. Суди какъ хочешь, а по моему родственно и благородно.

— Да, я не ожидала такой деликатности. Я готова, дядя, вѣрить, что это было отъ сердца, да, готова... И если это такъ, то мнѣ во сто, въ тысячу разъ тяжелѣе дѣлается, что при покойныхъ палѣ и мамѣ онъ былъ въ такомъ загонѣ. Я не могла вліять на измѣненіе его положенія... Я его почти не знала, я не могла уяснить себѣ отношеній, сложившихся тогда, теперь я вижу, что въ этихъ отношеніяхъ не было правды.

— Vous avez raison, дитя мое. Вѣрно... Да... Ты повторяешь мои слова. Я говорилъ тоже, что... Какъ ты сказала?

— Въ этихъ отношеніяхъ не было правды.

— Ага!.. Мои слова, мои собственные... Я забылъ... Но это я говорилъ...

— Вѣдь, дядя, онъ могъ выдѣлиться изъ папашиного дѣла?

— Ну, разумѣется... Я не знаю, какъ тамъ въ законахъ. Законы для меня это китайская тарабарщина, но купцы говорили, что онъ могъ...

— Ты не знаешь, дядя, почему онъ этого не сдѣлалъ?

— Я лично этого не знаю, но купцы говорили, что, выдѣлившись изъ дѣла, онъ могъ погубить самое дѣло... Да, постой, ты для чего это спрашиваешь? У тебя, быть можетъ, подозрѣнія... а?.. Подозрѣнія... Пожалуйста, Варенька, если чуть подозрѣніе,

сейчасъ мнѣ его... на руку клади... Я осмотрю, взвѣшу, соображу, наложу резолюцію и примѣю.

— Въ чемъ я его могу подозрѣвать? Я просто стараюсь себѣ уяснить, что онъ за человѣкъ?

— Не понимаю... Видишь, человѣкъ, ну, чего же его уяснять?

— Надо знать его намѣренія... Вонъ онъ могъ выдѣлиться изъ дѣла и стать человѣкомъ самостоятельнымъ, а онъ предпочелъ остаться въ дѣлѣ и къ дѣлежу не прибѣгать.

— Говорю, онъ могъ повредить дѣлу.

— Не спрю и принимаю это мнѣніе купцовъ, людей вполне компетентныхъ, за аксіому... Но съ другой стороны, слыша, что онъ человѣкъ дѣловой, я думаю, что онъ съ выдѣленнымъ ему капиталомъ могъ пойти въ гору... Между тѣмъ онъ пошелъ опять чуть не въ приказчики.

— Ага!.. да, да... И на это я тебѣ дамъ отвѣты... тоже удержалъ въ памяти... да... да... Купцы говорили: «фирмѣ четверть вѣка и рушить ее не слѣдуетъ». Поняла?

— Поняла, дядя.

— Уяснила?

— Да, конечно.

Варенька подумала.

— Видишь, дядя,— сказала она, послѣ минутнаго молчанія,— всѣ обстоятельства пока клонятся въ его пользу. Онъ оказался вѣрнымъ отеческой фирмѣ, не пожелалъ выдѣленіемъ ослабить дѣла, просьбою о назначеніи тебя опекуномъ надъ братомъ и сестрою показали, что не хочетъ быть безконтроленъ, сегодняшнимъ поведеніемъ обнаружилъ много сердца, и если только все это искренне, то общее дѣло наше въ хорошихъ рукахъ.

— Да конечно же въ хорошихъ... Ужъ повѣрь мнѣ... Не даромъ, матушка, у меня это...

Генералъ покосился на золотую поперечину на высоко поднятомъ плечѣ.

XVI.

МЫ УЖЕ видѣли Маремьяну въ качествѣ «барыни». Случилось это спустя всего двѣ недѣли со смерти Журавлева. Маремьяна потребовала у генерала—опекуна разсчета.

— Что-жъ тебѣ, матушка, не живется?

— Отдохнуть хочу, ваше пріисходительство, — сказала нѣсколько загадочнымъ образомъ Маремьяна и широко улыбнулась.

— Отдохнуть?.. Въ твои годы работаютъ, а не отдыхаютъ.

— А я вотъ, такъ даже совершенно напротивъ.

— Куда жъ ты пойдешь?

— Да, думаю, въ барыняхъ пожить.

Генераль фыркнулъ отъ смѣха.

— Варюша, слышь?.. Она изъ кухарокъ на отдыхъ въ барыни идетъ

Варенька молчала.

— Такъ что же... отчего же-съ и не такъ... Вѣдь ѣдятъ же другіе задарма чужой хлѣбъ, можетъ и на мою долю найдется.

Генераль не понялъ намека, Варенька, напротивъ, вся вспыхнула и поспѣшила закашляться, чтобы оправдать краску, бросившуюся ей въ лицо.

— Ну, матушка, — началъ было генераль, но Варенька сказала ему по-французски, «что ей надо дать расчетъ, а не нравоченіе», и вышла.

Маремьяна посмотрѣла ей вслѣдъ и подумала: «погоди, мы съ тобой, мать моя, еще посчитаемся!»

Она, никогда ничего не слышавшая отъ Вареньки, кромѣ привѣтливаго слова, вдругъ дѣлалась ея злѣйшимъ врагомъ. На почвѣ дѣлежа имѣнія Маремьяна проявляла необыкновенную жадность. Таковы, впрочемъ, всея грубыя природы, которыя дальше денегъ ничего не видятъ.

Когда Варенька пришла къ себѣ въ комнату, горничная, убирая комнаты, спросила:

— Отказалась Маремьяна-то, барышня?

— Отказалась... Что-жъ она говорила съ тобою объ этомъ?

— Не то, чтобы говорила, а мы все знали, что она откажется.

— Все знали!.. Почему же?

— Ахъ, барышня, какъ же вамъ объ этомъ доложить?.. И стыдно, и боязно, а и чудно, же все это только.

— Что же «чудно»-то по твоему кажется?

— Да вамъ, барышня, не понять... Какъ Вуколь Прокофьевичъ сдѣлались хозяиномъ, такъ неужто Маремьянѣ можно было въ кухаркахъ оставаться?

— Не понимаю.

— Оно, конечно, вы по своей деликатной неразвитости ничего понять не въ состояніи, только такъ скажу, барышня... Вамъ эту самую Маремьяну опасаться слѣдуетъ.

— Мнѣ?.. Маремьяну? Ты загадками говоришь, Катя.

— Да ничего не загадками, барышня, какъ есть сущая правда... Ужъ не взыщите... Ясно все тутъ, какъ Божій день.

— Для тебя, а не для меня. И твоя ясность, и твоя сущая правда мнѣ не понятны, хотя я охотно вѣрю, что ты вполне правдива.

Варенька прошла, подумала, что-то сообразила и, наконецъ, спросила:

— Катя! Въ чемъ мы должны опасаться Маремьяну?.. Скажешь ты, въ чемъ?

— Да во всемъ-съ.

— Въ чемъ же, въ чемъ?

— Да опять же говорю: во всемъ... И вы, и братецъ, и сестрица, и даже дяденька,—все вы въ рукахъ Маремьяны.

Варенька посмотрѣла на Катю и сказала:

— Ты или лжешь или смѣешься надо мною. Какъ могли мы очутиться въ рукахъ Маремьяны?..

— А чрезъ Вукола-то Прокофьевича?

— Еще загадочнѣе...

Варенька пожала плечами.

— Да извольте, я ужъ вашему непониманію помогу... Вѣдь Вуколь-то Прокофьевичъ нашей Маремьянѣ какъ бы въ за-мѣсть мужа.

Варенька не вскрикнула, нѣтъ, она какъ-то вся ушла внутрь себя, сѣла на стулъ, покраснѣла до ушей и только тихо прошептала: «фу, какая гадость!»

— Ужъ такая-то она гадость, барышня, что даже и невозобразимо.

— Но я убѣждена, что ты говоришь вздоръ: какъ ни просто, какъ ни молодъ былъ Вуколь Прокофьевичъ, онъ не могъ дойти до такого ужаснаго паденія.

— Никакого паденія... Самое обыкновенное дѣло.

У Кати даже зазвучали нотки протеста и легкой злости.

Въ самомъ дѣлѣ, у насъ это часто, даже слишкомъ часто случается, никто изъ насъ не смотритъ на это, какъ на паденіе, а прислуга приучилась смотрѣть, какъ на самое обыкновенное дѣло.

Баринъ и хорошенькая прислуга — прямой путь къ сближенію.

Не даромъ же практическія барыни, чтобы удержать мужей дома, не допускать ихъ до увлеченія игрою или куртизанствомъ, заводятъ дома или хорошенькихъ камеристокъ или недурненькихъ гувернантокъ.

Конечно, Варенька, не знавшая жизни, не могла знать и такого повсемѣстно-распространеннаго обычая. Мудрено-ли, что для людей опыта—это явленіе самое обыкновенное дѣло, а для Вареньки—оно гадость.

Когда умеръ Журавлевъ, Катя съ досадою выбрала себя, что, не предвидя такого случая, не успѣла предупредить въ этомъ отношеніи болѣе догадливую Маремьяну.

Для Вареньки вдругъ открылась Америка.

Варенька, сказавъ Катѣ «идите», осталась одна и задумалась.

Вуколь ей сталъ не гадокъ, а жалокъ.

«О, надо во что бы то ни стало вырвать его изъ рукъ этой проныры, которая, еще ничего не видя, уже оскорбила на-комъ и меня, и дядю».

Она долго ходила по своей комнатѣ и, наконецъ, рѣши-тельно сказала:

— Конечно, не подамъ вида, что мнѣ что-нибудь извѣстно,

но поставлю задачею всей моей жизни — освободить Вукола отъ вреднаго вліянія.

Впрочемъ, Варенька не хотѣла вѣрить въ возможность отношеній Вукола и Маремьяны.

«Катя пустяки говоритъ», — думалось ей.

XVII.

КАКЪ, однако, было приступить къ этой задачѣ, какъ сдѣлать первый шагъ?

Посоветоваться съ дядей, ей, конечно, не приходило въ голову.

Генераль могъ даже натворить сумбура, пожелавъ превзойти свою власть.

Варенька, незамѣтно для Кати, сдѣлала ее шпиономъ.

Молоденькая дѣвушка, подъ вліяніемъ страха, въ виду дѣйствительной опасности, грозившей брату и сестрѣ, а съ ними и ей, и дядѣ, хотя она въ эти минуты о себѣ не помышляла, стала перерождаться въ разсуждающую и осторожную женщину.

Она увидѣла по самому началу новой жизни, что въ словахъ Кати есть правда, есть, къ несчастію, самая горькая, самая ужасная правда.

Вуколь Прокофьевичъ въ тотъ день, въ который выѣхала Маремьяна, пришелъ домой ночью.

Затѣмъ это стало повторяться все чаще и чаще, какъ бы входить въ «обычное право».

Варенька всегда чутко прислушивалась къ тихому, какъ бы робкому звонку, раздававшемуся въ кухнѣ, и затѣмъ слышала, какъ тихо же, на цыпочкахъ, Вуколь пробирался въ свою комнату, которую онъ не пожелалъ оставить, даже не пожелалъ отдѣлать и поставить другую мебель.

Варенька всегда при этомъ зажигала спичку и смотрѣла на часы.

Время возврата колебалось между двумя и тремя часами ночи.

Гдѣ же могъ быть Вуколь?

Ну, конечно, у Маремьяны, въ этомъ не оставалось никакого сомнѣнія.

Утромъ, хотя Варенька вставала рано, такъ какъ всегда сама отпускала брата и сестру въ гимназію, но говорить съ Вуколомъ ей не удавалось, такъ какъ онъ «хваталъ» горячій чай, даже обжигался и торопился на дѣло.

— Свой глазъ — алмазь, чужой — стеклышко! — говорилъ онъ Варенькѣ, замѣчавшей ему иногда объ его торопливости.

— Чего не досмотришь, того и не досчитаешь, — отпариро-

ываль опъ слова Вареньки, когда она говорила, что, кажется, приказчики люди хорошіе, и онъ могъ бы часокъ-другой пробить дома.

Вуколъ утромъ всегда забѣгалъ къ Маремьянѣ. Онъ только въ первые три дня ѣздилъ по лавкамъ на своемъ конѣ, а затѣмъ снова сталъ ходить пѣшкомъ.

— Взда мнѣ нездорова, — говорилъ онъ Варенькѣ на предложеніе пускать брата и сестру въ гимназію пѣшкомъ, чтобы лошадь оставалась ему.

— Къ чему? Для нихъ лишеніе, а для меня наплевать... я привыкъ...

— Но вотъ если бы вы такъ не торопились, такъ лошадь могла бы возвращаться и отвозить васъ.

— Али вамъ моихъ ногъ жалко! — шутилъ Вуколъ.

— А если и такъ...

— Такъ совсѣмъ даже напрасно. У меня вѣдь не ноги, а ходилки. Приучены съ малолѣтства... Никогда балованы не были.

Варенька при этомъ умолкала. Она не знала: заключается ли тутъ намекъ по отношенію къ нему *мачихи*, или это просто шло отъ простоты сердца.

Ей хотѣлось вѣрить въ послѣднее, но Маремьяна и отношенія къ ней Вукола парализовали чистоту ея вѣры съ хорошей стороны этого человѣка.

Прошелъ мѣсяцъ.

Варенька рѣшилась сказать дядѣ, чтобы онъ заявилъ свое желаніе Вуколу побесѣдовать съ нимъ на счетъ опеки.

— Да о чемъ же... Опека идетъ хорошо... Я надзиралъ... Я даже, по приглашенію Вукола Прокофьевича, два раза въ магазинахъ или кладовыхъ былъ.

— И все же попросите... Скажите, что вы его совсѣмъ почти не видите, а хотѣлось бы потолковать...

— Хорошо, если это нужно...

— Да какъ же не нужно, дядя, какъ же не нужно-то... Вмѣстѣ дѣла ведете и почти ничего не знаете. Вотъ весна наступаетъ... Начните хоть о весеннихъ новостяхъ для магазина.

— А чорта я смыслю.

— Да вы не беспокойтесь... Я вступлю въ разговоръ немедленно...

— Ага... да, да... Ну, тогда другое дѣло.

И вотъ Вуколъ явился домой въ десять часовъ вечера, прямо изъ магазина.

Первый шагъ былъ сдѣланъ.

Вуколъ предполагалъ пробить дома какіе-нибудь подчасы, но Варенька отняла цѣлый вечеръ.

ХVIII.

НА другое утро Вуколь встал и заторопился. Онъ ушелъ, даже не выпивши чая.

Едва онъ вошелъ къ Маремьянѣ, какъ встрѣтилъ фурию вмѣсто женщины.

— Гдѣ же это ты вчера провалился?

— Да генераль—опекунъ потребовалъ,—попутить Вуколь.

— Да ты не отшучивайся... Кто тебя можетъ потребовать?..

Этакъ тебя каждый вечеръ будутъ требовать, а я сиди безъ мила дружка, сиди, жди, да въ окошко гляди...

— Да что я подрядился каждый вечеръ съ тобою сидѣть?—спросилъ Вуколь, озадаченный притязаніями Маремьяны.

— Не подрядился, а все таки ходи, да сиди...

— Нѣшто это возможно?

— А я почему знаю, гдѣ тебя черти таскають?.. Можетъ, ты со сводной сестрицей тары-бары разводишь, а я претерпѣвай. Сиди, думай-раздумывай, да на пальцахъ загадывай-разгадывай. Слуга покорная!

Маремьяна изъ себя выходила.

— Да вѣдь мало-ли куда мнѣ понадобится...

— И все-таки не моги... Съ утра сказывай, я сзади пойду, посмотрю, успокоюсь и до утра ждать буду.

— Да нѣшто же все можно предусмотрѣть?

— А ты умудрись... Этакъ-то ты надувать меня будешь, а я и вѣрь.

— Какъ же я тебя успокою?

— Очинно даже просто... Оженись, да тогда гдѣ хочешь и майся. Буду знать, гдѣ ни шатаешься, а все домой придеши.

Вуколь даже рсть разинулъ.

Слово «оженись» ему въ голову не приходило. Да и могло-ли оно ему придти въ голову?

А Маремьяна кричала:

— Что глаза-то выпучилъ? Анаралы на своихъ-то прислугахъ женивались, а ты что за свать-братъ, что глаза таращишь?

Вуколь увильнулъ:

— Да я думаю, Маремьяна, что до года никто свадебъ не играетъ, и мы, ежели, въ траурѣ...

— Ладно! Пировъ-баловъ не даютъ, а потихонечку кто не вѣнчается... Что мы такъ-то съ тобой болтаемся. Округились и конецъ... По крайности, я знаю, что ты мнѣ мужъ, и куда ни поди, я тебя вытребовать могу,—говорила Маремьяна, напирая на Вукола довольно воинственно.

Вуколь, буквально, не могъ опомниться. Ему думалось: «и

женить на себѣ, какъ пить дасть, женить, вотъ влопался-то!»

А Маремьяна, словно отвѣчая на думу Вукола, говорила:

— Или ты, можетъ, думаешь: побаловался, да и поворотъ отъ воротъ?.. Нѣтъ, миленькій,—не на таковскую напалъ. Я себя не пощажу. У меня такъ: либо ты въ дребезги, либо я пополамъ. Ты такъ и знай: я не передъ чѣмъ не остановлюсь. И тебя не пощажу, и себя не пожалѣю. Ты, можетъ, тамъ шуры-муры дома заводишь... Дѣвка-то молодая, да красивая. Приданого-то теперь шишь съ масломъ, такъ ей все равно... Она на какую хочешь махинацію пойдетъ, лишь бы изъ дома въ зашей не прогнали...

— Да что ты, Маремьяна!..

— Да ужъ ладно, знаю!.. Не быть ей живой, коли, ежели, что услышу или замѣчу. Мнѣ-то Сибирь, что эта фатера въ три горницы съ куфаркою...

— Да пошла ты,—ну, тебя!..

Вуколь взялся за шапку.

— погоди, купецъ, уходить-то... Что-жъ на полусловъ-то останавливаться.

— Такъ что же тебѣ?

— А вотъ то же: будешь-ли по вечерамъ пропадать?

— Да ты, Маремьяна не въ себѣ. Ей Богу, не въ себѣ. Мало-ли мнѣ что надо будетъ.

— Не бывать этому.. Смотри, ворвусь, наскандалю, съ меня, братъ, взятки-гладки.

— Ты что же, пугаешь?

— Аль, думаешь, не страшно?

— Да, пожалуй, какъ бы и такъ.

— Смотри, не ошибись! У меня, Вуколужка, что на словахъ, то и на дѣлѣ. Аль думаешь, я тебя задарма чуть не пеленала... Сдѣлай милость...

— Ну, хорошо, утро вечера мудренѣе, а у насъ что-то утро-то ужъ больно мудро вышло. Вечеромъ поговоримъ.

— Поговоримъ!

— Сдѣлай милость.

— Да ужъ теперь пугать-то буду я.

— Ну, ну?

— Ты это, Маремьянушка, видѣла?—Вуколь вдругъ неожиданно поднесъ ей кулакъ къ самому носу. Не успѣла она отшатнуться, какъ онъ взялъ ее за шиворотъ и, встряхнувъ, посадилъ.

— Сиди тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, до вечера... Слышишь? Коли сойдешь, съ мѣста, живую не оставлю.

Вуколь ушелъ, крѣпко хлопнувъ дверью.

— Переложила!—подумала Маремьяна.—Какъ бы въ самомъ дѣлѣ не вырвался, да не ушелъ... Тамъ тоже приманка-то здоревенная...

Маремьяна встала не безъ страха.

Подъ властью тьмы.

— А ну, какъ въ самомъ дѣлѣ бить зачнетъ?

И вдругъ она засмѣялась.

— А и ладно сдѣлаеть... Самъ побьетъ, самъ и помилуетъ. Извѣстно, вѣдь, чѣмъ больше нашу сестру бьютъ, тѣмъ, значить, больше къ ней привязку имѣютъ. На битѣ узелокъ завяжу, не развяжешь.

Маремьяна повала Авдотью.

— Слушай, Авдотья, сходи-ка ты къ Журавлевымъ... Есть у нихъ горничная Катерина. Сходи... да смотри, съ опаскою, осторожно...

— Что надо-то!

— А чтобы она ко мнѣ зашла... Дескать, золотая, дѣло есть и нужду въ ней имѣю по горло... Поняла?

— Чего не понять-то!

— Такъ иди и зови!

Маремьяна чутьемъ угадывала, съ которой стороны ей грозить опасность.

«Тутъ эта фря-то высовывается... Варька... боится безъ куска хлѣба насидѣться, ластиться начинаетъ... Ну, еще кто кого!»!

XIX.

МАРЕМЬЯНА пригласила къ себѣ горничную Катю, и та не замедлила явиться на ея зовъ.

Горничную интересовало чрезвычайно, какъ устроилась бывшая кухарка на правахъ барыни.

Маремьяна встрѣтила Катю съ распростертыми объятіями.

— Вотъ, Катюша, какое тебѣ спасибо, что пришла,—по моему это мѣсто.

Маремьяна провела пальцемъ по горлу.

— Съ чего же не придти-то, коли зовешь. Я думала, загордишься такъ, что при встрѣчѣ рыло отвернешь, а ты вотъ какъ, въ гости зовешь.

— И въ гости, и по дѣлу,—сорвалось у Маремьяны.

— Дѣло-то какое же?

— Ахъ, дѣвушка, какое дѣло... и-и-и... какое. Чай и сама вздогадалась?

— Гдѣ-жъ вздогадаться... Ты всегда скрытная была, какъ и вмѣстѣ-то жили, а какое дѣло теперь, гдѣ-жъ мнѣ знать. Скажешь,—знать буду.

— Ты надолго-ли отпросилась-то?.. Такъ побѣжала, аль со двора заявилась?

— Сказала, что нужно по дѣлу, вотъ и все!

— Такъ, какъ... Фря-то отпустила безъ слова?..

— Какая Фря?

— Да Варвара-то... какъ ее по отцѣ-то?

— Али забыла?.. Діодоровна.

— Не то забыла, а не выговариваю... Все, бывало, Дореми-довною обзывала..

— Такъ ей что же до меня.. Сказалась ей и все тутъ...

— Хозяйка вѣдь она у васъ теперь...

— Да... слегка хозяйничаетъ... Вѣдь надо же кому нибудь...

— Вѣстимо надо... Взялъ бы Вуколь-то въ руки хозяйство, такъ и хозяйка бы нашлась.

Катя промолчала, хотя слегка и усмѣхнулась.

— Да что-жъ смѣшного-то... Смѣхъ-то въ сторону, нѣшто же бы не нашлась...

— Много нашей сестрѣ хозяйничать-то...

— А что наша-то сестра хуже, что-ли?

— Да я не говорю то, что хуже, а говорю, много нашей сестры.

Онѣ помолчали.

— Ну, а какое же дѣло, Маремьянушка?

— А вотъ, погоди, намъ кофе сварятъ... За кофеемъ-то лучше...

— Вуколь бы Прокофьевичъ не засталъ.

— Такъ что же?

— Неловко мнѣ.. Онъ все же хозинъ.

Маремьяна вздохнула.

— Хозяинъ онъ, какъ же...

Маремьяна вышла и велѣла дать «кофею».

XX.

БЫВШІЯ ПОДРУГИ, Маремьяна и Катерина, усѣлись за столомъ.

— Можеть, передъ кофеемъ-то по одной пропустимъ?

— Это можно... дѣло хорошее.

Подруги выпили...

— А вѣдь я къ тебѣ, дѣвушка, съ поклономъ...

— Ну, ну, сказывай!

— Видишь ты, дѣло-то какое... Ты меня не выдашь?..

— Съ чего?

— Да вѣдь мы иногда господамъ-то и сами не знаемъ, съ чего прислуживаемся...

— Ну, я не выдамъ...

— То-то же, дѣвушка, такъ ужъ я такъ на тебя и расплагаться буду, и ужъ если что, и не оставлю.

Катерину слово: «не оставлю» задѣло за живое.

«Ишь ты какъ важничаетъ»,—подумала она.

— Такъ вотъ дѣло-то какое... Мой-то за послѣднее время неладный сталъ.

— Что жъ, противъ шерсти гладить учаль?

— А ты съ чего догадываешься?..

— Да вѣдь съ нашей сестрой завсегда такъ: поиграли да и отшвырнули.

У Маремьяны выступили красныя пятна на лицѣ.

— Не больно-то отшвырнетъ, не изъ таковскихъ я... Что заберу въ руки, заберу на крѣпко.

— Тогда чего же всполошилась? — спросила Катя, принимаясь за третью чашку кофе.

— Всполошиться не всполошилась, а валаданье-то это... уемъ-то энтотъ самый нѣшто же кому приятень?.. Что онъ у васъ... дома-то... какой?

— А что?.. Ты, собственно, къ чему?

— Да любопытно... теперъ дѣло такое, — мало-ли чего ни передумаешь.

— А ты не думай.

— Сказала тоже: не думай... Не думала бы, да думается.

— Да что-жъ онъ дома-то... Какой былъ, такой и остался. Маремьяна посмотрѣла недовѣрчиво.

— Такъ такой, какъ былъ?..

— На мои глаза тотъ же...

— Такъ, такъ...

Маремьяна помолчала.

— Ну, а на счетъ разговоръ съ этой... Дермидоновой-то?..

— Да вѣдь какъ же не говорить-то... въ домѣ живутъ, по часту видаются, да не разговаривать?

— Такъ, такъ, дѣвушка, такъ...

— Да и мало-ли на дому разговоръ... Хоть и дальніе, да не чужіе.

— Третьево дня, онъ что-то долго съ ней бесѣдовалъ...

— По дѣлу, вѣрно...

— Ты не слыхала, про что именно?

— Да мнѣ-то что?.. Съ чего прислушиваться-то?

— А еслибы я попросила тебя, дѣвушка, иногда этакъ ухоту преклонить, да и послушать!

— Чтобы съ мѣста слетѣть?

— Тебѣ, дѣвушка, мѣсто долго-ли найти... Такія-то безъ мѣста не ходять...

Катерина помотала головой.

— Нужда пришла, такъ и хороша стала... А прежде-то я у тебя въ какихъ шла?

— А ты, дѣвушка, зла не держи... Мало-ли что было... Почти такъ, что бывшее бывшемъ поросло, и отъ добраго дѣла не откажись.

— Да ты что-жъ, подозрѣніе какое, что-ли, имѣешь?

— Да и подозрѣніе... да и... мало-ли что...

— Такъ, вѣдь, они, чай, родные?

— Ну, какая тамъ къ бѣсу родня: седьмая вода на киселѣ.

— Она у насъ барышня тихая, да смирная.

— Тутъ-то черти и водятся... въ тихій-то омутъ люди купаться, а водяной тутъ и учнетъ за тебя хвататься...

— Я не думаю...

— А ты, дѣвушка, не думай... ты только ухомъ насторожись, а буде нужно, глазомъ къ замочной скважинѣ...

— Боязно!

— Милая дѣвушка. я тебѣ, не торгуясь, заплачу, коли ежели надобную мнѣ вѣсточку принесешь.

— Да тебѣ какую надобно-то?..

— А какъ учну платить, такъ и узнаешь.

— Нѣтъ, матушка Маремьянушка, это не такъ... Мы съ тобою тоже родня-то не ахти какая близкая. Ты бариновы сапоги чистила, а я барышнѣ услуживала... Это только и есть, что «наша сестра», ну, а такихъ сестеръ-то и на Хитровомъ рынкѣ, и около Сухаревой башни—прудь пруди.

— А ты меня съ Хитровскими, да съ Сухаревскими не равняй... Я на господскую линію выходить начинаю... Не сегодня, завтра купчиха... У меня теперь слово-то, слава Богу, не кухаркино.

Катерину взорвало, но она сдержалась и смолчала.

— Такъ какъ же, дѣвушка, а?

— Да ты, Маремьяна, не хитри... — говори про что знать хочешь, да на платьѣ выворачивай... Я меньше не пойду.

— Слушай, Катерина, сейчасъ я не при деньгахъ, Вуколь-то отъ меня озленный ушелъ и денегъ не оставилъ... А ты синенькую за мной считай... Небось, не спячусь... Послѣди, душевная дѣвушка, пытку съ меня сними.

— Съ чего же Вуколь-то Прокофьевичъ разсердился?

— А вотъ съ того самаго, что я ему за разговоры съ Дормидоновной-то зубы показала.

— А онъ и по зубамъ?.. Дѣловой, выходить?

— Ну, по зубамъ-то, не по зубамъ. У меня есть чѣмъ отвѣтить, тоже слава тебѣ, Господи... А просто на просто неприятно ему стало, онъ и озлился.

Катерина качнула головою.

— Такъ берешься-ли, дѣвушка?

— Да ладно, не скули... что услышу, прибѣгу... Только по-желева синенькую не получу, въ ротъ воды наберу... Мнѣ не дѣтей съ вами крестить. Коли антиресеу никакого не будетъ, такъ съ чего же и уши-то мозолить?

— Сказано..., Говорю, у меня теперь не кухаркино слово... Онѣ помолчали.

— Можетъ, хлобыснешь на дорогу-то, Катеринушка?

— Да не много-ли будетъ?

— Ну, чтобы не хромать.
— Развѣ ужъ на вторую ногу.
Катерина выпила и ушла.
Маремьяна осталась съ думою.

XXI.

КАТЕРИНА пришла домой и тоже думала: рассказать или не рассказать о своемъ визитѣ къ Маремьянѣ. Ей ужасно хотѣлось подѣлиться этимъ фактомъ съ барышнею, но барышня еще такъ недавно не хотѣла слушать никакихъ ро- сказней.

— А все-таки скажу... Вотъ буду раздѣвать и скажу... Мо- жетъ мой сказъ-то и пригодится... Она тоже, чай, не прочь узнать подноготную-то о Вуколѣ. Не ради чего такого про- чаго, а хоша бы ради заступничества за сестру съ братцемъ... Все знаніе-то на случай пригодится... Да коли ежели скажетъ: «дескать, не рассказывайте, я ее по этому мѣсту и ударю». «Мнѣ, молъ, ежели хотите, милая барышня, все единственно, а любя васъ и вашихъ сестрицу и брата сообщаю. Мало-ли, молъ, можетъ эта самая Маремьяна бѣдъ натворить, коли ежели ей въ руки сдать Вукола Прокофьевича».

И Катерина не ошиблась.

Эта сторона была слишкомъ чутка въ Варварѣ Діодоровнѣ. Братъ и сестра были ея большимъ мѣстомъ. Для нихъ она была готова на все, а положеніе ихъ продолжало оставаться невыясненнымъ...

Когда Катерина заговорила о своемъ визитѣ къ Ма- ремьянѣ, Варвара Діодоровна ей строго запретила дальнѣйшія сообщенія.

— Я, барышня, замолчать замолчу, только вѣдь мое мол- чаніе не въ пользу пойдетъ, — сказала Катерина.

Варвара Діодоровна промолчала.

— Вѣдь эта Маремьяна того натворить, что братецъ и се- стрица ваша ни за что пострадаютъ...

— Что вы говорите, Катя?. Что можетъ Маремьяна!.. Ка- жется, ее расчитали и наградили.

— Вотъ то-то и оно-то, барышня, что вы ни выслушать, ни понять ничего не хотите, а вѣдь я васъ и вашихъ брата съ сестрицею на нашу сестру ни въ жисть не смѣняю.

— Да, спасибо вамъ, Катя... Только я все не вѣрю, чтобы...

— Это на счетъ Вукола-то Прокофьевича и Маремьяны?..

Варвара Діодоровна вся вспыхнула и молчала.

— Да правда, барышня, суцая правда... И надо вамъ знать, что эта самая Маремьяна баба отчаянная и въ своей чувстви- тельности заскорузлая.

Варвара Діодоровна стояла и заплетала косу.

— Ей, чтобы въ купчихи выйти и въ званіи своемъ повыситься, на чью хотите погибель покуситься не страшно.

Варвара Діодоровна откинула назадъ заплетенную косу и повернулась къ Катеринѣ.

— Коли, ежели, барышня, не интересно, я замолчу...

— Нѣтъ, Катя, говорите... видите, я вамъ довѣряю...

— А ужъ я, милая барышня, васъ не продамъ за синенькую... Маремьяна-то мнѣ сейчасъ синенькую обѣщала, ежели я всѣ ваши разговоры подслушивать буду и ей переносить...

— Фу, какая гадость!...

Варвару Діодоровну даже всю передернуло, какъ въ лихорадкѣ.

— Истинное слово ваше, барышня, ужъ такая-то гадость, такая-то гадость, что и не выговоришь...

— Зачѣмъ же ей наши разговоры съ Вуколомъ Прокофьевичемъ?

Катерина покачала головой.

— И ужъ простите вы меня, милая барышня, только со всѣмъ вы, что ребенокъ малый...

Катерина оглянулась.

— Въ подозрѣніи она васъ держитъ относительно Вукола Прокофьевича...

— Въ какомъ подозрѣніи?

— Да вѣдь вы, чай, дѣвица, а Вуколъ Прокофьевичъ кавалеръ.

Можетъ въ другое время Варвара Діодоровна отъ души бы расхохоталась словамъ «дѣвица и кавалеръ», разъ послѣднее относилось къ неуклюжему Вуколу, но теперь подозрѣніе Маремьяны ее глубоко оскорбило... Она, Маремьяна, ставила себя на одну доску съ нею, Варварой Діодоровной.

— Какая должна быть дурная женщина эта Маремьяна.

И мысль, однажды уже мелькнувшая въ головѣ Вари, что Вукола необходимо вырвать изъ рукъ Маремьяны, теперь исполнѣ крѣпко засѣла въ ея хорошенькую головку.

Подъ вліяніемъ прежняго разговора съ Катей, эта мысль пришла въ голову Варѣ, но она все еще не могла повѣрить въ возможность отношеній Вукола къ Маремьянѣ. Теперь эти отношенія были ясны до очевидности. Въ эти отношенія примѣшивали ее, эти отношенія грозили сестрѣ и брату. О послѣднемъ и рѣшилась задать вопросъ Катѣ сама Варвара Діодоровна.

— Но что же она можетъ по отношенію къ сестрѣ Надѣ и къ брату Володѣ?

— А все можетъ, милая барышня.

Варвара Діодоровна даже подалась назадъ, — такъ ужасна была фраза Кати, такъ ужасенъ былъ увѣренный тонъ, которымъ произнесена была эта фраза.

— Ну, это слишком много... Все!.. Вы, Катя, говорите: все... Я думаю, она ничего сдѣлать не можетъ...

— Да не сама она, барышня милая, а черезъ Вукола Прокофьевича.

— Вуколь Прокофьевичъ настолько мнѣ кажется и простъ, и благороденъ.

— А она его передѣлать можетъ... И не алкалъ онъ, да взалкаетъ... Вотъ вы на стражу-то и встаньте... Она его въ одну сторону потянетъ, а вы въ другую.

— Что же я могу?..

— Вы-то?.. Съ вашимъ-то образованіемъ, съ вашимъ-то умомъ... Да коли, ежели ни того бы, ни другого не было, такъ красота-то ваша зачѣмъ?.. Вы или Маремьянка...

Варвара Діодоровна при послѣднемъ сопоставленіи чуть не упала въ обморокъ: вся кровь отлила отъ головы, она сдѣлась блѣднѣе полотна и тихо сказала:

— Дайте воды мнѣ, Катя.

— Что вы, барышня, что вы, голубушка?

— Ничего, Катя, ничего... Мнѣ нездоровится.

— Да ужъ гдѣ отъ этакого поздоровится... Вы на меня только не сердитесь, барышня... Можетъ я и глупости говорю... Вы ужъ простите... Съ доброты душевной, васъ любя.

— Спасибо, Катя, вамъ, большое спасибо.

— Ужъ вы только, милая барышня, Вуколу-то Прокофьевичу ничего не скажите, а то онъ меня мѣста рѣшить, а мнѣ васъ бросать не хочется, а я что только узнаю, сейчасъ же къ вамъ... И не только сейчасъ, а даже сію минуту...

— Не беспокойтесь, Катя.

— Ужъ пожалуйста, барышня.

«Утѣшила», подумала Варвара Діодоровна и сердце ея мучительно жгалось.

Варя чувствовала, что она почти въ рукахъ своей горничной, преданность которой чрезвычайно сомнительна, и возлагать надежду на эту преданность было бы не только не ловко, но просто таки глупо...

XXII.

ДВА вышла Катерина изъ комнаты Варвары Діодоровны, какъ молодая дѣвушка, стараясь подавить въ себѣ рыданія, бросилась на кровать и залилась слезами.

«Господи,— думалось ей,— за что же, за что на ея и такъ горькую долю выпадаетъ, еще такая жалкая роль?»

А что роль была по истинѣ жалкая, въ этомъ врядъ-ли кто нибудь могъ усумниться.

Она и Маремьяна! Ей нужно было встать на одну доску съ полупьяной бабой, которая, по характеристикѣ ея товарки Катерины, была баба отчаянная и въ чувствахъ «закорузлая».

Она должна пустить въ ходъ чары ума и чары красоты, чтобы отнять у Маремьяны такого же въ чувствахъ зако-рузлаго человѣка, какъ и сама Маремьяна.

Вуколь не далеко ушелъ отъ Маремьяны...

Нѣтъ!

Маремьяна была выше Вукола: у нея была инициатива, правда, инициатива грязная, гадкая, преступная, но все же инициатива, а у Вукола и этого не было, у него было только подчиненіе чужой инициативѣ.

И тутъ только въ первый разъ пришелъ въ голову Варѣ вопросъ: «Да какъ же это могло случиться, что Вуколь вдругъ остался въ такомъ ужасномъ положеніи, въ которомъ его за-стала внезапная смерть его родителя?»

Какъ могли просмотрѣть Вукола и покойный Журавлевъ, и ея, Вареньки, мать и, наконецъ, она сама, Варя...

Какъ ни прибирала отвѣты на этотъ вопросъ юная головка Вари, отвѣты всё до одного убѣждали ее, что судьба въ лицѣ этого дикаря мститъ теперь всёму имъ за прошлое.

Что посѣяли, то и жнутъ!

«Это же ужасно, ужасно, ужасно», думалось ей и она продолжала плакать, плакать и плакать, словно думала слезами помочь горю.

Но и пословица живетъ на свѣтѣ: «слезами горю не помо-жешь».

Умъ сталъ брать и у Вари перевѣсъ надъ чувствомъ.

Въ самомъ же дѣлѣ надо что нибудь предпринять, чтобы избавиться отъ этой ужасной женщины.

Несомнѣннымъ казалось ей, что влюбить въ себя дикаря Вукола не стоило большого труда.

Между ними было духовное родство, ибо другаго, т. е. кров-наго родства, между ними никакого не существовало, да, на-конецъ, они до сихъ поръ были настолько чужими, что Вукола и не могла остановить мысль о родствѣ...

Ну, влюбить?..

А что же дальше?

Роковые призраки окружали теперь Варю уже съ двухъ сторонъ.

Одинъ призракъ въ лицѣ Маремьяны стоялъ сзади и не давалъ возможности отступить; второй призракъ, въ лицѣ Ву-кола, стоялъ впереди; стоялъ у обрыва, въ которомъ Варѣ суж-дено было погибнуть.

Увильнуть въ сторону направо или налѣво она не могла, не умѣла.

Варя была еще слишкомъ наивною дѣвочкою для такого увиливанія.

Опытная женщина, оставивъ за флагомъ свою соперницу, ловко провела бы мужчину, обработавъ свои дѣлишки...

Но такъ бы поступила опытность, а не наивность.

Но что же могла сдѣлать наивность?

Положиться на Бога...

Да, на Бога, Который никогда не приходилъ съ отказомъ на искренне обращенную къ Нему мольбу.

Варѣ, когда мысли ея запутались въ лабиринтѣ противорѣчій, ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ Тому, Кто сказалъ: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіе и обремененные, и Азъ упокою вы».

И Варя бросилась передъ образомъ Христа Спасителя и долго, долго молилась, молилась безъ словъ, безъ молитвы, молилась духомъ, глубоко вѣруя, что ни слова, ни молитва здѣсь нужны, а искренняя слеза, которая дойдетъ до Распятаго...

И молитва облегчила ее.

Что-то сказало ей: «пустъ идетъ все такъ, какъ шло; будь лишь ласкова, добра, привѣтлива съ Вуколомъ, и твоя чистая ласка, сердечная доброта и искренняя привѣтливость сдѣлаютъ больше, чѣмъ всѣ чары кокетства, завлеченія, заманиванія, свади которыхъ стоитъ и тяжкая отвѣтственность».

Варя на утро встала совершенно обновленною.

Катерина, пришедшая ее будить, нашла Варю уже вставшею.

— Ай, барышня, какъ вы рано встали!

— Да, проснулась и не хотѣлось валяться.

— Это я, можетъ, своими глупыми словами разстроила васъ?

— О, нѣтъ, Катя, нѣтъ... Спасибо вамъ, — вы добрая...

— Какъ же рѣшили-то, барышня?

— Что рѣшила?

— Да все на счетъ нашей барской барыни-то?

— А Господь съ нею... Какое мнѣ дѣло.. Вуколь Прокофьевичъ свой умъ имѣетъ... Пойметъ, что она ему не пара, и отступится.

— А какъ поздно будетъ ему отступаться?... Она вчера говорила: «ужь что въ руки заберу, то заберу крѣпко».

У Вари опять заголоснуло на сердцѣ.

— Ну и пусть...

— Да вѣдь какъ все заберутъ?..

— И пусть... Съ голода не умремъ, сыты будемъ... Законъ за насъ заступится...

— Э-эхъ, барышня, гдѣ онъ, законъ-то?.. Что писанъ-то онъ, да въ книжкѣ сдѣланъ...

Катерина махнула рукой.

— Не будемъ говорить объ этомъ больше, Катерина... Я васъ выслушала, говорю вамъ спасибо за сердечное отношеніе, сообразила все, что нужно было сообразить, и теперь прошу мнѣ ничего больше о Маремьянѣ не сообщать. Одно имя ея мнѣ противно...

— Препротивное имя... Маремьяна!..

— Имя ничего, Катя, противень тотъ, кто носить это имя.. Да Богъ съ нею: я ей зла не желаю. Убѣждена, что Вуколь Прокофьевичъ во время опомнится.

— Значить на томъ и порѣшили, чтобы Вукола Прокофьевича во время задержать?

— Нѣтъ, Катя, я не на томъ рѣшила... И такъ какъ я вижу, что вамъ хочется знать, на чемъ я рѣшила, я вамъ скажу. Откровенность за откровенность. Я рѣшила въ это дѣло не вмѣшиваться, за ихъ отношеніями не слѣдить и, положившись во всемъ на Бога, предоставить всему идти такъ, какъ оно идетъ...

— Напрасно, милая барышня, вѣдь и пословица живетъ: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

— Ну, это только плохая пословица. Не плошать противъ Божьяго всемогущества... Нѣтъ, Катя, я серьезно говорю: оставимте навсегда эти разговоры.

— Какъ вамъ угодно, барышня... простите, если я сглупа васъ обезпокоила.

— Я уже вамъ сказала, что я вамъ даже благодарна...

— Да вѣдь что же за пустое благодарить... Я сглупа васъ обезпокоила... Обезпокоила, опять таки-вамъ скажу, барышня, потому, что нравъ-то свирѣпый Маремьянинъ вотъ какъ у меня, — на ладошкѣ... Эстолько лѣтъ вмѣстяхъ прожили, чай, другъ дружку поняли. Я эхидную душу наскрозь видѣла...

Варя видѣла, что Катю не уймешь, не говорила ей больше «замолчите», а сказала: «расчешите мнѣ косу, Катя».

Катя взяла гребенку и распустивъ роскошную косу Вари, начала ее расчесывать и расчесывая говорить, говорить безъ умолку...

XXIII.

БЫ ДУМАЕТЕ, милая барышня, — продолжала Катерина, — Маремьяна Вукола-то Прокофьевича, еще при жисти покойнаго родителя, насупротивъ его не настраивала?.. Сдѣлайте одолженіе!.. Цѣлыми ночами она его точила. Робкій Вуколь-то Прокофьевичъ былъ, тятеньку-то боялся, потому хоша тятенька и отполировался, но въ душѣ эту самую азіатскую повадку на счетъ хлыста и плети во-отъ какъ сохранялъ.

Варѣ было непріятно, но она смолчала.

— Только энтотъ страхъ его и удерживалъ, а то бы онъ давно скандальную кассацию учинилъ...

— Покойный отчимъ только строгъ былъ, но ни о какихъ плетяхъ и палкахъ не помышлялъ.

— Это, милая барышня, въ тайникахъ задушевныхъ запрятано, и никому это видѣть не дано...

— Ну, а разъ видѣть никому не дано, такъ вѣдь и вы не видали, къ чему же тогда и говорить...

— Я изъ опыта, милая барышня. Опытъ — дѣло великое. Когда тятенька вашихъ брата и сестрицы и Вукола Прокофьевича столь внезапно скончались, какъ эта Маремьяна дьяволила... И въ лавку къ Вуколу Прокофьевичу безъ спроса и приказа побѣжала, и какого-то дрянного человѣка отъ Иверскихъ воротъ у себя за кроватью прятала, а потомъ его потайно въ комнату къ Вуколу Прокофьевичу провела... Ночеваль онъ, чиновникъ-то...

— Ну къ чему мнѣ все это знать? Вѣдь ничто въ домѣ не перемѣнилось...

— Не успѣло еще, милая барышня, время-то нѣшто много ажнуло? Всего съ куриный носъ время-то прошло. Она только теперь зачинается, сумятица-то.

— Не вижу.

— Ни къ чему вамъ, вотъ вы и не видите, а я вижу. Охъ, какъ я вижу! Насквозь все вижу, на аршинъ въ землю взглядомъ-то углубляюсь.

Варя взяла свою заплетенную косу, обернула два раза вокругъ головы и сказала:

— Идите, Катя, разбудите брата и сестру, пусть вмѣстѣ съ Вуколомъ Прокофьевичемъ чай пьютъ.

— А гдѣ же Вуколь-то Прокофьевичъ?.. Нѣтъ его.

— Развѣ Вуколь Прокофьевичъ не ночеваль дома?

— То-то и есть, что не ночеваль... Впервые вѣдь это съ нимъ, милая барышня... Говорю, вчера они съ Маремьяной-то, видимо, побранились были... Изъ словъ ея я это заключаю... Вотъ она его, голубчика, и скрутила. Вотъ, барышня, на мое и выходить, что рукъ вамъ покладывать нечего. На милосердіе, то Божіе уповаю, и забирайте молодца въ руки.

— Идите, Катя,—сказала Варя строго.

И Катя, бросивъ изъ подлѣбья на Варю взглядъ, какъ бы говорящій: «погоди, не сдобруешь», вышла изъ Вариной комнаты.

XXIV.

ВАРЯ опять задумалась.

Отсутствіе Вукола Прокофьевича слишкомъ сильно ударило ее по нервамъ.

Такой пассажъ получился въ первый разъ.

Въ эту минуту раздался не смѣлый звонокъ.

Варя поспѣшила въ гостиную.

Въ передней стоялъ Вуколь Прокофьевичъ и снималъ пальто.

— Ну, слава Богу! — совершенно искренно сказала ему Варвара Дюдоровна. — Мнѣ утромъ Катя сказала, что васъ не было, и я такъ перепугалась...

— Съ чего же?

Вуколь казался сконфуженнымъ.

— Ну, какъ же съ чего?.. Если бы это случилось раньше, мы бы привыкли къ этому явленію, а такъ какъ этого никогда еще не случилось, то мало-ли что передумается... Въ подъ Богомъ, могло что-нибудь и случиться.

— Ничего-съ... благодарю васъ... живъ...

— Да слава Богу, что такъ... Вы не сказали, что не будете ночевать дома, вотъ я и обезпокоилась.

— Да не разсчитывалъ на это. Пассажъ такой вышелъ и не удалось до дома добраться.

— Ну, теперь дома, и слава Богу.

Вуколь неловко раскланялся и прошелъ въ свою комнату. Онъ только что вернулся отъ Маремьяны. Она его буквально не пустила.

Маремьяна оказалась хорошею актрисой. Она и плакала, и рыдала, и рвала на себѣ волосы, и по полу каталась, и грозилась, и ругалась, словомъ была вполне отвратительна.

Вуколь, не видавшій подобныхъ сценъ, все считалъ въ простотѣ душевной за чистую монету и высидѣлъ у нея всю ночь, чего она неотступно требовала.

Но ушелъ отъ нея Вуколь, унося озлобленіе въ сердцѣ и желаніе, если возможно, избавиться отъ этой фуріи, безцеремонно налагавшей на него руку и ровно ничего не общавшей для тишины жизни, для покоя...

И вдругъ, по приходѣ домой, его встрѣчаетъ крѣткій полуупрекъ, полустрахъ.

Молоденькая, красивая дѣвушка говоритъ ему, что она была обезпокоена его отсутствіемъ, что страшилась за него, спрашивая себя, «не случилось-ли съ нимъ что нибудь».

Ласкающе проникалъ въ сердце Вукола пріятный голосъ Варвары Дюдоровны и оставлялъ въ немъ глубокое впечатлѣніе.

Придя къ себѣ въ комнату, онъ прилежъ на кровать и въ первый разъ задумался надъ своимъ новымъ положеніемъ хозяина большаго торговаго дома, надъ положеніемъ человѣка, «на рукахъ», правильнѣе даже, «въ рукахъ» котораго очутилась цѣлая семья вполне зависимыхъ отъ него людей.

Его подстрекали пустить по міру эту семью, ограбить ее, разорить и тѣмъ отомстить за всю свою испорченную молодость.

Какъ ни былъ, однако, дикъ Вуколь Прокофьевичъ, какъ на первыхъ порахъ ни поддался мстительному чувству, совершивъ даже преступленіе сокрытіемъ значительной суммы денегъ, вы-

нутой изъ сундука, при сообществѣ Маремьяны, но чѣмъ шло дальше дѣло, тѣмъ искреннее горе сиротъ, глубокое къ нему ихъ довѣріе, потомъ отдача себя въ руки его смягчали Вукола и онъ приходилъ къ убѣжденію, что оставшагося послѣ отца на всѣхъ хватить, и что нѣтъ надобности брать великій грѣхъ на душу и разорять брата и сестру, все же вѣдь близкихъ ему по отцовской крови.

Правда, общенія между ними еще большаго не было, еще Вукола боялись и брать, и сестра, и сама Варвара Діодоровна, но это общеніе могло начаться не сегодня-завтра, да оно уже и началось послѣ извѣстнаго разговора Варвары Діодоровны съ Вуколомъ Прокофьевичемъ, разговора, который вызвалъ дикую сцену со стороны Маремьяны, вызовъ къ себѣ горничной Катерины, желаніе установить согладатайство, все то, на что способны натуры жалкія, могущія не привязывать, а держать при себѣ человѣка, не желающаго или боящагося скандала.

Вотъ и сейчасъ.

Вуколь лежитъ и думаетъ о будущемъ, а Маремьяна ходитъ взадъ и впередъ по улицѣ, чтобы на улицѣ же сдѣлать сцену Вуколу, который зашелъ на квартиру, а не прошелъ отъ нея прямо въ кладовую.

На счастье Вуколь вышелъ изъ дома задними воротами, такъ какъ ему нужно было прежде зайти въ складъ на Язуу, а затѣмъ уже ѣхать въ кладовыя и магазинъ.

Маремьяна ходила долго еще по улицѣ и не удержалась, послала дворника тайно узвать, не дома-ли Вуколь Прокофьевичъ, но дворникъ вернулся и сказалъ неопредѣленно: «былъ да весь вышелъ».

Маремьяна направилась домой и ждала вечера.

— И сегодня ему не ночевать дома,—говорила она сама съ собою вслухъ.—Опять себя измучу, а не пушу.

Вуколь пришелъ позднѣе обыкновеннаго.

— Гдѣ запропалъ, голубчикъ?

Тонъ Маремьяны не обѣщалъ ничего хорошаго.

— Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ... Искать пойдешь, не найдешь.

— Этакъ-то ты мнѣ не отвѣчай. День-то деньской я мучусь, мучусь да и къ ночи не успокоюсь.

— Съ чего ты мучишься-то?

— Какъ съ чего... Дѣло у меня заглазное. Господь тебя знаетъ, гдѣ ты бываешь, что дѣлаешь, съ кѣмъ говоришь?

— Дѣлать-то тебѣ нечего... Какъ у плиты стояла, да комнаты убирала, такъ и не думала.

— И настоялась, и наубиралась,—будетъ.

Они замолчали.

— Будешь, что-ли, чай пить да ужинать?

— Не буду.

— Въ трактиръ пойдешь?

-- Съ чего въ трактиръ, у меня домъ есть.

— Ну, нѣтъ, шалишь... Домой-то ты не пойдешь.

Вуколь, стоявшій у окна, повернулся къ ней и, сверкнувъ глазами, спросилъ:

— Какъ не пойду?

— А такъ, не пойдешь, да и все тутъ... Развѣ въ окно выскочишь, а въ двери не попастьъ... Дверь на запорѣ, ключъ у меня.

Вуколь скрипнулъ зубами.

— Не испужаешь, я не изъ робкихъ.

— Ну, да вѣдь и я тоже не изъ податливыхъ. Давай ключъ!

— На-ка тебѣ!.. Вотъ тебѣ ключъ!..

Маремьяна грубо поднесла «фигу» къ самому носу Вукола.

Онъ кулакомъ ударилъ со всей мочи Маремьяну по рукѣ, та взвизгнула отъ боли.

— Ты что же это?!

Маремьяна побагровѣла.

— Ключъ, я тебѣ говорю, а то всю распотрошу!

— А я тебя на всю Москву осрамлю, нигдѣ прохода не дамъ... Мнѣ, братъ, ау, терять нечего.

— Справлюсь...

— Не на такую наскочилъ... Говорю: терять мнѣ нечего!..

И по истинѣ страшень человѣкъ, которому больше терять нечего, у котораго все потеряно: и стыдъ, и честь, и совѣсть.

Вуколь подступилъ еще ближе.

— Ну, что же, дашь ключъ или не дашь?

— Не дамъ.

— Не дашь?!

— Не дамъ.

Вуколь внѣ себя сжалъ кулаки.

— Бить буду...

— Бей!—завизжала Маремьяна влобнымъ голосомъ!

— Ой, не дразни.

— Бей, говорю. Бей, бей, бей, аспидъ, а не пущу тебя къ твоей подлой Варькѣ, а если пойдешь, не сдобровать ей! На улицѣ въ рожу плюну, не уймется—ударю, не образумится—ножомъ пырну.

У Вукола руки опустились.

— Да съ чего ты, безумная?..

Вуколь задалъ вопросъ упавшимъ голосомъ.

— Ага... спужался... и голосъ упалъ... Со мной не съ приказчикомъ, али не съ торговымъ мальчикомъ.

И Маремьяна опять подступила къ Вуколу.

— Ну, что же, бей!—говорила она вызывающе.

— Отойди лучше.

Вуколь отступалъ, тяжело дыша.

— А я тебѣ говорю: бей!

Вуколь не выдержалъ, произошла бозобразная сцена.

Вуколь ударилъ Маремьяну по лицу такъ сильно, что кровь хлынула у ней изъ носа и изо рта, а она упала на полъ, лишившись чувствъ.

Вуколь не подошелъ подать ей помощи, онъ самъ безпомощно упалъ на диванъ и тихо заплакалъ.

«Неужели жизнь его связала съ этой ни съ того, ни съ сего взбѣленившейся женщиной», — думалось ему, и слезы текли изъ глазъ его неудержимо...

XXV.

ДОЛГО безъ движенія лежала окровавленная Маремьяна, наконецъ пошевельнула рукою, провела ею по лицу и вздрогнула, прикоснувшись къ начавшейся запекаться крови.

Она открыла глаза, сѣла на полу, осмотрѣлась и, увидавъ Вукола, закричала:

— Разбойникъ, пра, разбойникъ!

Вуколь вскочилъ.

— Еще слово, и духъ вонъ!

Маремьяна увидала, что съ Вуколомъ шутки плохи, что звѣря дразнить не слѣдуетъ, она поднялась съ пола и не сказала, а простонала, спросивъ:

— За что же, за что?

— Иди, умойся и переодѣйся.. Противна ты мнѣ.

У Маремьяны готова была сорваться съ языка фраза: «ну, вѣстимо, Варька лучше», но покосившись на кулакъ Вукола, она молча вышла изъ комнаты, на манеръ гостиниой, и прошла въ кухню, гдѣ и вымылась, и переодѣлась, а затѣмъ пришла съ тряпкой затереть полъ, на которомъ была струя крови.

— Гдѣ ключъ отъ дверей?—спросилъ Вуколь.

— Да вотъ ключъ... чего ты... на...

— И ежели когда нибудь... что нибудь, то я тебя не кулакомъ, нѣтъ, а тѣмъ, что подъ руку попадетъ...

Вуколь вырвалъ ключъ изъ рукъ Маремьяны и схватилъ шапку.

— Да ну, не сердчай, положи гнѣвъ на милость... ну, больше не буду...

— Видѣть тебя не могу.

— Да, ну, милый, пріятный и меня пожалѣй!

— Чего мнѣ тебя жалѣть, за что про что? Ты будешь въ головномъ воображеніи вавилоны разводите, а я слушаться буду.. Ты меня всплакнуть заставила, и этого я тебѣ не прощу и не забуду.

Вуколь ударилъ шапкою объ столъ.

— Запирать задумала... стращать да пужать принялась...
Смотри у меня...

— Ну, сказала не буду... ну, угомонила сердце-то, приятный мой.

Вуколь сѣлъ.

— Ну, прости дуру-бабу... Отъ любви къ тебѣ слѣвну...

Она подошла ближе.

— Чайку-то выпьешь, такъ я самоваръ поставлю?

— Долго самовара ждать...

— Неужь уйдешь?

— Неужь останусь?

— Да хоша поснѣдалъ бы чего нибудь...

— Кусокъ въ плотку не полѣзеть... Да и старшой приказчикъ ждетъ... Лавку мы считаемъ... Смѣнить его хочу...

— Красноносаго-то?!

Она всплеснула руками.

— Что жь онъ навѣчно къ выручкѣ привинченъ, что-ли?..

Не нуженъ, такъ и иди...

— За что, про что?

— Ну, на сегодня не спрашивай... сегодня нѣтъ тебѣ моего слова, не выслужила...

Вуколь всталъ.

— Ну, прощай!

— Да ты хоша приласкалъ бы на прощанье... этакъ грохнулъ и...

— И не такъ еще грохну, — сказалъ онъ и, обнявъ, поцѣловалъ Маремьяну и ушелъ.

Маремьяна, проводивъ Вукола, злобно сказала: «наскочила» и прибавила: «ну, да вѣдь не все по мнѣ и по другимъ идетъ».

XXVI.

ПЕРЕЗЪ ЧАСЪ пришла прислуга Маремьяны, старуха Авдотья, которую Маремьяна отпустила со двора, чтобы разыграть первую сцену безъ свидѣтелей.

Когда Авдотья вошла, Маремьяна подумала: «и вотъ, что говорится: во время услада».

Однако, инстинктъ, да и привычки прислуги перемывать косточки господамъ не оставили Маремьяну-барыню, и она подѣлилась таки всѣмъ происшедшимъ съ вухаркой своей Авдотьей.

— Мой-то, мой...

— Ась?

— Мой-то, говорю...

— Вуколь Прокофьевичъ?

— Онъ самый... знаешь, чѣмъ меня проздравишь?

— Чѣмъ, матушка? Ужъ не замужествомъ-ли?

Подъ властью тьмы.

— Да, замужествомъ..

Она горько усмѣхнулась и сказала:

— Не замужествомъ, а кулакомъ.. Всю какъ есть раскро-
вятилъ.. Вишь, на переносѣ знакъ-то.. Полюбуйся.

Авдотья наклонилась къ переносью и глубокомысленно за-
мѣтила:

— Ловко рѣзнуто.

— Чего лучше.. Какъ еще совѣмъ носа не перешибъ..

— За что, про что?

— А здорово живешь, Авдотьюшка.. Вотъ она, судьба-то
моя какая.. а.. завидная?.. Какъ думаешь, завидная?

— Да это онъ впервые, или почасту дерется?

— Только въ первый разъ началъ..

— Може сама, сударушка, виновата.. Испиваетъ онъ?

— Нѣтъ..

— Такъ съ чего же? Бѣлены, что-ли, объѣлся? Онъ, ка-
жись, тихій такой..

Маремьяна махнула рукою и все рассказала Авдотѣ.

— Такъ-такъ.. Перехитрила, матушка, здорово перехит-
рила.. Мужчинъ, сударушка, надобно исподволь забирать.

— Какъ его забережь?

— Научить, что-ли?

— А ну?

— Ты знаешь, что ему объяви?

Маремьяна, словно догадавшись, просіяла, но все же спро-
сила:

— Что именно-то?

— Улыбнулась ты шире масляницы, а прикидываешься
непонимающею..

— Да можетъ не такъ поняла?

— Ну, чего не такъ.. Ты какъ поняла-то?

— На счетъ ребенка, что-ли?

— Эге.. Это, мать моя, такую въ нихъ къ нашей сестрѣ
привязку дѣлаетъ, что страхъ.

— Да вѣдь нѣтъ же этого, нѣтъ.. Опосля какъ оправды-
ваться?

— Въ этомъ дѣлѣ всегда и ошибка быть можетъ и не-
счастіе.. Да мало-ли что.. Тебѣ же время проволочить надо..
Его приручить.. Може, денегъ тебѣ отъ него надо?

— Деньги мои будутъ все едино, его бы приручить.. У
меня какая фантазія-то въ головѣ.. Щеголихою на всю Москву
стать.

— Такъ, милая, такъ.. Объяви ему, мало-мало помедливъ,
что я учу, гляди, шелковый станеть.. Про такое-то узнавши,
многіе изъ ихъ брата и вѣнчаются съ нашей сестрой-то, коли-
ежели слободны.

— Онъ слободный.

— Такъ и куй желѣзо, пока горячо.

— Надоумила.

— Ну, пока дай, сударушка, за надоумленіе-то, ну, а коли нужно подсобить, тогда уже и плата особливая будетъ.

— Озолочу...

— Позолачивать не надо, а такъ, чтобы вѣчную благодар- ность чувствовать, это слѣдуетъ...

— Такъ ты думаешь, не боязно?

— Волка бояться, въ лѣсъ не ходить.

— А скоро-ли?

— Ну, недѣлки двѣ-три, красавица, поластись, въ попе- рекъ ему не иди... Умолись, смирись, да подь хорошую руку и брякни... Шелковый станеть...

— А какъ его тамъ зазноба-то зазнобить?

— Да съ чего ты, красавица, въ ревность-то ударилась? Вѣдь нѣтъ ничего?

— Не знаю... Ихъ горничную я призывала. Тоже озоло- тить обѣщала, чтобы только она по ихъ слѣдамъ ходила.

— Что-жь Катерина-то говорила?

— Да ничего онъ нея не дождалась. Пять рублей только просила.

— Дала-ты?

— Обѣщала... Принеси, говорю, вѣсточку, тогда и получай.

— Надежна-ли дѣвка-то?

— Да вѣдь кто въ душу-то влѣзеть... Кажись, ничего... Мы съ ней три года вмѣстѣ жили... То она на меня, то я на нее господамъ доносили, а потомъ опять ничего.

— Какъ бы Катерина тамъ не проговорилась... Хуже будетъ.

У Маремьяны замерло сердце.

— И впрямь такъ... Знаешь что, пока еще ничего не вы- шло, снеси-ка ты ей синенькую-то завтра по утру. Синенькая ротъ-то ей зажметъ...

— Это дѣло...

— Да скажи ей, что я заходить просила, а что ты знаешь, про то не говори, и о побоищѣ-то нашемъ не сказывай.

— Да ужъ не учи... Я съ молодую-то у ахтерки служила, такъ того, мать моя, насмотрѣлась, что ай лю-ли!

XXVII.

ВУКОЛЪ ПРОКОФЬЕВИЧЪ чувствовалъ себя ужасно гадко, и, идя домой, поминутно оглядывался, не слѣдитъ-ли гдѣ за нимъ Маремьяна.

Ударъ, нанесенный имъ Маремьянѣ, вся эта сцена брани, криковъ, угрозъ сильно возмущали Вукола.

Какъ ни былъ онъ дикъ, но все же онъ не былъ звѣремъ.

Забитость, отчужденность, обиды, незаслуженно имъ полученныя, онъ переносилъ всегда съ кротостью, и только дважды заплакалъ передъ отцемъ, слегка указывая ему на свое «ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ» положеніе.

Только сойдясь съ Маремьяною, онъ началъ, подъ ея вліяніемъ, сильно перерождаться въ дурную сторону, начавъ стутайки небольшихъ суммъ, считая это не утайкою, а законнымъ обезпеченіемъ себя — на случай. Подъ вліяніемъ Маремьяны, зависть Вукола къ положенію своихъ брата и сестры начала переходить въ недовольство, почти въ ненависть.

Послѣдняя не овладѣла, однако, душою Вукола, и едва скончался отецъ, едва оказались и братъ его, и сестра въ полубезпомощномъ состояніи, какъ Вукола потянуло на ихъ сторону.

Въ Вуколѣ оказывалось гораздо болѣе хорошихъ задатковъ, нежели дурныхъ, и онъ скорѣе могъ поддаться добру, нежели злу.

До сихъ поръ онъ состоялъ изъ цѣлой массы противорѣчій. но вставъ твердо и занявъ извѣстное положеніе, онъ и самъ внутри себя чувствовалъ необходимость устранить противорѣчія.

Вуколъ до вчерашняго дня почти не обращалъ вниманія на свою сводную сестру, Маремьяна своею вспышкою ревности, возбужденною Вуколомъ, рассказавшимъ о своемъ собесѣдованіи съ Варварою Діодоровною, заставила Вукола попристальнѣе всмотрѣться въ красивую, юную, наивную и какъ ангель добрую дѣвушку.

Утренняя встрѣча, испугъ Варвары Діодоровны за Вукола, не ночевавшаго дома, боязнь, не случилось-ли съ нимъ чего, сильно повліяли на Вукола.

Онъ почувствовалъ сразу какую-то теплоту въ сердцѣ, близость къ этой до сихъ поръ далекой отъ него дѣвушки.

А Маремьяна, грубая, дерзкая Маремьяна, Маремьяна, угрожающая Варварѣ Діодоровнѣ публичнымъ плевкомъ, ударомъ, даже убійствомъ, пробудила въ Вуколѣ спящее чувство рыцаря, готоваго защищать дѣвушку, которую хотятъ невинно обидѣть.

Съ той минуты, когда по ея адресу раздались угрозы, онъ почувствовалъ, что она ему дорога.

И это чувство сладко-сладко защемило сердце Вукола.

— Защищу, отъ всѣхъ защищу, въ обиду не дамъ, — говорилъ онъ самъ съ собою.

Часы на Спасскихъ воротахъ показывали четверть двѣнадцатаго, когда Вуколъ поровнялся съ воротами. Онъ хотѣлъ ускорить шагъ, но остановился и, снявъ по обычаю картузъ, безъ словъ, но искренно помолился и тогда зашагалъ быстрѣе.

Онъ хотѣлъ застать Варвару Діодоровну, которая почти

всегда до полночи возилась съ братомъ и сестрою, помогая имъ готовить уроки.

На улицахъ было пусто. Москва, коренная Москва ложится спать рано, торговлю прекращаетъ почти съ наступленіемъ сумерокъ, и идетъ себѣ на боковую.

Когда онъ подходилъ къ дому, въ домѣ еще было освѣщено. Лампа горѣла въ гостиной и въ столовой, въ дѣтской и въ комнатѣ Вари мерцали лампы. Въ комнатѣ опекуна-генерала былъ полный мракъ.

Почтенный дядюшка, страдавшій отъ паралича, рано забирался въ свой кабинетъ, плотно запирался въ немъ и скорохонько засыпалъ.

Вуколь тихо позвонилъ.

Катерина отворила двери.

— Какъ вы нонѣ рано, Вуколь Прокофьевичъ... Барышня еще не спятъ...

— Что же, съ братцемъ и сестрицею занимается?..

— Только что кончили... сидятъ и книжку читаютъ... Еще и самоваръ не убрали...

— Ага...

Вуколь Прокофьевичъ вошелъ въ гостиную и увидалъ Варвару Діодоровну.

— Еще не легли почивать?

— Равно еще... Здравствуйте, Вуколь Прокофьевичъ... Вы сегодня рано...

— Да ужъ чтобы не беспокоить...

Варвара Діодоровна улынулась.

— Это очень мило съ вашей стороны, только къ чему же стѣсняться?.. День цѣлый по кладовымъ, вечеромъ хоть развлекъ...

— Такъ-съ...

— Чаю хотите?

— Оченно даже, потому не пилъ...

— Можетъ, закусите?

— Да возни много...

— Какая же возня?.. Катерина подастъ.

Варвара Діодоровна сбросила платокъ съ плечъ и, вставъ, вышла въ кухню.

Стройная, красивая, плавная, ловкая, прошла она мимо Вукола. Онъ на мгновеніе залюбовался. Въ головѣ его мелькнула пословица: «хороша ягодка, да для кого-то зрѣетъ».

Варвара Діодоровна вернулась съ двумя тарелками. На одной былъ сыръ, на другой ветчина. Катерина внесла курицу и хлѣбъ.

— Не много!—сказала Варя и улыбнулась, обнаживъ рядъ такихъ прелестныхъ зубовъ, скрывающихся за коралловыми губками, что Вуколь замеръ отъ восторга.

— Вотъ вамъ вилка и ножикъ...

— Нѣтъ-съ, позвольте, ножа не передавайте...

— Почему?

— Есть примѣта...

— Какая?

— Поссориться можно...

— Въ такомъ случаѣ не передамъ, такъ какъ вовсе не хочу съ вами ссориться.

— Обоюднo-съ, — словно не сказалъ, а обронилъ слово Вуколь Прокофьевичъ, и самъ придвинулъ себѣ ножикъ.

— Да надо такъ полагать, Варвара Діодоровна, что всѣ эти примѣты—вздорное дѣло...

— Ну, разумѣется...

— Я даже не разъ замѣчалъ ихъ вздорность... Бывало, черная кошка дорогу перебѣжитъ, и ждешь неприятностей, анъ, глядишь, день прошелъ, и ничего...

— Да, конечно, вздоръ.

— Однако, съ чего нибудь да стали же запримѣчать?

— Ну, это длинная исторія, Вуколь Прокофьевичъ, эти примѣты получили начало тогда, когда еще народы были въ младенческомъ состояніи, которому свойственно суевѣріе.

— Такъ-съ... Хорошо воть, когда этакъ-то, какъ вы, всему научишься... Воть смѣшнымъ-то и не будешь казаться, какъ я къ примѣру.

— Вы?..

Варвара Діодоровна посмотрѣла на него своими добрыми, мягкими глазами.

— Чѣмъ же вы смѣшны можете казаться?

— Да воть этакое что-нибудь несуразное выворотить.

— Такъ это же не смѣшно...

— Значить, и еще хуже того: жалко!

— Вы же въ этомъ не виноваты, Вуколь Прокофьевичъ.

— Не виновать, Варвара Діодоровна! Могъ бы не быть ни смѣшнымъ, ни жалкимъ, если бы... Ну, да ужъ теперь, ау, ничего не подѣлаешь.

И Вуколь тяжело вздохнулъ и замѣтилъ, какъ Варвара Діодоровна вытерла набѣжавшія слезы.

— Да никакъ вы плачете, Варвара Діодоровна?

— Да, мнѣ часто бываетъ и тяжело, и грустно за васъ, Вуколь Прокофьевичъ. Мнѣ больно вспоминать, что во многомъ и во многомъ виновата тутъ моя покойная мать, въ сущности добрая ко всѣмъ и не добрая къ вамъ...

Вуколь былъ тронутъ этою рѣчью.

— Ну, ужъ теперь что же... Да и не слѣдъ къ ночи вспоминать упокойниковъ.

— Почему?

— Да говорятъ старые люди, что упокойничкамъ тяжело лежать, ежели ихъ къ ночи вспоминать...

— Видите, какой вы добрый... Вы не хотите, чтобы моей матушкѣ и умершей тяжело лежалось...

Вуколь не отвѣтилъ ничего; онъ только чувствовалъ, какъ сердце его дѣйствительно умягчалось. «Елейность этакая чувствуется», проносилось въ его головѣ.

— Не буду, однако, утруждать васъ... Спать пора... Первый часъ... Спокойной ночи.

Вуколь подошелъ и подаль руку Варварѣ Діодоровнѣ.

Варя взяла его руку обѣими руками и, нѣсколько удержавъ въ своихъ рукахъ, сказала ему:

— Ахъ, Вуколь Прокофьевичъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы были ближе ко всѣмъ намъ... О многомъ бы я тогда съ вами поговорила, о многомъ такомъ, о чемъ я теперь съ вами говорить не смѣю.

— Отчего же?

— Ну, объ этомъ послѣ... Идите и спите... Вчера ночь не спали...

— И сегодня не засну...

— Что такъ?

— Да все буду думать на счетъ тѣхъ самыхъ статей, о которыхъ вы со мной разговаривать не смѣете...

— Не думайте объ этомъ... Будьте вотъ такимъ добрымъ и доступнымъ, и мы скоро заговоримъ, какъ друзья, какъ близкіе.

Она пожала его руку.

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу Вукола; онъ неловко поклонился и вышелъ.

XXVIII.

И одному изъ моихъ героевъ не удалось уснуть въ эту ночь.

Вуколь, подъ наплывомъ новаго, неизвѣстнаго еще ему, какъ онъ называлъ, «елейнаго» чувства, не смыкалъ очей до утренней зари.

Вереница мыслей тянулась, сплеталась, расплеталась, вилась, скользя и приводила все къ одному и тому же выводу, хорошему-хорошему чувству къ Варварѣ Діодоровнѣ.

Онъ вспоминалъ ея слова, онъ и не слыша теперь ея голоса, какъ бы вслушивался въ него.

Стройная фигура молоденькой дѣвушки стояла передъ нимъ. Красивое, симпатичное лицо, и эта гигантская коса дразнили его воображеніе.

Такъ бы и соскочилъ онъ съ кровати, такъ бы и сжалъ этотъ хрупкій красивый станъ въ своихъ объятіяхъ, такъ бы и расцѣловалъ эти нѣжныя-нѣжныя губки, за которыми такіе прелестные два ряда ровненькихъ, бѣленькихъ зубовъ.

А Варвара Діодоровна лежала и думала: «Господи, не подала-ли я ему какого-нибудь повода думать, что я заискиваю въ немъ, нищу его дружбы съ корыстною цѣлью, даже кокетничаю съ нимъ».

Ей такъ хотѣлось тишины въ домѣ, ей такъ хотѣлось родственнаго сближенія, ей такъ хотѣлось, чтобы этотъ неотесанный, но, видимо, добрый и къ хорошему воспримчивый Вуколъ вошелъ, наконецъ, въ семью, отъ которой отторгла его ошибка покойной Аглаи Евгеніевны и равнодушіе отца Вукола.

Онъ былъ чужой имъ совершенно.

Сестра и братъ боялись его, не вѣрили ему, это былъ для нихъ совершенно чужой человѣкъ, могущій жизнь ихъ повернуть по произволу.

Самая фигура и вся нѣжность Вукола не располагали къ нему, а въ сердце его никто не заглядывалъ.

Къ тому же и велъ себя Вуколъ послѣ смерти отца какъ-то странно.

Сторонился отъ всѣхъ еще болѣе, старался не сходиться. Говорилъ если, то только о деньгахъ, и хотя оставилъ «все по старому», какъ бы «это все было родителемъ установлено», но вѣдь онъ могъ во всякую данную минуту разрушить эти «установленія».

И братъ, и сестра его по крови знали, что если онъ броситъ хоть одинъ косой взглядъ на Варю, сдѣлаетъ намекъ на ея странное положеніе въ домѣ пришлого человѣка, Варя сейчасъ же уйдетъ изъ дома, и они останутся въ рукахъ человѣка, котораго они будутъ ненавидѣть, и который имъ будетъ платить тою же ненавистью.

Больной дядя имъ не защита.

Глубоко все это понимала Варя и рѣшилась, наконецъ, поговорить съ Вуколомъ Прокофьевичемъ.

Хотя разговоръ Вукола съ Варварою Діодоровной и не былъ продолжителенъ, хотя онъ и не былъ глубокъ по своему существу, но все же онъ раскрылъ, или, правильнѣе, приподнял часть завѣсы, скрывавшей отъ всѣхъ душу Вукола.

Душа эта не оказалась ни мрачною, ни озлобленною.

Теперь же Варвара Діодоровна убѣдилась, что Вуколъ прямо-таки человѣкъ хорошій, но находящійся подъ дурнымъ вліяніемъ грубой, самолюбивой, алчной Маремьяны.

И во второй разъ пришла Варвара Діодоровна къ выводу, что она должна стать на стражѣ сердца Вукола и не допустить его развратиться, ополниться, озлобиться и исполниться скардностью и алчностью.

Не спала въ эту ночь и Маремьяна.

Мысль Авдотьи казалась ей дѣйствительно подходящей по отношенію къ Вуколу.

— Могу, выходить, и женитьбы на себѣ требовать.

Маремьяна могла только «требовать».

— А не захочетъ, такъ и къ суду... Скандаль, такъ скандаль...

Маремьяна могла только опираться «на скандаль» и на скандаль строить свое мнимое право.

— Спужается и сдѣлаетъ.

Маремьяну одно пугало, что вѣдь рано-ли, поздно-ли, а все откроется. И не обманъ ее пугаль, а то, что оный откроется.

Хотя Авдотья и говорила, что «въ такомъ женскомъ дѣлѣ» зачастую ошибки случаются, но вѣдь хорошо, если все закончится (Маремьяна мечтала о свадьбѣ) до свадьбы, а ужъ потомъ ошибка-то откроется, а какъ захочетъ свадьбу играть «опосля благополучнаго разрѣшенія»!..

И Маремьяна вскочила.

— Авдотья, спишь?!

— Ась?

— Спишь, спрашиваю?

— Нѣту-ти... такъ дремлется...

— Подь-ка ко мнѣ.

— А вотъ одѣнусь.

— Накинъ платокъ, иди такъ.

Авдотья, грязная, растрепанная, накинувъ на себя свой бурнусишко, въ стоптанныхъ туфляхъ на босу ногу, явилась передъ Маремьяной, взобравшейся снова на кровать подъ одѣяло.

— Ну, что, красавица?

— Да совѣтъ-то твой мнѣ покоя не даетъ.

— Нехорошъ?

— Чего нехорошъ... Лучше не требуется, только вѣдь коли ежели всего этого нѣтъ, такъ какъ же опосля-то быть?

— Обезпечилъ бы только...

— Да я не обезпеченія хочу, денегъ-то я и такъ могу изъ него выудить сколько хочу («Ой, выудишь-ли, вѣдь перехитрила ты съ нимъ очень», подсказалъ ей внутренній голосъ, энтаго-то мнѣ мало... Я въ Журавлихи смотрю... и такъ смотрю, что и на яву грежу, и во снѣ мерещу.

— Такъ, дѣвушка, такъ...

— Онъ меня въ купчихи приписываетъ... Я вѣдь солдатская вдова... А тамъ оболтаться общаетъ...

— Ну, и что-жъ, и жди...

— Жди, жди... Да коли ежели не ждется. Коли я «чувствую», что онъ изъ рукъ вывертывается...

— Ежевые рукавицы въ ходъ пустила?

— Нонѣ только.

— А я такъ скажу: покелева лаской не довела мужчину, что онъ твой сталъ, дотолѣ и-и-и... остерегайся рыканій... Уйдетъ...

— Уйдетъ, говоришь?

— Уйдетъ... Какъ пить дастъ, уйдетъ.

— А я его убью.

— Али въ Сибири безъ тебя, бабочка молодая, народу-то мало! Убить не устать, а что проку... Ты жить хочешь, такъ и старайся, чтобы жить...

Авдотья встала.

— Ну, а теперь ложись да спи, меня что-то зазнобило индо... Спи, бабачка, утро вечера мудренѣе.

— Ну, спасибо, Авдотьюшка... А утресъ не забудь Катеринѣ синенькую отнести.

— Съ чего забывать... Только ты, красавица, и мнѣ синенькую-то на кофеишко припаси.

— Ну, инѣ быть такъ... Спокойной ночи.

XXIX.

НА утро Вуколъ всталъ раньше обыкновеннаго и былъ очень ажитированъ.

Всю ночь бесѣда съ Варварой Діодоровной не давала ему покоя.

«Сблизьтесь съ нами!»

Фраза эта въ особенности сверлила мозгъ Вукола.

Совершенно неожиданно для Катерины Вуколъ вошелъ въ комнату и спросилъ:

— А что братецъ и сестрица для гимназiи разбужены?

— Нѣтъ, еще рано-съ...

— Смотрите, не запоздайте разбудить. Федоръ-то лошадь запрягаетъ?

— Лошадь Федоръ сейчасъ изъ конюшни въ сарай провель.

— Ну, то-то, то-то!.. Вы имъ что съ собою на завтракъ-то даете?

— Да что остается...

— Что остается!.. Да вотъ я вчера все прiѣлъ... Что же осталось-то?

— Да вотъ, что снято... Да это кухаркино дѣло, а не мое.

Вуколъ повернулся и вышелъ въ кухню.

Въ кухнѣ была новая кухарка, смѣнившая Маремьяну.

— Что братцу и сестрицѣ сегодня на завтракъ дается?

— Да булку съ масломъ... Кура оставалась, такъ вы вечеромъ требовали...

— Булки съ масломъ мало... Надо взять чего нибудь... Да впередъ заботиться, чтобы вдосталь было... Не зайди я самъ, голодными бы весь день до обѣда просидѣли...

Кухарка посмотрѣла на Вукола съ удивленiемъ.

Вуколъ понялъ.

— Чего луполы-то таращишь? До селѣ, занятый дѣлами, я не обращаю вниманiя на то, что у васъ тутъ дѣлается, а теперь, немного ослободившись, и сюда переносу свое око... Поняла?

— Чего-жь тутъ не понять-то.. хозяйничать станете.

— Хозяйничать...

— Значить, барышню Варвару-то Діодоровну по боку?

Вуколь шагнулъ къ кухаркѣ.

— Если ты, старая дурафья, еще также когда скажешь, съ мѣста сгоню. Варвара Діодоровна еще своего ученья окончательно не окончила... Ей будетъ некогда съ кухней заниматься... я буду самъ входить...

— Да что въ кухню-то входить... И безъ присмотра не разговую... Вы бы еще экономку взяли...

— Ну, вотъ и спасибо, что надоумила. Экономку и въ самомъ дѣлѣ надо взять.

И Вуколь вышелъ.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ Катерину.

— Варвара Діодоровна встала?

— Барышня-то всегда съ пѣтухами поднимается...

— Къ чему?

— Да все книжки читають... Учатся, надо полагать...

— Изводитъ себя...

— Да какъ не известись-то! Все на ейныхъ рукахъ.

Катерина нарочно заводила разговоръ съ Вуколомъ, чтобы выпытать изъ него то, что ей было нужно.

— Ну, вотъ отъ этого и надо ее избавить... Ей учиться надо... Она свсего курса не кончила... до точки не дошла...

— Конечно, хозяйство отъ нея еще не уйдетъ... Теперь наука первое дѣло.

Вуколь посмотрѣвъ на Катерину и слегка вздохнувъ, сказалъ:

— Эхъ, наука, наука. Вѣстимо, она въ жисти дѣло первое.

Вуколь направился къ себѣ въ комнату и на ходу сказалъ:

— Доложи, какъ только Варвара Діодоровна въ столовую выйдетъ... Да скажи Федору, чтобы съ завтрашняго дня онъ коляску по утрамъ закладаль, Варвара Діодоровна будетъ по своимъ наукамъ ѣздить и меня завозить въ кладовую будутъ.

По губамъ Катерины скользнула двусмысленная улыбка.

«Эге, на веревочкѣ»,—подумала она и добавила тоже мысленно:

— Ну, Маремьянупка, ты думала царствію твоему не будетъ конца, анъ конецъ-то уже обозначается.

Какъ разъ въ эту минуту дворникъ, принесшій дрова, вызвалъ Катерину.

— Тебя подъ воротами нѣкая старушенка спрашиваетъ.

Катерина догадалась, накинула платокъ и юркнула подъ ворота.

Тамъ стояла Авдотья.

— Эвось, кралечка, на-ка тебѣ... Маремьяна прислала.

Въ рукахъ Катерины очутилась бумажка.

— Звала тебя, кралечка.

— Скажи, что забѣгу... Какъ звать-то тебя?

— Авдотьей звали до сихъ поръ.

— Ага... Такъ скажи, Дуняша, что буду.

И «заговорщицы» разстались.

Когда Катерина вернулась, Вуколь крикнулъ:

— И гдѣ вы только гоняетесь?.. Вышла-ли Варвара Діодорова?

— Вышла, вышла,—отвѣтила кухарка, обдувая на ходу вылетѣвшую и осѣвшую на самоваръ золу.

И вотъ въ столовую, вмѣстѣ съ самоваромъ, вошелъ и Вуколь. Варвара Діодорова широко раскрыла глаза.

Вуколь былъ нѣсколько подтянутъ.

— Какъ спали-почивали, весело-ли вставали?

— Мегсі, ничего... Голова болитъ немного...

— А это отъ того, что рано встаете, а поздно ложитесь...

Такъ и здоровье повредить не трудно...

— Откуда вы это знаете, Вуколь Прокофьевичъ?

— Да ужъ знаю...

Вуколь сѣлъ.

— Я къ вамъ, Варвара Діодорова, съ тремя дѣлами сразу

Вуколь оглянулся.

— А гдѣ же братецъ съ сестрицей?

— Сейчасъ выйдутъ...

— Такъ-съ... Такъ вотъ, говорю, я къ вамъ съ тремя дѣлами. Перво-на-перво хозяйство отъ васъ отъемлетъ, второе для брата съ сестрицею губернантку возьму, а третье...

— Меня удаляете?

— Такъ точно-съ...

Вуколь засмѣялся и головой покачалъ.

Варвара Діодорова смотрѣла на него. Она слегка поблѣднѣла.

— Э-э-эхъ, милая, хорошая барышня... Какъ вы меня извѣдѣли...

— Я васъ... чѣмъ?

— Да вопросительнымъ-то знакомъ... Нѣшто же можно было мнѣ такой вопросъ задать: «меня удаляете»? Да что я, на самомъ дѣлѣ, врагъ вамъ всѣмъ здѣсь, что-ли... Да васъ удалить—сому-то намучиться, а брата-то съ сестрицей въ корень извест...

Въ эту минуту вошли братъ и сестра Вукола. Они остановились удивленные, видя Вукола за столомъ, чего уже давно не было.

Вуколь тоже не зналъ, какъ приступить къ выраженію своего теплаго чувства къ братцу и сестрицѣ.

— Ладно-ли спали-то?—спросилъ онъ.

— Хорошо,—отвѣтили и Владиміръ, и Надя, все еще могущіе придти въ себя и отъ вопроса, и отъ голоса Вукола въ которомъ слышались и робость, и ласка.

— Ну и ладно, коли хорошо... Присаживайтесь къ столу... Да вотъ за одно послушайте, какъ я Варвару Діодоровну бранить буду.

— У Владиміра слегка вспыхнулъ румянецъ, у Нади, напротивъ, лицо слегка поблѣднѣло.

— Да и какъ же не бранить мнѣ ее, сестрица кажись сводная, а все мнѣ вы да вы, нѣтъ чтобы по родственному ты сказала... Всѣ сидѣвшіе за столомъ улынулись...

— Если за это браните, то за дѣло,—сказала Варенька.— больше не буду, я сама рада быть съ вами по родственному... На ты, такъ на ты...

— Тогда значить и брань моя кончилась...

XXX.

ВЪ КЛАДОВУЮ пріѣхалъ опекунъ Николай Евгеньевичъ, а съ нимъ и Варвара Діодоровна.

— Ну, вотъ и мы къ тебѣ!— сказала Варя Буколу, протягивая ему руку.

— И превосходно... Давно бы такъ...

— Радъ-ли гостямъ?

— Да какая же ты тутъ гостья? Домой пріѣхала, а не въ гости.

И Вуколь былъ вполнѣ искрененъ. Видѣтъ полною хозяйкою Вареньку такъ хотѣлось ему въ эту минуту.

— Ты что же тутъ дѣлаешь?

— А видишь, тюки распаковываю... Товаръ пришелъ...

— Какой?

— Полотно изъ Голландіи выписывали, такъ сегодня принесли...

— А кто же его выписываетъ?

— А я самъ...

— Да вѣдь надо же языкъ знать.

— Для чего?.. Голландецъ къ намъ за языкомъ-то ѣздить, а не мы къ нему. По русски напишемъ, разбирають... А коли на языкахъ на иностранныхъ имъ писать, такъ, пожалуй, зазнаются... Нашъ хлѣбъ ѣшь, такъ по нашему и понимай.

— А ты знаешь, мы къ тебѣ зачѣмъ?

— Ну?

— Домой обѣдать звать... У насъ ужъ и экономка новая... Наталья Андреевна. Если бы ты зналъ, какъ она обрадовалась, даже на колѣни упала передъ образомъ и воскликнула: «дай Богъ Вуколу Прокофьевичу, чтобы всѣ его желанія исполнились».

— Ужъ и всѣ!—сказалъ Вуколь, вздохнувъ и коротко посмотрѣвъ на Варю.

— Вотъ только на счетъ приходящей гувернантки не настаивай. Я справлюсь сама... Теперь я все равно на курсы не пойду до осени, если ты къ тому времени рѣшенія своего не измѣнишь...

— Я-то!.. Да нѣшто это мое рѣшеніе... это покойнаго ба-

тешки воля и желаніе было. Для меня оно свято, да и для тебя обязательно.

Варя слушала и думала: «Господи, сколько доброты въ этомъ человѣкѣ!»

И вдругъ предсталъ ей призракъ Маремьяны. Она настолько явственно увидала его, что вдругъ поблѣднѣла и шатнулась.

Вуколь подхватилъ ее.

— Что ты, Варечка?...

— И сама не знаю... Дыханіе захватило...

— Это отъ товарной пыли... Войди ко мнѣ въ конторку...

Посиди...

— Онъ, поддерживая Вареньку за талію, довель до конторки и посадилъ.

Пока они шли, сердце Вукола стучало въ груди, какъ птица, которую захлопнула западня.

— Не хорошо тебѣ бывать въ кладовой,—сказалъ Вуколь.

— А какъ же ты-то цѣлый день вѣдь въ этой пыли...

— Я привыкъ, а ты вотъ только-что вошла и на-ка...

— Нѣтъ, Вуколь, это не отъ этого.

— А отчего же?... Можетъ нездоровится?

— Она взяла его за руки, посмотрѣла ему въ лицо и сказала:

— Не сейчасъ, Вуколь, не сегодня и можетъ быть не завтра, но я все тебѣ скажу.

XXXI.

НОЗУМЕНТОВЪ явился предъ Маремьяной Никитичной. На-ка, прикатилъ.... съ чего ты?.. Али хочешь, чтобы насъ Вуколь засталъ, да мнѣ за якшанія съ тобой шею на-костылялъ?

— Нѣшто же онъ дерется?.. Смирный онъ, кажется.

— Сми-и-ирный,—сказала вздохнувъ Маремьяна и уже была готова рассказать о принятыхъ ею побояхъ, да воздержалась.

— Переѣнился, выходитъ... Съ чего только?

— Съ чего, съ чего... Попалъ къ другимъ людямъ, подъ ихъ дудку и заплясалъ.

— Да кто-жъ тамъ на такой дудкѣ играетъ, подъ которую бабъ бьютъ?

— Нашлись...

— Кто?

— А Варька, безстыжіе глаза... Виснетъ ему на шею, съ ума сводить... Вотъ и мнѣ зубодробленіе настало и сокрушеніе реберь!

— Вря!

— Чего врать-то!.. Мнѣ врать нечего. У меня за ними шпионъ нанятъ. Шпионъ мой не совретъ...

— Смотря какой... Коли въ юбкѣ, совреть...
— Почему такъ?.. Не можетъ быть...
— Ну, значить, въ юбкѣ... Я, пожалуй, даже шпиона твоего тебѣ назову.

— А ну?

— Катерина.

— Да почему-жь ты узналъ?

— Да сама же и сказала. Что-жь тебѣ Катерина-то твоя наплела?

— А то, что цѣлуются-милуются.

— По родственному.

— Какая-жь она ему родственница? Отъ чужаго отца, чужой матери... Имъ, коли похлопочать, да денегъ не пощаждать, и вѣнчаться позволять... Вотъ какіе они родственники.

— Такъ, такъ... Такъ вонъ онъ, Вуколь-то, какой... Изъ рукъ вырывается?..

— Удержку-то я ему надумала...

— Надумала?.. Ишь ты... Ну, да вѣдь тебя взять... Пройди свѣтъ, другой такой бабы не найдешь.. Ладную-ли только надумала? Пригвоздишь-ли?... А то у меня на этотъ случай загвоздочки-то разныя есть... Можетъ, у тебя одна изъ монхъ?

— А я съ ребеночкомъ сказаться хочу, — сболтнула Марьяна.

— Ага, это ловко... этакой загвоздки, пожалуй, и у меня бы не нашлось. Ну, а коли не выгорить?

— Тогда къ тебѣ.

— А что?

— Да хочу его въ врагахъ объявить, а себя въ соучастницахъ.

— Тоже сама надумала?.. А что-жь онъ скралъ?

— А десять-то тысячъ изъ сундука опосля кончины родительской скралъ.

— Ты почему знаешь?

— Я же помогала... Меня онъ, чай, за ключами-то при тебѣ посылалъ... Я же и у дѣтской стояла, караулила, чтобы щенокъ-то не вошелъ.

— Какой щенокъ?

— А Володька то... Мещерининское отродье... антиндантское... Я его и угоняла.

Позументовъ слушалъ и на усъ моталъ. Онъ не зналъ о десяти тысячахъ. Вуколь не сказалъ ничего, и деньги, какъ помнить читатель, сперва въ разный хламъ въ корридоръ бросилъ, затѣмъ держалъ за божницей, «такой капиталъ», и ужъ самъ не знаетъ, какъ и зачѣмъ проговорился объ этомъ Марьянѣ.

Позументовъ слушалъ и на усъ моталъ. У него созрѣвала канва, на которой возможно было вышить «во-о-тъ какой шан-

тажный рисунокъ». Можно и Маремьяну держать въ рукахъ, и Вукола Прокофьевича Журавлева охаживать. Одно жаль: «свидѣтелей разговора-то нашего нѣтъ, ну, да ладно, и это какъ-нибудь пристрою».

— Ты это все про себя въ строгой тайнѣ держи...

— Ладно.

— А то себя-то погубишь...

— Такъ и ему вѣчный поворъ.

— Видишь, милая... Тебя и язычекъ прикусить заставятъ, а съ него не одинъ десятокъ тысячъ сорвутъ...

— Меня не заставятъ замолчать. Я на площадь выйду да крикну.

— То-то не выпустятъ... Есть такіе курятнички для спокойныхъ... Камерками зовутся... Ты не очень на языкъ, да на хайло-то надѣйся... Тутъ мы не въ деревнѣ, и Вуколь теперь первостатейный коммерсантъ... Ты по другому его обхаживай...

Позументовъ помолчалъ и спросилъ:

— Ты за свое сожитіе съ нимъ, что-ли, хочешь большую сумму сорвать?

— Никакой я суммы съ него срывать не хочу, а пусть женится, и вся недолга.

— Такъ, такъ, милушка... Для этого и «ребеночка» припускаешь?

— Для этого для самаго...

— Тоже штука опасная... Вѣдь объ ребеночкѣ говорить только мало, его же имѣть надо.

— Окрутимся — оболтаемся, а тамъ могу и на ошибку свалить.

Позументовъ долго думалъ надъ добытыми свидѣніями, что ему съ ними дѣлать и какой фортель выкинуть, главное, гдѣ бы и какъ бы добыть свидѣтелей, дабы захватить въ руки Вукола Прокофьевича.

Вуколь, который направилъ Позументова къ Маремьянѣ, ожидалъ отъ него отвѣта, но Позументовъ медлил возвращеніемъ.

— Чего онъ тамъ засидѣлся? — думалъ Вуколь, нѣсколько обезпокоенный замыслами Маремьяны.

Онъ чувствовалъ что-то роковое въ своихъ отношеніяхъ къ этой женщинѣ.

Послѣ той сцены, сцены безобразной, которая произошла между ними, послѣ тѣхъ побоевъ, которые онъ нанесъ ей, Маремьяна стала ему противна.

Вотъ и сейчасъ, собираясь ѣхать домой обѣдать, онъ боялся, не бродить-ли гдѣ Маремьяна, не подсматриваетъ-ли, не подслушиваетъ-ли, не шпионить-ли черезъ кого-нибудь?

Она вдругъ можетъ ворваться въ домъ, нанести оскорбленія

ни за что, ни про что Варварѣ Діодоровнѣ, и не только сдѣлаетъ скандалъ, но и разблаговѣститъ его по всей Москвѣ.

Онъ вышелъ изъ кладовой съ оглядкою и направился не къ дому, а къ магазину.

— На случай, — думалъ онъ, — если слѣдить гдѣ нибудь, пусть видитъ, что я въ магазинъ пошелъ.

Какъ воръ крался бѣдный Вуколь туда, куда звало его больше, куда неотразимо теперь тянуло его новое, дѣйствительно теплое и хорошее чувство.

И вотъ онъ дома.

Катерина, отворившая ему, пришла въ изумленіе.

— Да никакъ, Вуколь Прокофьевичъ, обѣдать пожаловали?

— Пожаловалъ, Катеринушка, пожаловалъ, милая, — весело и даже нѣсколько задабривающимъ тономъ говорилъ Вуколь.

Бѣднякъ и не зналъ, что передъ нимъ человѣкъ, готовый за синенькую не только продать каждый шагъ его, но даже по своему освѣтить этотъ шагъ, по своему истолковать, по своему возстановить кого слѣдуетъ противъ дѣлаемаго имъ шага.

— Никто не былъ? — спросилъ Вуколь.

— Никто-съ... Вы нѣшто ждете кого?

— То-то и есть, что жду... Обѣщаль нѣкій человѣкъ заявиться, да вотъ и не былъ.

Вуколь слегка привралъ, но справился, собственно, о Позументовѣ.

И вотъ онъ въ столовой.

Наталья Андреевна послѣдила къ нему на встрѣчу.

— Вотъ какое вамъ спасибо, Вуколь Прокофьевичъ, такъ ужъ и выразить не могу, — сказала она.

— Полноте-съ, это была воля покойной моей мачихи и желаніе батюшки... Вамъ спасибо, что согласились.

Въ эту минуту вошла Варвара Діодоровна.

— Нашей-то хозяйшкѣ еще и рано брать на себя хозяйственную обузу... Имъ еще учиться нужно и самообразование въ курсѣ кончать. А вы человѣкъ опытный, опять же къ дому нашему расположены. Всѣ васъ наши издавна любятъ, а во мнѣ не сумлѣвайтесь: я — мужикъ покладистый, я живо пріобыкну, на меня вамъ жалиться не придется.

— Нѣтъ, ужъ вы со мной по-хозяйски, что не такъ, такъ и на видъ.

— Мнѣ гдѣ этимъ заниматься, меня одна заря изъ дома выгонитъ, а другая вгонитъ...

— Ну, этого больше не будетъ.. Ты будешь дома обѣдать каждый день, — сказала Варя.

У Вукола вдругъ тоскливо заняло сердце.

Онъ бы и совѣмъ не ушелъ изъ дома, но тотъ «роковой, угрожающій призракъ, какъ съ нимъ быть»?

— Этого не обѣщаю... рваться буду, а вѣдь ужъ коли нельзя будетъ, такъ не разорваться же, Ва-рю-ша.

Подъ властью тьмы.

Произнося по слогамъ имя «Ва-рю-ша», Вуколь словно смаковалъ прелесть и вкусъ этого имени.

— Ну, кто чего захочетъ, тотъ то исполнить, — сказала Варя и позвонила.

Вошла Катерина.

— Зовите Надю и Волю, да скажите дядѣ и подавайте на столъ.

И вотъ Вуколь за обѣдомъ.

Накрыть круглый столъ, предсѣдательствуетъ Варя. Направо сидитъ Надя, а налѣво Вуколь.

— Вотъ твое мѣсто, — сказала Варичка, указывая ему мѣсто около себя слѣва.

— Съ сердечной стороны, — сказалъ Вуколь.

— Сердечному — сердечная, — отвѣтила Варичка.

Фразу эту Вуколь положилъ, какъ говорится: «на приходъ». Рядомъ съ Вуколомъ помѣстилась Надя, съ дядей Володя, а противъ Вареньки сѣла Наталья Андреевна.

— Ишь какъ хорошо, ровно бы и ладно сдѣлалъ, — замѣчаетъ Вуколь, оглянувъ столъ.

— Ну, вотъ видишь, нравится, а домой ѣздить не хочешь.

— Не не хочешь, а не можешь... Покупатель или продавецъ пришелъ, ему время дорого, а я взялъ, да обѣдать уѣхалъ.

Пообѣдалъ Вуколь, сталъ торопиться въ кладовую.

Варя, прощаясь съ нимъ, сказала:

— Вѣдь хорошо вкупѣ, Вуколь, вотъ такъ-то!

Вуколь только головою потрясъ. А въ этомъ потрясеніи головы заключался отвѣтъ такой громадной важности, что если бы Варя вполнѣ его поняла, она бы залилась слезами.

Это потрясеніе головою такъ ясно говорило о глубинѣ чувства Вукола, со вчерашняго дня охватившаго все его существованіе; въ этомъ потрясеніи выразилось и глубокое отчаяніе Вукола за ту ужасную зависимость, въ которой онъ находился, и изъ которой не зналъ какимъ путемъ выбраться.

— Авось Позументовъ ждалъ... Можетъ онъ и радостную вѣсточку принесетъ... Ахъ, если бы деньгами возможно откупиться было.

И издали замѣтилъ Вуколь ходящаго мимо кладовой Позументова и быстрыми-быстрыми шагами направился онъ къ кладовой.

— Левъ Львовичъ! — окликнулъ Позументова Вуколь.

Тотъ обернулся.

— Гдѣ запропастился? Зашелъ въ кладовую, сказали: «ушелъ». Спрашиваю: «куда», говорятъ: «не сказался». Больше часа блякаюсь, инда ноги отходилъ.

— Посидѣлъ бы въ кладовой.

— Не слѣдъ... Гдѣ у тебя тамъ въ кладовой разговоры разговаривать...

— А что?

— Длинные разговоры-то.

— Узналъ что?

— Еще бы тебѣ не узнать... Ты забылъ, что я Левъ Львовичъ Позументовъ.

— Въ трактиръ. что-ли, зайдемъ?

— Да въ трактиръ бы вольготнѣе.

— Такъ иди куда нибудь, я сейчасъ приду.

— Хорошо.

Позументовъ назвалъ трактиръ.

— Приду. только найду въ кладовую.

Меньше чѣмъ черезъ четверть часа Вуколъ уже сидѣлъ съ Позументовымъ

— Ну, что же, что узналъ?

— Ишь тебя подмываетъ... Скоро больно... Ты должно быть поѣлъ, а у меня еще съ утра крохи во рту не было.

— Такъ требуй.

— Ну, вотъ и ладно.

Позументовъ сдѣлалъ заказъ, а затѣмъ наклонился къ уху Вукола и шепнулъ:

— Баба темная, да и дѣло затѣваетъ темное.

Вуколъ сталъ блѣднѣе скатерти.

— Что именно?

— То-то и говорю: баба темная и дѣло ея темное. Чортъ у нея на душѣ сидитъ.

— Да говорила-то что?

— Да говорила многое.

— Чего хочеть-то?

— Да хочеть-то не ахти какъ много: пусть, говорить, женится, тогда. говорить, и «всѣ цѣлы будутъ», и дѣло никакое не всплыветъ.

— Какое такое дѣло?

— Да видно, «про что нибудь твое» знаетъ, про что не говорить, но экивоки загинаетъ. Тяжелая баба... И какъ ты только, Вуколъ Прокофьевичъ, ей довѣрился, какъ ты ее облюбовалъ.

Вуколъ оперся рукою на столъ.

— Что, братъ, теперь объ этомъ спрашивать. Теперь надо говорить не о томъ, какъ облюбовалъ, да какъ довѣрился, а о томъ, какъ все это такъ оправить, чтобы честь честью—поворотъ отъ воротъ.

— Ну, здѣсь, братъ, сверту нѣтъ.

— А ежели деньгами?

— «Никакихъ. говорить, мнѣ денегъ не надо. Его --- тебя это выходить — мнѣ надо и никому, говорить, я его дешево не отдамъ! Съ ножомъ. говорить, въ рукахъ защищаться буду». Ты у нея крѣпко засѣлъ.

Вуколъ сидѣлъ понуря голову.

— Не могу же я жениться. И роду позоръ, и на всю Москву срамъ.

— Да, невѣста не завидная... А не забывай пословицу: «Люби въ саночкахъ кататься, люби саночки возить».

— Левъ Львовичъ... Избавишь—озолочу.

— Слыхаль... Знаю я ваше золоченіе. Серебряно --- позолочено, сверху мѣдью околочено...

— Нѣшто я обманываль?

— Ну, что объ этомъ.

— Придумаешь что?

— Допрежь всего, Вуколь Прокофьевичъ, все держи втайнѣ. Ты меня не видалъ, я тебя не видалъ, дай осмотрѣться во-кругъ да около, а тамъ видно будетъ. Позументовъ не такое дѣло разводилъ, не такія и сводилъ. Только, братъ, на этотъ разъ на позолоту я съ тебя хорошій магарычъ возьму.

— Ничего не пожалѣю.

— Эй, купецъ, не зарывайся... Пятиться не начни... Я, братъ, безъ запроса спрошу, да и безъ уступки, — прификсъ...

— Только дѣлай...

— Да что тебѣ больно избавиться захотѣлось?

— Видѣть не могу!..

— Можетъ, другая завнобила?

— Это тебѣ Маремьяна говорила?

— Поди-ка, безъ нее и не догадаться.

— Ну, на этомъ пока мы и покончимъ!

XXXVII.

ВЕЧЕРОМЪ, послѣ запора кладовой, Вуколь поѣхалъ къ Маремьянѣ.

Маремьяна бросилась ему на встрѣчу.

— А я думала, ты уже и не приѣдешь къ дурѣ бабѣ, не простишь. Индо изошлась вся...

— Полно, такъ-ли?

— Вѣрное слово... Сижу да вою; вонъ, хоть Авдотью спроси...

— Что мнѣ Авдотья... Мнѣ ни шпіоновъ, ни свидѣтелей не нужно. Я коли вѣрю кому, такъ и такъ вѣрю, а коли кому не вѣрю, ау!.. Скажи онъ мнѣ, что дважды два четыре, я и тутъ буду въ сумлѣннѣи.

— Что же, чайку попьешь или пообѣдаешь чего?.. Ши для тебя изъ солонины варила, баранину жарила. Сама кухарничала...

— Съ чего-жъ и не кухарничать-то?.. Дѣло не конфузное.

— Самъ же въ барыни произвелъ.

— Да вѣдь я тоже работаю... Насупротивъ тебя я вѣдь

большой баринъ, а тюки вотъ какъ поворачиваю, любо, дорого
смотримъ.

Маремьяна вдругъ ускорила ходъ дѣйствій.

— Ну, мнѣ теперь тюки vorочать не въ ногу бы было.
Вуколь не понялъ.

— Это опосля вчерашняго-то?.. Ну, сама напросилась.

— Да не то, хорошій ты мой, пріятный... Не то, говорю...

— Не пойму я тебя.

— А ты пойми... Да понявъ-то, пожалѣй.

— Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ.

— Опять не то...

— Тыфу ты, не то, да не то, пойми, да пожалѣй, пожалѣй,
да пойми... Что понимать-то?.. За что жалѣть-то?..

И вдругъ, въ отвѣтъ на всѣ вопросы Вукола, Маремьяна съ
ловкостью мелодраматической, наметавшейся актрисы, броси-
лась ему на грудь и шепнула:

— Ребеночекъ твой у меня есть.

Если бы всѣ громы небесные обрушились сразу на голову
Вукола, они бы его такъ не поразили, какъ поразило его со-
общеніе Маремьяны.

Онъ вздрогнулъ, опустился глубже въ диванъ, на которомъ
сидѣлъ, вдавилъ себя въ него и тяжело задышалъ, такъ «захо-
лоуло» у него на сердцѣ.

— Али не радъ? — спросила тихо Маремьяна.

— Врешь ты! — едва выговорилъ Вуколь.

— Какъ вру?

— Врешь, говорю, врешь и врешь!

Вуколь говорилъ такъ убѣдительно, что Маремьяна испуга-
лась въ свою очередь и подумала: не выдалась-ли Вуколь и
Позументовъ, которому она проговорила о своемъ замыслѣ.
«Треклятый бабій языкъ», — подумала она, и не знала, какъ
бы выпытать у Вукола: видѣлся онъ или не видѣлся съ Львомъ
Львовичемъ.

Маремьяна отвѣтила, однако, на замѣчаніе Вукола о враньѣ
совершенно покойнымъ тономъ:

— А вотъ подожди, придетъ время, такъ и увидишь,
вру-ли.

— И тогда соврешь... своимъ его не признаю!..

Маремьяна отскочила.

— Вотъ какъ, Вуколь Прокофьевичъ!.. Я думала, радости
твоей и конца не будетъ, а ты на попятный!

Вуколь пришелъ въ себя и сообразилъ.

— И обрадовался бы и вотъ какъ обрадовался бы, если бы это
правда была, а то нѣтъ этого, нѣтъ...

— Ну, пусть по твоему нѣтъ... Только съ чего же ты
молвилъ, что коли ежели бы и было, такъ за свое не при-
знаешь?..

Вуколь не нашелся и молчалъ.

— Не хорошо, Вуколь Прокофьевич! Ой, не хорошо!.. Ты кинь меня, забудь, но отрекаться-то зачѣмъ же? Или подозрѣваешь?.. Или знаешь что?

Маремьяна на этотъ разъ говорила тономъ дѣйствительнаго благородства.

Вуколь молчалъ.

— Что-жъ въ молчанку-то играешь?

— Опомнись не могу!.. Сразила ты меня...

— Чѣмъ?

— Озадачила.

— Вчера еще сообщить хотѣла, да ты каковъ былъ-то?

— Вчера бы ты меня этимъ вдосталь смирила и того, что было—не было бы.

— А нонѣче то съ чего-жъ на дыбы лѣзешь?

— А съ того, что нонѣче не вѣрю я тебѣ. Подстраиваешь... Словесность пуцаешь... Умаслить хочешь, привязку сдѣлать думаешь.

— Придетъ время, увидишь... Ты только теперь скажи, съ чего отречаешься?

— А съ того, что не вѣрю... Дальше вотъ что: женить тебѣ меня на себѣ хочется? Хорошо - ладно!.. Какъ дитя будетъ, сейчасъ вѣнчать, а до тѣхъ поръ ты про меня забудь... Вчерашній день меня отъ тебя отворотило... Во-отъ какъ отворотило: по гробъ жисти! И въ словахъ моихъ сверта нѣтъ... До дитя ты не знай меня.

Маремьяна поблѣднѣла.

— Такъ это и помни.

— Хорошо,—сказала она, опускаясь на стуль, но глаза ея сверкнули зловѣще.

— И угрозы ты мнѣ не дѣлай. Я тебя не боюсь. И намековъ ты мнѣ и экивоковъ больше не загинай. Помни, я въ словѣ твердъ...

Вуколь вдругъ подошелъ къ переднему углу, быстро всталъ на стуль и съ божницы взялъ икону.

— Видишь?

Маремьяна смотрѣла.

— Видишь? — спрашиваю...

— Что видѣть-то, Вуколь Прокофьевич?

— Икону я съ божницы снялъ и ею свидѣтельствуюсь, что нѣтъ сверта въ моихъ словахъ. Будетъ дитя, оженюсь... Слова не молвлю... Какъ потомъ поживется Богъ вѣсть, а до тѣхъ поръ я тебя не знаю, ты меня не знай...

— Покидаешь?

— Зачѣмъ покидать? Къ чему... По прежнему ѣздить буду... Посидимъ, потолкуемъ и разойдемся... Денегъ дамъ больше, чѣмъ теперь даю...

— Я не изъ-за денегъ...

— На двоихъ давать буду... Это теперь обязанность моя...

За слова недовѣрія прощенья прошу... Сорвалось! Подозрѣнія не имѣю и не имѣлъ. Почитаю твою вѣрность, но...

— Что еще-то?

— Въ ребеночка не вѣрю.. Такъ и знай.

Вуколь взялся за шапку.

— Ужь и спокидаешь?

— Довольно посидѣлъ... Воздуху надо... Чтой-то грудь давить... Дышется тяжело.

Вуколь ушелъ, поклонившись Маремьянѣ.

Только затворилась за нимъ дверь, какъ Маремьяна упала на кровать и, выражаясь тривиально, бѣлугою заревѣла.

Авдотья бросилась къ ней.

— Что ты, бабочка, что съ тобой?

Но Маремьяна не отрывала лица отъ подушки и билась и металась по кровати.

— Ишь ты, подишь ты, напасть какая. Плачетъ лежа, ровно барыня.

Принесла Авдотья воды, приснула на Маремьяну и та очнулась.

XXXIII.

УЖЕ сказалъ, что если бы громы небесные грянули надъ головой Вукола, они бы не такъ поразили его, какъ поразило его сообщеніе Маремьяны.

Онъ боялся вѣрить и боялся не вѣрить.

Онъ возненавидѣлъ Маремьяну.

Сообщеніе Маремьяны сразу состарило Вукола на нѣсколько лѣтъ. Онъ осунулся и поблѣднѣлъ.

Приѣхавъ домой, онъ сказался «недужнымъ» и прямо пошелъ къ себѣ въ комнату.

Варвара Діодоровна, однако, пошла за нимъ немедленно.

— Что съ тобой, Вуколь? — спросила она, стуча въ затворенную дверь.

— Такъ, недужится немного.

— Ты легъ?

— Нѣтъ.

— Можно къ тебѣ?

На мгновеніе Вуколу вся кровь бросилась въ голову. Варя будетъ у него въ комнатѣ, одна съ нимъ, ласковая, заботливая... И вдругъ между ними сталъ призракъ Маремьяны. Маремьяна была именно въ этой комнатѣ, у дверей которой стоитъ Варя.

— Нѣтъ, нѣтъ, не входи... Я сейчасъ выйду.

Варя тихо пошла по корридору.

Черезъ пять минутъ, Вуколь, котораго слегка трепала нервная лихорадка, вышелъ въ гостиную.

— Что съ тобой, на тебѣ лица нѣтъ?— спросила заботливо Варя, взявъ Вукола за руку.

— Пройдетъ,—отвѣчалъ Вуколь, освобождая свою холодную, слегка вздрагивавшую руку изъ руки Вари.

Варя выпустила руку Вукола.

— Садись, сейчасъ чай... Тебя лихорадитъ?

— Да, немножко какъ будто бы встряхиваетъ...

— Сейчасъ пошлемъ хины.

— Не балованъ я такъ-то, Варенька,—пройдетъ. И прежде бывало, да такъ само-собой проходило...

— Само-собой проходило черезъ два-три дня, а послѣ хины ты сейчасъ молодцомъ будешь.

— Ну, какъ знаешь...

Варя вышла изъ гостиной посѣбно. И опять Вуколь заглядѣлся на эту красивую, стройную, какую-то легкую, словно воздушную и призрачную дѣвушку.

«Воплощенное милосердіе!»—сказалъ онъ самъ себѣ и задумался тяжелою думой.

Да и было отчего, какъ знаетъ читатель, задуматься Вуколу.

Неладно складывалось его будущее и во всякомъ случаѣ въ близкомъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ ничего хорошаго не обѣщало. Одна надежда на Позументова. Только онъ противъ подкопа можетъ повести подкопы и предупредить взрывъ, который затѣваетъ непріятель.

«Дорого онъ нонѣ вскочить»,—думалъ Вуколь.

Но не денегъ ему было жалко: Вуколь отдалъ бы ему съ удовольствіемъ тѣ десять тысячъ, которыя теиерь, всегда, когда онъ натыкался на эту припрятанную пачку, заставляли его краснѣть, но страшно было Вуколу стать въ зависимость если не отъ дрянной бабы, то отъ пропойцы отъ Иверской.

А въ зависимость идти надо было во всякомъ случаѣ. Самъ Вуколь не шель дальше того, чтобы откупиться деньгами.

Денегъ же не брали, а онъ посулилъ, и ничего не надумывалъ далѣе.

Когда вернулась Варя, она застала Вукола сидящимъ на диванѣ, оперевшимся локтями о колѣни и положившимъ на руки свою горемычную голову.

Онъ даже не слышалъ, какъ вошла Варя. Она остановилась и тихо окликнула:

— Вуколь!

Вуколь Прокофьевичъ вздрогнулъ и даже не сразу пришелъ въ себя, словно человѣкъ, котораго только что разбудили отъ тяжкаго сна.

Варя подошла къ нему и положила ему руку на голову.

— И голова горячая... ай, какая горячая...

— Пройдетъ...

— Знаешь что, Вуколь: я тебя больше не пущу въ твою

комнату. Маленькая, душная, Богъ знаетъ, какъ обставленная... Я прикажу нашу вторую столовую, она въ сторонѣ, обратить въ твой кабинетъ...

Вуколь хотѣлъ было возразить, но Варя сказала: «и слышать ничего не хочу».

— Сблизился,—добавила она, такъ и будь—ближе къ намъ... А то гдѣ-то въ корридорѣ... Не хочу я этого...

Варя энергично позвонила и вопедшей горничной сказала:

— Катя, позовите дворника и кучера и пусть они всю мебель изъ маленькой столовой вынесутъ въ комнату Вукола Прокофьевича, а его мебель на чердакъ... Оставьте до завтра только кровать. Завтра туда новую кабинетную мебель привезутъ.

Катя молча вышла, думая: «Ну, Маремьянушка, ау,—сродственники-то поближе съѣзжаются».

Не прошло и часа, какъ перемѣщеніе состоялось.

— Ну, а что же въ моей комнатѣ будетъ?

— А Наталья Андреевна кладовую устроить. Она говоритъ, что безъ запасовъ нельзя, что забирать по мелочамъ чрезъ кухню—больше денегъ тратить...

— Такъ-такъ,—равнодушно отвѣтилъ Вуколь.

Привесли хину, подали чай.

Вуколь долго возился съ оплаткою, но кое-какъ одолѣлъ, не безъ того, однако, чтобы не жевнуть ее.

Варя не спускала глазъ съ Вукола и чуяла своимъ отзывчивымъ сердцемъ, что у Вукола есть что-то на дуплѣ тяжелое-тяжелое, и рѣшила, наконецъ, поговорить съ нимъ.

Когда всѣ встали изъ-за стола, Варя сказала Вуколу:

— Ты еще спать не хочешь?

— Нѣтъ, спать я не хочу, а такъ все что-то нудно...

— Часикъ посидишь со мною?

Вуколь оживился.

— Ну, разумѣется.

— Такъ приходи ко мнѣ въ комнату, мнѣ нужно поговорить съ тобою серьезно.

Вуколь, на мгновеніе оживившійся, помертвѣлъ. Вся кровь отхлынула отъ головы, онъ даже потеръ рукою по сердцу, которое тяжело-тяжело сжалось, а потомъ сразу же и забилося.

Варя ушла, сказавъ: «я жду».

Вуколь не сразу пошелъ за Варей. Онъ прежде прошелъ въ свой новый кабинетъ.

До завтра это была пустая комната. Стояла только кровать Вукола, да около кровати столикъ, а около столика стулъ.

Въ углу висѣлъ образъ Спасителя.

Вуколь взглянулъ на образъ и остановился. Его поразила мысль о Богѣ.

Кажется, въ первый разъ въ жизни мелькнуло у него сознательное желаніе помолиться. Кажется, вотъ-вотъ только сейчасъ узналъ о Живомъ Богѣ, предъ Которымъ до сихъ

поръ онъ машинально творилъ крестное знаменіе, наскоро, всегда торопясь, читалъ «Богородицу» и уходилъ въ лавку.

Въ лавкѣ опять же, по привычкѣ больше, чѣмъ по душевной потребности, клалъ три креста по приходѣ и три креста по уходѣ.

На ходу, идя домой или изъ дома сперва съ мальчишками, а потомъ съ приказчиками, Вуколь, продолжая начатый о чемъ-нибудь разговоръ, крестился на всѣ московскіе храмы и часовни, но не зналъ онъ, что такое сила сердечной молитвы.

И сейчасъ, мысль о Богѣ, поразившая его, застала его настолько врасплохъ, что онъ не зналъ, какъ же ему помолиться.

Прежде всего онъ плотно заперъ дверь, заперъ не ради уединенія, нѣтъ, а заперъ, чтобы никто не видалъ, что онъ молится.

Въ головѣ его бродило смутно: «нехорошо, увидятъ, еще пожалуй, осудятъ, а то и вовсе засмѣютъ».

Заперевъ дверь и вставъ на колѣни, Вуколь долго стоялъ, прибирая слова «собственной» молитвы, стараясь набрать въ нее больше, какъ можно больше жалкихъ словъ.

Но прибирая слова, онъ чувствовалъ, какъ преступный король Клавдій, что у него «слова идутъ на небо», а «сердце остается на землѣ».

И онъ остановился безъ словъ и долго-долго всматривался въ ликъ Спасителя и, казалось, постигалъ простоту величія Богочеловѣка. Въ немъ, въ Вуколѣ, совершался переломъ, сила внутренней молитвы безъ словъ проникала душу. Вдругъ Вуколь почувствовалъ, что горячія слезы потекли изъ его глазъ, слезы, облегчающія страданія и мысли, и сердца.

— Господи, спаси и помилуй, наставъ и вразуми!—воскликнулъ Вуколь и упалъ, тихо всхлипывая, головою на землю и долго лежалъ и плакалъ.

Всталъ онъ словно обновленный, и тутъ же, спутанный вещественными отношеніями къ Божеству, торжественно обѣщалъ сдѣлать «серебряную, позлащенную ризу на икону» и добавилъ: «даже кованную и съ золотымъ вѣнчикомъ».

XXXIV.

 ВЛЕГЧЕННЫЙ молитвою, первою сознательною молитвою, Вуколь вытеръ себѣ лицо и вышелъ изъ кабинета.

Въ квартирѣ тихо, ибо было уже около 12 часовъ ночи.

Въ гостиной горѣла еще лампа, но дальше въ комнатахъ было темно.

Вторая гостиная была уже полутемная, она освѣщалась отблесками лампы, горящей въ большой гостиной, да полосой

яркаго свѣта, выходившаго изъ не вполне затворенной двери, ведшей въ комнату Вари.

Когда Варя услышала шаги, она растворила дверь, снопъ свѣта озарилъ Вукола, переступившаго порогъ маленькой столовой.

— А я думала, ты не придешь!—сказала Варя пониженнымъ голосомъ и, пропуская Вукола, заперла дверь въ комнату.

Варя, какъ была одѣтою въ платье, такъ и осталась. Она только распустила свои тяжелыя, густыя и длинныя двѣ косы и стала еще красивѣе.

Комната Вари была очень проста. Мебель мягкая, обитая голубымъ съ бѣлыми цвѣтами ситцемъ. Маленькій столикъ съ письменными принадлежностями, туалетъ изъ бѣлыхъ кружевъ, покрывавшій голубую атласную обивку.

На туалетѣ масса бездѣлушекъ.

На окнѣ, большомъ, широко въ венеціанскомъ окнѣ стояли горшки съ цвѣтами, Вариными любимцами. Въ переднемъ углу— двѣ иконы: передъ ними блѣдно-синяя лампада, огонекъ которой искрился въ граняхъ стекла. Въ углу, на высокомъ столѣ-пьедесталѣ, большая лампа подъ голубымъ абажуромъ, съ потолка спускался голубой фонарь. Японская ширмочка закрывала отъ глазъ кровать Вари, бѣлую, какъ снѣгъ, съ голубымъ гаруснымъ, самую Варю вязанымъ одѣяломъ. На стѣнахъ фотографіи.

Полъ былъ обитъ ковромъ.

— Какъ хорошо у тебя... Все-то, все-то голубое, словно какъ бы на небѣ...

Варя улыбнулась.

— Господи, Боже мой,—сказалъ Вуколъ съ искреннимъ чувствомъ,—какъ подумаешь, что я у тебя здѣсь въ первый разъ, такъ даже жутко станеть.

Варя промолчала и сѣла на кресло, указала рукой Вуколу на другое и сказала:

— Сядемъ.

Они сѣли.

— У тебя, Вуколъ, большое горе на сердцѣ,—начала Варя прямо, какъ хорошій полководецъ, сразу наступающій на противника.

Вуколъ смѣшался.

— Я это чувствую сердцемъ, а меня мое сердце никогда не обманывало. Говори, говори мнѣ все...

Вуколъ молчалъ.

— Ты, вѣдь, не будешь лгать предо мною. Все скажи мнѣ, поговоримъ, подумаемъ, потужимъ вмѣстѣ, можетъ быть вмѣстѣ поплачемъ и къ чемунибудь придемъ.

Вуколъ покраснѣлъ до ушей, но молчалъ.

— Ты не стѣсняйся, Вуколъ... Я буду съ тобой сразу от-

кровенна... Знай же, что я о тебѣ все знаю... Случайно, но знаю.

— Какъ знаешь?

Вуколь даже съ кресла сорвался.

— Сиди... Говорю тебѣ, узнала, случайно узнала... Не повѣрила ушамъ, когда услышала, не повѣрила бы глазамъ, когда бы сама увидѣла..

Варя чуть-чуть придвинулась къ Вуколу и взяла его за руку.

— Не подумай, Вуколь, чтобы я хотѣла обидѣть тебя и... и ту женщину... Нѣтъ... Можетъ быть, твое чувство глубоко: любить можно всѣхъ, не разбирая лица и положенія... Но я вижу, что ты страдаешь, мучаешься, и хочу спросить тебя: отчего? Мнѣ, какъ сестрѣ милосердія, хочется облегчить тебя...

Вуколь упорно смотрѣлъ въ полъ.

— Видишь, какъ было: когда я узнала объ этомъ, во мнѣ поднялось чувство негодованія противъ нея... и чувство стыда за тебя... Но прошло нѣсколько дней, и оба чувства улеглись во мнѣ. Я ее не знаю... Можетъ быть, это добрая, по своему умная, любящая тебя женщина; можетъ быть, ты самъ питаешь къ ней чувство нераздѣльной привязанности, тогда...

Вуколь всталъ и рѣзко сказалъ:

— Нѣтъ и нѣтъ!

Двумя «нѣтъ» онъ отвѣтилъ на оба предположенія Вари.

Варя слегка потерялась, на дальнѣйшіе ходы она еще не была подготовлена и потому тихо спросила:

— Что-жъ ты намѣренъ дѣлать, Вуколь?

Но Вуколь вмѣсто отвѣта опустилсѣ передъ Варей на колѣни и не сказавъ, — нѣтъ, простоналъ:

— Спаси ты меня, Варенька, спаси ты меня, голубушка.

Онъ вдругъ обвинилъ Варю руками за талию и припалъ головою къ груди молоденькой дѣвушки.

Варя обняла его шею и, откинувшись на кресло, на мгновеніе задумалась. Но вотъ она пришла въ себя и сказала дрогнувшимъ голосомъ:

— Сядь, Вуколь, мы подумаемъ.

Неохотно оставилъ свое мѣсто Вуколь, но повиновался.

— Ты не любишь ее?

— И не любилъ... Было все промежъ насъ такъ... Думалось, какъ зачалось, такъ и кончится...

— Ну?

— Но она... требуетъ...

— Что?

— Чтобы я оженился...

Варя вздрогнула, словно на нее спустилось нѣчто отвратительно-грязное. Слова: «требуетъ, ожениться», показали всю гадость этой «бабы», пользующейся стѣсненными обстоятельствами Вукола, его простотою, довѣрчивостью, робостью.

Прошла добрая минута молчанья прежде, чѣмъ Варя спросила:

— Ну, и что-жъ ты?

Но Вуколь вновь простоналъ:

— Спаси меня, Варенька, спаси меня, голубушка.

Варя нѣсколько повышеннымъ голосомъ сказала ему:

— Будь мужчиною, въ этомъ твое спасеніе...

— Не убить же мнѣ ее. Варя, рука не поднимется,—сказаль

Вуколь безпомощно,—да и...

Вуколь остановился и не договорилъ.

— Ты скрываешь что-то, Вуколь?.. Ты мнѣ не все сказалъ...

Есть еще что-то...

— Коли я есть, то мнѣ тебѣ объ этомъ сказать нельзя...

— Мнѣ ты можешь все сказать...

Вуколь покачалъ головою и отвѣчая скорѣе на свою собственную мысль, нежели на разспросы Вари, воскликнулъ:

— Обманъ, одинъ обманъ... Корысть въ этакомъ дѣлѣ.

Варя ничего не поняла умомъ, но поняла сердцемъ, что Вуколь крѣпко затащить Маремьяною.

— Да расскажи же ты мнѣ все подробно!—воскликнула она съ отчаяніемъ.

— Да не вѣрю я ей, Варинька, не вѣрю. Лжетъ она, корыстуеть.

— Да что она корыстуеться—это понятко, но въ чемъ же обманъ-то, Вуколь?

Вуколь посмотрѣлъ на Варю и рѣшительно сказалъ:

— Не могу я тебѣ сказать про это и не скажу... Одно знаю: обойдешь я, запутанъ и добромъ мнѣ не кончить.

Вуколь сжалъ кулаки и сверкнулъ глазами.

— А и претить она мнѣ... ахъ, какъ претить... Видѣть не могу, голосъ опротивѣлъ... гнусная баба, и-и-и какая гнусная баба!

И Вуколь опять добавилъ:

— И въ этакомъ-то дѣлѣ либо обманъ, либо сторонняя затѣя.

Вуколь всталъ.

— Пойду я къ себѣ на новое мѣсто... Ночь мнѣ не спать, это я знаю, ну, авось къ утру все ясно станетъ... Утро вечера мудренѣе.

Варя отвѣтила коротко: «иди», а когда Вуколь сдѣлалъ шагъ къ двери, она его перекрестила.

Обоимъ не спалось: и Вуколу, и Варѣ.

Не спала и Марямьяна, не спалось и Катеринѣ.

Переѣздъ Вукола изъ «задней» темной комнаты въ комнаты внутреннія, Катерина, конечно, объясняла по своему и говорила:

— Ловкая барышня у насъ, я ей только про удержаніе Вукола при себѣ свистнула, а она ужъ и осмыслила.

Не спалось въ эту ночь и Позументову.

Въ его опьяненной винными парами головѣ вставали во-

просы: «какъ такъ сдѣлать, чтобы потрошить карманы и у Маремьяны, и у Вукола Прокофьевича?»

XXXV.

КАКЪ или иначе, но сославшись на небывалаго «рабеночка», всюду и вездѣ спѣшившая Маремьяна, по собственному сознанию, опростоволосилась.

Бесѣдуя съ своимъ оракуломъ, старухой Авдотьей (да и бесѣдовать, пока что, ей было не съ кѣмъ), она сказала:

— И нѣтъ во мнѣ, Авдотьюшка, никакой выдержки, то есть, на эстолько ее нѣтъ.

Маремьяна показывала на кончикъ мизинца.

— Сердцемъ ты, бабочка, строптива, разумомъ не урядлива... Нѣшто же можно языка за зубами не держать, слово-то не воробей!.. Воробья за хвостъ ухватишь еще пожалуй, а ну-ка слово-то излови... Такъ-то!

Маремьяна покачивала головой, готовая заголосить, но Авдотья утѣшила ее.

— Да ты не разливайся занаярасну... Може все еще и обойдется.

— И гдѣ обойтись... Ни въ жисть...

— Настраииваетъ, мнѣ кажется, тебя эта Катька твоя наемная, а ты на стѣну лѣзешь...

— Какъ настраииваетъ?

— А такъ... Брешетъ, что песъ дворовый. Не на вѣтеръ-ли лай-то ея?.. Увидала, что тебѣ все знать хочется, ну, и сочиняетъ... Долго-ли оболгать человѣка. Плюнуть тяжеле, все хоша со слюной собраться надо, а оболгать захотѣлъ.—ни съ чѣмъ и: собраться-то не требуется... Зыкнулъ съ полоума и все тутъ... Тебѣ же коли знать ужъ такъ захотѣлось,—что ни скажи, ты всякое лыко въ строку.

— Вѣрно, дѣвушка,—сказала Маремьяна.

— Да, ужъ, бабочка, я годковъ-то на свѣтѣ и-и-и изжила, людей-то тоже не съ твое видѣла. Кабы ты эту самую Катьку-то на порогъ да въ шею.

А Катя какъ разъ и позвонилась.

Авдотья отворила, взглянула на Катю сурово и сказала:

— Обожди, доложу!

Боже! Какъ внутренне взорвало отъ этой фразы Катерину.

«Обожди, доложу».

Авдотья сказала эту фразу по привычкѣ, какъ говорятъ, «по инерціи», но Катерина не понимала этой тонкости и принимала все прямо. О ней «доложать» Маремьянѣ.

А тутъ и еще оскорбленіе.

— Ступай, зоветь, — сказала Авдотья, возвратившись.

Катя ужь совѣмъ насупилась и иди думала: «постой, я подь тебя не березоваго угля, а коксу подсыплю».

Ей казалось, что огонь кокса, горящаго ярче березоваго угля, долженъ быть и горячѣ послѣдняго

Впрочемъ, она принимала въ расчетъ и продолжительность горѣнія, ибо сказала сама себѣ:

— Она у меня не день и не два, а съ недѣлю прочешется.

Маремьяна, по своему обыкновенію, чуть не спросила: «съ чѣмъ и зачѣмъ», по воздержалась, и хотя суше обыкновеннаго, но все же не безъ любопытства въ голосѣ спросила:

— Чтой-то больно скоро, дѣвушка?

— Да дѣла-то, Маремьянушка, больно скоро идутъ.

— А ну?

У Маремьяны уже исчезало благоразуміе, явившееся было на мгновеніе отъ совѣтовъ Авдотьи.

Глаза у нея загорѣлись, лицо слегка искажилось и вспыхнуло и какъ у «вѣщуньи», — «въ зобу дыханье сперло».

— Перевела Вукола-то наша барышня.

— Какъ перевела? Куда перевела?

— Да кабинетъ ему другой устроила... Нонѣ сама за мебелью поѣхала.

— Гдѣ устроила?

— А въ маленькой столовой...

— Зачѣмъ же?

— Да какъ знаешь, такъ и понимай... А по моему, чтобы ближе быть.

Маремьяна блѣднѣла.

— Тихоня она тихоня, а ты о ней ономнясь правду сказала, что въ тихомъ омутѣ черти водятся...

— Такъ перевела?

— То-то перевела...

— А дальше-то что же?

Катерина понизила голосъ.

— Нынче ночью онъ у нея до утра просидѣлъ.

— До утра?.. Не врешь?..

— А велика-ли корысть-то?.. А ты вотъ что: чтобы корысть моя, значить, для правды твоей во всю вознаграждена была, скажи Вуколу, чтобы на платьѣ шерстяной матеріи принесъ, а ты мнѣ ее и присынь.

— Не дѣло! Чай, у Вукола и голова, и память не совѣмъ отбиты. Онъ мнѣ матерію привезетъ, а на тебѣ увидить... Нука, раскинься... Не пойметъ онъ тогда всего?.. Это не дѣло!

И мелькнула въ головѣ у Маремьяны мысль, что корысти ради и на самомъ дѣлѣ можетъ жечь Катерина, и не выгнать-ли ее на самомъ дѣлѣ, но порокомъ любопытства, погубившій Еву, одолѣлъ благоразуміе: Маремьяна вынула три двугривенныхъ и сказала:

— За сказъ спасибо... А вотъ тебѣ, Катя, на кофей... Не обезсудь, все еще съ Вуколомъ не въ ладахъ... Вся издержалась, а самой спросить не охота... Не куфарка я теперь и свою амбицію соблюдать должна.

Катерина хотѣла бы отвергнуть три двугривенныхъ, но вспомянувъ пословицу: «съ лихой собаки шерсти клокъ», опустила деньги въ карманъ и встала.

— Ты уже собираешься?

— Да нельзя, самого-то теперь вѣдь къ обѣду ждемъ ежедневно, какъ же безъ меня столу быть.

— Обѣдаетъ дома?..

Маремьяна едва перевела дыханіе.

— Обѣдаетъ, бабочка, обѣдаетъ, — сказала Катерина и пошла.

— Заходи...

— Да вѣдь какъ же не зайти-то... Синенькую не даромъ сорвала, зайду, зайду.

И только заперлись за Катериной двери, какъ Маремьяна опять бросилась на кровать и начала плакать, причитаючи.

Авдотья, которой долго не было, войдя въ комнату и увидавъ плачущую Маремьяну, заговорила:

— И съ чего только убиваешься?.. Карактеръ тыишь... Будь на твоёмъ мѣстѣ, я бы купца на большую обломала, да и сказала бы: «шутъ, молъ, съ тобой».

— То ты, а то я... Не сумму я въ помышленіи имѣю, теперь ау, всю меня взбудоражили... Разорвусь, а натѣшусь.

— Охота...

— Неволя!..

Авдотья только рукою махнула.

XXXVI.

ПРОЗУМЕНТОВЪ рѣшилъ воспользоваться заявленіемъ Маремьяны объ утайкѣ десяти тысячъ Вуколомъ и начать играть на этой струнѣ.

Онъ еще разъ навѣстилъ Маремьяну.

— Ну, что, Маремьянушка, идетъ-ли дѣло на ладъ?

— Нѣтъ еще.

— Такъ, такъ... Пожалуй, и на утаенныхъ десяти тысячахъ свадьбу-то сварганить можно будетъ...

— Да что ты?

— Да такъ мнѣ думается... Ты до точно-ли подтверждаешь утайку-то?..

— Чай, я же помогала...

— Это ты на себя не принимай, тутъ надо такъ оборудовать, что ты не знала ничего, покедова денегъ не нашла.

- А я же не находила.
- А найти нужно... Ты говоришь, онъ ихъ въ хламъ держалъ?
- Сперва въ хламъ, а потомъ за божницею...
- Ишь ты какой переводъ сдѣлалъ! Ну, тебѣ за божницею ихъ и найти нужно...
- Маремьяна недоумѣвала.
- Гдѣ-жъ ихъ теперь найдешь?
- Позументовъ ткнулъ ей указательнымъ пальцемъ въ лобъ и сказалъ:
- Проѣхало!
- Онъ покачалъ головою.
- Нѣшто же я тебя теперь за божницу-то посылаю?
- Такъ, такъ,—безсмысленно сказала Маремьяна.
- А ты не такой раньше времени. И у тебя умъ-отъ коротокъ, а таканьемъ не во время и совсѣмъ урѣжишь...
- Онъ подошелъ къ двери, отворилъ, осмотрѣлся и вернулся.
- Ну, подбери губы-то, дѣло важное.
- Маремьяна поставила локти на столъ, на руки положила подбородокъ и глазами уставилась въ Позументова.
- Слушай же... Коли придетъ время показанія сдѣлать, такъ ты такъ показывай: была, молъ, я съ хозяиномъ въ связи, и по смерти родителя, онъ меня на отдѣльную квартиру посадить пожелалъ, какъ бы на манеръ барыни, что-ли. Когда, молъ, начала я перебираться, то полѣзла за божницу, въ его комнатъ, гдѣ, молъ, завсегда мотки нитокъ держала, полѣзла, да божницу-то и пошатнула.
- Ну, ну?..
- Не нукай, не запрягала еще... Пошатнувши, молъ, божницу, увидала, какъ оттуда свертокъ съ деньгами вывалился. Я, молъ, къ Вуколу, дескать, что такое? А онъ, говори такъ, будто бы поблѣднѣлъ, затрясся, упалъ передъ тобою на колѣни, повинился въ кражѣ десяти тысячъ у мертвого родителя и обѣщаніе даль жениться на тебѣ, если ты про деньги зарокъ дашь никому не выболтать.
- Поняла, поняла, Львовичъ, поняла... То есть вотъ какъ раззолочу пріятнаго-то—страсти и ужасти!
- Только смотри, безъ меня—в-ни!..
- Пользу-ли раньше тебя въ петлю... Ты руководишь мною, а ужъ я тебѣ предана буду вполне.
- Да смотри, раньше времени ему не грози, мѣры приметъ...
- Сказано—ни-ни, значитъ, умерло.
- Знаю я бабѣ «умерло»... У нихъ, что умерло, то и воскресло... Ты молчаніемъ въ купчихи-то выплывай, а не хайломъ распущеннымъ. Говорилъ и говорю: хайло зажать можно, руки окоротить и ногамъ отдыхъ дадутъ, коли ежели захотятъ посадить тебя...
- За что?
- Подъ властью тьмы.

— А все за него... за хайло это самое... Ну, встанетъ передъ тобой, какъ листъ передъ травой, господинъ городской... Ну, что-жь ты?.. Душу въ пятку пошлешь, да и займешь. Такъ-то! Позументовъ простился съ Маремьяной, получивъ за визитъ «канареечную».

XXXVII.

О УХОДѢ Вукола, Варя хотя и легла въ постель, но сонъ отлетѣлъ, и она всю ночь до утра думала, думала и думала надъ положеніемъ бѣднаго Вукола. Мучило Варю и то обстоятельство, что она не допыталась отъ Вукола о томъ «обманѣ», который его такъ сокрушаетъ...

Когда Катерина вышла отъ Маремьяны, Авдотьи въ кухнѣ не было, она стояла у воротъ. Авдотья не любила подсматривать и подслушивать, ибо плохо видѣла и туго слышала.

Когда Катерина вышла изъ воротъ, Авдотья поднялась и захотѣла молча пройти въ калитку, но Катерина остановила ее.

— Мы съ тобою, Дуниша, еще синенькую-то не вспырынули? Выпьемъ пивка... Портерная черезъ дорогу.

У Авдотьи и глаза заискрились.

— Да и впрямь не спрыснули. Что-жь, кто отъ хлѣба соли отказывается... Перебѣжимъ.

И вотъ франтоватая горничная и растрепанная кухарка усѣлись за столomъ въ портерной. Выпили бутылку, принялись за вторую. Катерина словоохотливо посвящала Авдотью въ прошлое Маремьяны и на концѣ третьей бутылки, вздохнувъ, сказала:

— А вотъ каково будетъ ея будущее — Богъ вѣсть...
— Налаживаемъ, и коли моего совѣта послушаетъ, а не жулика иверскаго, нашъ будетъ..

Катерина наострила уши, а сама говорила:

— Ты, мать, ей поспособь... Ты звона сколько лѣтъ прожила, какого ума-то нажила... Выправь ее, не оставь.

Авдотья улыбулась улыбкою пьянѣющаго человѣка.

— У меня тутъ вотъ...

Авдотья широко развела руками.

— Я не такихъ, какъ вашъ Ѳедуль, Викулъ, скручивала.

И Авдотья начала было хвастать, но Катерина повернула ее назадъ.

— Нашего Вукола не сейчасъ-то скрутишь, — сказала она.

— Кто, я?..

Авдотья почти взвизгнула.

— Я, да не скручу?.. Ну, вѣтъ, шалишь! Какъ въ отцы мы его препожалуемъ, такъ не отвертится.

— А развѣ есть?..

— Ну, есть или вѣтъ — дѣло темное... Было бы сказано, вотъ

и вся недолга. А тамъ окрутимъ, на ошибку свалимъ. А ошибку подтвердятъ, ибо и мало-ли кто денегъ не похочеть.

Тайна Маремьяны очутилась въ рукахъ Катерины.

Теперь тайну, кромѣ Маремьяны и Авдотьи, знали Позументовъ и Катерина.

«Такъ вотъ какъ, вотъ что затѣяли, ловко!»...—говорила слегка покраснѣвшая отъ пива Катерина идучи домой.

Ее встрѣтила Варвара Діодоровна выговоромъ:

— Что это, Катя, какъ вы стали часто отлучаться? Уйдете, не спроситесь, и не дожидаться васъ.

— Простите, барышня, по вашему же господскому дѣлу ходила.

— По какому?

— Ужо, милая барышня, какъ опочивать будете ложиться, все расскажу... Приду волосы расчесывать и выложу.

Варя посмотрѣла на Катерину.

— Я уже вамъ сказала, что мнѣ никакихъ передачъ не нужно и по такого рода господскимъ дѣламъ прошу не отлучаться... Я слушать ничего не буду.

— Вы не будете, такъ Вуколу Прокофьевичу доложу... Ему это будетъ даже очень антиресно...

— Не смѣйте разстраивать Вукола Прокофьевича.

— Ну, ужъ извините, барышня милая... Я вѣдь въ домъ не первый день живу и ко всѣмъ къ вамъ привязку имѣю... Ни про что другое, а про бѣду узнала... А ужъ эту бѣду отъ дому отведу...

— Какая бѣда, Катя?—спросила Варя, мѣняясь въ лицѣ и спадая съ тона.

— Да вѣдь вамъ же, барышня, не антиресно?.. Вы преданностью нашей сестры пренебрегаете... Значить, передъ вами я и молчать буду... Да и Вуколу Прокофьевичу прежде опросъ сдѣлаю: желаютъ-ли, а коли ежели и съ ихъ стороны никакого любопытства... Ну, тогда свое знатѣ про себя знать буду, или черезъ добрыхъ людей до васъ же доведу,—только бокомъ.

«Господи, еще добрыхъ людей примѣшать хотятъ, вѣдь это же уже цѣлая улица, цѣлый базаръ»,—подумала Варя.

Какъ ни была юна Варвара Діодоровна, но все же понимала, что могутъ сдѣлать иногда «добрые люди» съ ихъ участіемъ и соболѣзнованіемъ.

— Нѣтъ, Катя, вы уже пожалуйста еще никого не вмѣшивайте... Скажите Вуколу Прокофьевичу, если хотите, но затѣмъ оставьте все это дѣло въ покоѣ.

— Слушаю-съ, барышня, — сухо сказала Катерина и не только сухо, но даже какъ-то пророчески зловѣще.

Въ тонѣ этого «слушаю-съ» слышались сразу фразы: «ну, будь, что будетъ, не хотѣли слушать, на себя пеняйте, я умываю руки».

Варя додержала до конца.

Ей хотѣлось послѣ этого ужасающаго тона сейчасъ же спросить всю подноготную, но она удержалась.

«Нѣтъ, нѣтъ, пусть Вуколу скажетъ. Ему и знать это нужнѣе, и выслушать легче».

И у нея сверкнула мысль: «да онъ и привыкъ къ нимъ, онъ какъ и поступить съ ними съумѣетъ».

А Катя, проходя мимо зеркала, вдругъ остановилась, посмотрѣлась и показала себѣ, съ раскраснѣвшими щеками, очень лакомой.

«А если поиграть въ любовь съ Вуколомъ Прокофьевичемъ?.. Часто бываетъ, что ежели кого отъ бѣды избавишь, то тотъ къ избавителю привязку почувствуетъ».

И Катя пошла дальше въ соображеніяхъ:

«Касательно ежели Варвары Діодоровны, то можетъ у Вукола и есть мысль, но только тутъ большая проводочка выйдетъ, а на Маремьяну коли его науськать, онъ ее по боку, да ко мякъ и присыпится».

И Катя досказала:

«А мнѣ что... Свистни—я смыслю, помани пальцемъ—я сейчасъ объявилась».

И Катерина ждала вечера.

Какъ разъ Вуколъ Прокофьевичъ засидѣлся въ трактирѣ долѣе обыкновеннаго, и вернулся домой, когда уже всѣ легли спать.

Варвара Діодоровна, хотя легла обезпокоенная, но молодой сонъ сдѣлалъ свое дѣло, и утомленная бессонною прошлою ночью, думами дня, рассказомъ Катерины, Варенька заснула, какъ убитая.

Катерина поджидала Вукола Прокофьевича.

Вотъ въ передней раздался звонокъ.

Катя поспѣшно встала, взяла свѣчку и, тихо скользя мягкими туфлями, вышла въ переднюю и отворила дверь.

— Всѣ спать?—вполголоса спросилъ Вуколъ у Кати.

— Всѣ-съ. Прикажете чай или кушать?

— Нѣтъ, я пилъ и закусывалъ...

Вуколъ свернулъ было въ корридоръ, но Катя хихикнула и сказала:

— Заблудились, баринъ, не туда свернули.

Вуколъ и самъ улыбнулся.

Онъ прошелъ въ новый кабинетъ и удивился. Кабинетъ былъ прекрасно и заботливо обставленъ. Все было просто, но красиво. Кровати не было, кровать замѣнилъ широкій диванъ, обтянутый темно-зеленымъ трипомъ. Такая же была и мебель. Въ переднемъ углу стояла любимая Вукола божница, наслѣдіе послѣ матери.

На столѣ, большомъ и простомъ, стояла простая конторская чернильница и лежали счеты. На столѣ же были поставлены оправленные въ рамочки фотографіи: покойнаго отца Вукола,

Вари, Нади и Володи. Надъ столомъ на стѣнѣ висѣлъ плохо написанный масляными красками художникомъ съ Хитрова рынка портретъ покойной матери Вукола.

Написанъ былъ тѣмъ же портретистомъ и Прокофій Вуколовичъ, но покойный его уничтожилъ.

Портретъ матери Вукола сохранился потому, что въ моментъ уничтоженія портретовъ не попалъ подъ руку.

Нѣжная заботливость Вари тронула Вукола. Онъ сѣлъ къ своему новому столу, взявъ карточку Вари, долго смотрѣлъ на нее и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ.

Печально всталъ Вуколь изъ-за стола и направился къ дивану, покрытому чистой простыней и новымъ одѣяломъ.

— Сердца-то, сердца-то сколько, — говорилъ Вуколь и по привычкѣ щупалъ доброту одѣяла.

У дивана стоялъ столъ со свѣчей и спичками.

Вуколь зажегъ свѣчу и потушилъ лампу.

Тихо раздѣлся Вуколь и только что, полуприкрывшись одѣяломъ, хотѣлъ задуть свѣчу, какъ около кабинета раздались едва слышные шаги.

— Ты... Что тебѣ?

— Не сердчайте, Вуколь Прокофьевичъ!.. Есть слово и дѣло!.. Стыдно было, но и стыдъ превозмогла, ночью къ вамъ пришла.

Вуколь ничего не понималъ.

— Да зачѣмъ ты пришла-то?

— Тише, Вуколь Прокофьевичъ, никому про это знать не надо... Дозвольте плотно дверь припереть, свѣчу потушить. И Катерина, не дожидаясь дозволенья, заперла дверь и потушила свѣчу.

Комната освѣтилась только блѣднымъ свѣтомъ лампы, которую зажгла Варя.

— Милый баринъ, голубчикъ, вы меня извините, но живучи у васъ столько времени, не могу ваши невзгоды не принять близко къ сердцу.

— Что такое?.. Какія невзгоды?

— Да вѣдь не безглазая я тоже и на плечахъ не пусто-порожній горшокъ, вижу и понимаю.

Вуколь привсталъ.

— Слушай, Катерина, ты говори, что тебѣ нужно, или я тебѣ...

— Тряхнете или саданете?... Сдѣлайте ваше одолженіе, только я къ вамъ съ добромъ и на счетъ Маремьяны...

— Какъ ты смѣешь вмѣшиваться въ мое дѣло?..

— То-то не одно тутъ ваше дѣло... Баринъ, голубчикъ, да вы не сердитесь, а выслушайте... Дозвольте присѣсть, а то ноги-то дрожмя дрожать.

— Сядь.

Катерина присѣла на диванъ, около Вукола. Наглость ея шла кресчендо.

— Видите, голубчикъ баринъ, дѣло какое... Не безъ глазъ мы тутъ всѣ, и видѣли, какъ приблизили вы къ себѣ и Маремьяну.

— Ну?.. Что же?..

— А вѣдь не каждая изъ нашей сестры способна оцѣнить это какъ слѣдуетъ, и, получивши счастье, быть тише воды, ниже травы.

И Катерина рассказала, взявши, однако, заклятье съ Вукола, что онъ ее не выдастъ, все по порядку. Какъ ее навимала Маремьяна слѣдить, хотя о своихъ сплетняхъ умолчала, и какъ, наконецъ, ей удалось вырвать у Авдотьи сознаніе въ томъ, что на счетъ «робеночка» все неправда.

— Слушай, Катерина,—сказалъ Вуколь, взявъ Катерину за руку,—по чистой-ли ты совѣсти говоришь это?

— Вотъ-тѣ Христось... Да ужъ пошла-ли бы я на этакую ложь. А говорю отъ сердца, — что любя васъ, при этакой, можно сказать, одинокой обстановкѣ, себя не жалѣючи, къ вамъ пришла.

— Хорошо, спасибо дебѣ... Вынь изъ сюртука бумажникъ... Подай...

— Да разрази меня Господь, коли я возьму что за это...

— Подай, подай, говорю...

— Не корысти ради, Вуколь Прокофьевичъ...

— Подай, говорю.

Катерина встала и подала.

Вуколь раскрылъ бумажникъ, вынулъ двѣ десятирублевки и подалъ.

Катерина рѣшилась сдѣлать еще ходъ и, взявъ деньги, бросилась цѣловать руки Вукола, но Вуколь, сильно отстранивъ ее, сказалъ:

— Ну, будетъ... Иди!.. Да смотри, никогда, никому не болтай объ этомъ, если худа себѣ не желаешь... Служи, обижена не будешь, главное — Варвару Діодоровну пуще всего береги...

Катерина volens-volens вышла изъ комнаты и сказала себѣ: «начало положила, авось и дальше пойду».

Фразу: «Варвару Діодоровну пуще всего береги» Катерина поняла какъ слѣдуетъ: «дорога она ему, а Маремьяниной злобы онъ боится».

На утро Вуколь послалъ къ Иверскимъ за Позументовымъ. Позументовъ явился.

— Ну-къ ты, законникъ! Какъ же мнѣ быть-то?..

— Съ чѣмъ?

— Да со всѣмъ моимъ дѣломъ!..

— Нѣшто что прибыло?

— Да чему прибыть-то?

— Ну, а ежели не прибыло, такъ и выждать...

— Да если, теперь, до слуха моего дошло, что меня на счет младенца охаживают...

— Откуда узналь-то?

Позументовъ оживился. Вуколь не поддался.

— Ты не сразу вопросы-то задавай... Этакъ и проговориться можно. Откуда, тебѣ объ этомъ знать не нужно. Потребуется, такъ доточнаго свидѣтеля выставлю. Ты говори, какъ быть-то?

Позументовъ пожалъ плечами.

— А ты тоже не сразу спрашивай, сразу-то того насовѣтуешь, что потомъ только путаница выйдетъ.

Позументовъ покрутилъ головою и сказалъ:

— Опять твое дѣло такое—ждать.

— То-то не ждать надо, а кончать слѣдъ.

— Приспичило...

— Подъ горло подступило, вотъ что!

Позументовъ понюхалъ табаку и вдругъ спросилъ:

— А ты еще тамъ десять тысячъ скралъ?

Вуколь измѣнился въ лицѣ.

— Да ты не ошалѣвай очень-то... Мнѣ что... Скралъ, такъ скралъ... Ни корысти, ни радости...

— Откуда... Кто тебѣ?—спросилъ Вуколь.

— Да все она же... И не то, чтобы она это сообщила, пѣтъ. А такъ, въ сердцахъ, жалуючись на тебя: «воровать, говорить, такъ вмѣстѣ, а проживать, говорить, такъ врозь». Ну, я, чтобы испытать, не вретъ-ли, разспросилъ. Ну, она и выболтала.

Вуколь молчалъ.

— Мнѣ - то что, мнѣ все равно, проѣхало. Узелковъ-то только у тебя съ ней много навязано... Ишь ты какъ вышло: крали вмѣстѣ...

Вуколь терялся.

— Завсегда говорилъ, говорю и буду говорить: «не мѣшай бабы въ дѣло». Ну, вотъ, ладно-ли поступилъ-то?.. На-ка, всего себя въ бабьи руки отдалъ и въ этомъ срамномъ дѣлѣ на бабьи языкъ понадѣялся.

Вуколь тяжело дышалъ. Для Позументова было теперь вполне ясно, что Вуколь дѣйствительно утаилъ десять тысячъ, что Маремьяна не соврала.

А Вуколь все еще не могъ отдѣлаться, такъ всего его захватило. Мысль, что объ этой утайкѣ узнать Варвара Діодорова, ровно сверломъ сверлила въ мозгу и отдавалась въ сердцѣ. Ни о комъ онъ больше не думалъ, ничего онъ такъ не боялся, какъ быть въ ворахъ передъ Варварой Діодоровною. Его тайна была уже въ двухъ рукахъ. Маремьяна выдала его Позументову. «Положимъ,—думалось Вуколу,—Позументовское молчаніе купить можно, но разъ Маремьяна проболталась По-

зументову, никто не мѣшалъ ей проболтаться и кому другому. «Свинья—борову, боровъ—городу».

И Вуколу казалось, что уже весь городъ знаетъ объ этомъ, что ославленъ онъ на всю Москву, и что коснулась вѣсточка ушей Вари... И видитъ онъ эти маленькія, розовенькія ушки съ скромными золотыми сережками; словно притаились эти ушки подъ вьющимися на вискахъ волосками.

— Господи, да неужели? — вопросительно воскликнулъ Вуколь, занятый своею мыслию, потирая рукою лобъ, на которомъ выступилъ холодный потъ.

— А и потерялся же ты, Вуколь Прокофьевичъ... Будь я на твоёмъ мѣстѣ, — не вѣшалъ бы головы, не печалилъ хозяйина.

Вуколь вздохнулъ.

— Чужую бѣду пальцемъ разведу, къ своей бѣдѣ ума не приложу!

Вуколь махнулъ рукою и добавилъ:

— Такъ-то ты!..

— А пожалуй, что и я бы смялся... Ишь ты вѣдь какое дѣло. Баба она охальная. «Не умру, говорить, безъ того, чтобы «Журавлихой» не быть. Оженится, настою». И настоять...

— Не настоять...

— Гдѣ не настоять, настоять.

— Убью!

— Въ Сибирь прогуляешься... Тоже путь-дорога-то не изъ ахтительныхъ.

Позументовъ оглянулся.

— Нѣшто безкровнымъ убійствомъ донять?

— Какимъ безкровнымъ?

— Да вѣдь мало-ли... Ну, ежели, напимѣръ, начать бить каждый день?

— Что-жъ она молчать будетъ? И сама сдачи дастъ и ходи съ фонарями, освѣщай Воздвиженку.

— Ну, поднапоить, да этакъ на троечкѣ версть шестьдесятъ въ обнаженномъ видѣ по морозцу, а...

— Не сомущай!..

— А то съ Хитрова рынка оборванцевъ принанять, пусть гдѣ либо въ темномъ углу выволочку дадутъ. Имъ все едино, была бы полтина, а то что человѣкъ, что скотина...

— Сказаль тоже...

— А что же «тоже». Не дѣлають, что-ли? Я для троихъ нанималъ.

— И на смерть забивали? — спросилъ Вуколь и глаза его сверкнули.

— Ну, на смерть не на смерть, а потомъ послѣ тренки, не дѣль шесть кровью харкали и на кладбище переселялись.

Вуколь всталъ.

— Не сомущай, говорю, ты въ честную лучше раздѣлаться помоги.

— Да вѣдь въ честную она не идетъ. Всѣхъ твоихъ денегъ не хватить, коли-ежели и скраденыя десять тысячъ приложить.

— Ну, ты объ этихъ деньгахъ ни-ни!.. Баба со зла наврала, а ты...

— Ну, былъ грѣхъ, Вуколь, что ужъ... Я помолчу. Ты возьми красненькую, этакъ поперекъ губъ мнѣ наклеи, я и молчокъ.

— Не въ красненькой дѣло... Красненькую дать не трудно... На, возьми красненькую... Ты дѣло-то мнѣ оборудуй.

Позументовъ взялъ красненькую и, расправляя ее на колѣнѣхъ, говорилъ:

— Трудное твое дѣло, и-и-и трудное. На скандалистку ты нарвался. Только вѣдь и твердить: «либо я въ дребезги, либо «она» пополамъ».

— Кто она?

— Да разлучница!.. Все сестренку твою сводную поминаетъ. «Не будь, говорить, я Маремьяна, коли изъ хари—Вари котлетъ не набью».

Позументовъ прилыгалъ, но для него была ложь во спасеніе; она ставила Вукола въ безысходное положеніе и отдавала въ руки Позументову.

— Да коли бы ежели было хоть на правду похоже... Разлучница!.. Ничего промежъ нами нѣтъ... Да и родня мы,—что можетъ быть?

— Ну, родню-то ты тоже въ сторону откинь... Не ахти какая родня... Ты бы вотъ уголовныя-то дѣла почиталь, такъ узналъ бы, что промежъ родни-то происходитъ.

Вуколь терялъ голову.

— Одно остается, руки на себя наложить.

— Да что ужъ больно Маремьяна-то тебѣ опротивѣла? Давно-ли вмѣстѣ,—ты не сердись Вуколь Прокофьевичъ,—въ сундукъ лазали и вдругъ на-ка, безъ причины опротивѣла.

Вуколь нашелся.

— Вдругъ въ люди вышелъ, понятно не на кухаркѣ же своей собственной жениться, на всю Москву себя оконфузить.

— Такъ, такъ...

— А она сразу съ мѣста вскачь пошла, ну, и опротивѣла.

— Ногой за оглоблю закинула, на ходу-то.

Позументовъ засмѣялся.

— Не до смѣха мнѣ!

Вуколь скрежетнулъ зубами.

— Такъ ты и плачь!.. Мнѣ-то съ чего плакать. Жалѣть могу, вызволять могу, а плакать не съ чего.

XXXVIII.

ПО УХОДѢ Позументова, Вуколь ходилъ совсѣмъ какъ потерянный. Онъ чувствовалъ, что его все болѣе и болѣе забирали въ руки со всѣхъ сторонъ.

Позументову стало извѣстно о кражѣ, Катеринѣ о ребенкѣ.

— И не сама же Маремьяна объ этомъ выболтала, значить еще кто ни на есть да есть въ этомъ дѣлѣ. И никому цыцъ крикнуть нельзя, сейчасъ на улицу вынесутъ.

И стали сверлить мозгъ Вукола двѣ мысли: «либо себя убить, либо Маремьяну придушить».

Себя убить Вуколу было жалко.

Не смотря на свои болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ, онъ еще не жилъ, ни любви, ни радостей жизни не испытывалъ.

Положимъ, любовь и радости и теперь ему не улыбались, но онъ согрѣвался добрымъ отношеніемъ прелестной дѣвушки-ребенка, каковымъ являлась Варя. Одна фигура ея, эта воплощенная прелесть, вдохновеніе и мечта поэта, дѣлали Вукола чище, располагали его на все доброе и хорошее.

Вдругъ онъ вспомнилъ слова Позументова: «почитай-ка дѣла-то уголовныя, такъ узнаешь, что промежъ родней творится», и вся кровь бросилась ему въ лицо и закружила голову.

«Да неужто возможно?»

И лѣзли въ голову Вукола картины одна соблазнительнѣе другой и дѣлали его болѣе и болѣе несчастнымъ, безпомощнымъ. Отчаянное его положеніе усугублялось мечтами и казалось безвыходнѣе и безвыходнѣе.

— Убить!—сверлила мысль въ мозгу и стискивала Вуколу кулаки и заставляла озираться, словно ища орудія, пригоднаго для цѣли убійства

Вечеромъ хотѣлъ зайти Вуколь къ Маремьянѣ, но не зашелъ.

«Еще бѣсъ подѣ руку подтолкнетъ».

И Вуколь и открещивался, и отплевывался.

«Зайду утромъ».

Маремьяна прождала, и видя, что время прошло, легла спать въ ожиданіи утра.

Утромъ Вуколь зашелъ.

— Что-жъ по вечеру не зашелъ?

— Не въ расположеніи былъ... Да и боялся.

— Боялся чего?

— Да чтобы опять промежъ насъ что не вышло... Ты же теперь въ такомъ положеніи...

Маремьяна потупилась.

Потупилась, конечно, не такъ, какъ потупляется чистота и

застѣнчивость, а потушилась ради того, чтобы скрыть смущеніе.

Вуколь чуть не ударилъ потупившуюся Маремьяну.

— Ты хоша ради «его» щади меня теперь. Я и такъ въ разстройствѣ... Все одна да одна... Ну, мысли, можетъ, несуразныя лѣзутъ... Мало-ли чего одна-то не передумаешь... Ино думаешь, думаешь, да вдругъ ровно тебя кто съ мѣста сорветъ...

— Съ чего сорвать-то?

— А вотъ померещится въ умѣ неладное, на негожее, ну, помутится въ разсудкѣ и не вольна въ ту пору въ себѣ.

— А ты глупостевъ бы не думала.

— А ты подь-ка, запрети солнцу на землю свѣтить.. Такъ-то...

Маремьяна говорила все это тихо, вкрадчиво, Вуколь слушалъ и думалъ: «тутъ тебя и распознать, проклятую... Ишь вьется, змѣя подколодная».

И сверкнула въ головѣ его мысль: «и съ этакой связать свою жизнь до гроба! Господи, да неужто я заслужилъ такое наказаніе»?

Вуколь вдругъ вскочилъ.

— Что ты, Вуколушка?

— А что?..

— Да вскочилъ такъ...

— Дѣло забылъ..

Онъ сталъ искать шапку.

— Или не сидишь?

— Съ чего сидѣть-то... Слышишь, что дѣло забылъ, да и въ магазинъ пора.

Маремьяна бросилась къ нему.

— Желанненькій, кормильчикъ... Да смѣни ты гнѣвъ на милость...

— Не ластись...

— Да хоша ради «его»-то...

— Ради кого?

— Ради рабеночка-то нашего.

— Пока нѣтъ его на свѣтѣ,—о немъ не говори.

Вуколь стоялъ и мялъ въ рукахъ картузь, наконецъ двинулся къ двери.

— Ждать-ли по вечеру-то?

— Не знаю...

Маремьяна не выдержала, усмѣхнулась.

— Али домой заторопишься... Тамъ лучше есть.

Вуколь плюнулъ и ушелъ.

— Вывертывается молодчикъ, только не вывернется,—проговорила Маремьяна.

XXXIX.

НРОШЛА недѣля.

Сильно измѣнился Вуколь. Варвара Діодоровна начала за него опасаться.

— Вуколь, зайди ко мнѣ послѣ ужина,—сказала она ему, отпустивъ сестру и брата и вставая изъ-за стола.

Вуколь посмотрѣлъ на Варю.

— Да надо же чѣмъ нибудь все это кончить,—сказала она нервно и вышла.

Варя пришла въ комнату, быстро расколола себѣ косу. Коса упала и она вздохнула свободнѣе, точно коса-то и давила ей голову.

Минуты двѣ спустя, вошелъ Вуколь.

Онъ былъ очень грустенъ.

Варя быстро сказала:

— Садись и будемъ говорить... Такъ дольше нельзя, ты весь извелся...

— Ужь и не знаю...—началь было Вуколь.

— Прежде всего не закисай,—перебила его Варя,—и тогда, и теперь говорю: будь мужчиной.

— Э-э-эхъ, Варя, хорошо говорить, а какъ имъ быть-то?.. Не мѣрь ты всѣхъ женщинъ на свой аршинъ.

— Ну, хочешь, я за тебя пойду къ ней и все ей объясню?

Вуколь даже вскочилъ.

— Господи, Боже мой, да въ умѣ-ли ты, Варичка...

— Что-жъ такого?.. Приду и скажу ей все... Женщина съ женщиною скоро сговорится.

— Да не съ тобой только... Въ тебѣ-то вѣдь и вся сила, Варя.

— Во мнѣ?

Хотя Варя и слышала въ первый разъ отъ Катерины, что Маремьяна ее въ разлучницы ставить, но никакого значенія особеннаго этому не придавала, а теперь Вуколь въ упоръ говорить ей, что «именно въ ней-то и вся сила», стало быть она поставлена во главѣ этого гнуснаго романа.

— При чемъ же тутъ я?

Этотъ вопросъ обдалъ Вукола холодною струею.

— Или она думаетъ, что я отговариваю тебя?.. Но, Вуколь, когда ты былъ здѣсь у меня въ первый разъ, не говорила-ли я тебѣ, чтобы ты нами не стѣснялся, и что мы примемъ Маремьяну въ свою семью, какъ жену твою?

— Такъ развѣ же она это слышала? А кому-жъ изъ насъ она повѣритъ, если бы мы ей объ этомъ сказывать пошли?

— Она не имѣетъ права не вѣрить!

— Ну, хорошо... Повѣрила она тебѣ, что ты это говорила и

говоришь, а дальше-то что же?.. Если бы за этим разговором твоимъ дѣло стояло, Вуколь ее къ вѣнцу повелъ бы... А то вѣдь этого нѣтъ и не будетъ!

Послѣднее слово Вуколь произнесъ и энергично, и увѣренно.

— Она увидитъ, что не я тебя отговариваю...

— И пойметъ, что, значить, я самъ отъ тебя оторваться не могу... Краше ей это-то знатъе будетъ?

Варя широко раскрытыми глазами посмотрѣла на Вукола.

— Теперь-то ей все легче: думаетъ она, что ты отговариваешь, а я поддаюсь, и все же надежду питаешь, аюсь-де и не поддастся, ну, а если убѣдится, что я самъ въ огонь иду, такъ тутъ мы оба передъ ней виноваты станемъ.

— Что ты говоришь, Вуколь, мнѣ и понять-то тебя страшно?

— И не понимай, Варенька, и мнѣ самому страшно... Въ бездну махаю, а иду... Легче мнѣ было, какъ ты мнѣ чужая, разчужая была. Смотрѣлъ я на тебя, какъ на врага, ни сердца твоего добраго не зналъ, ни души твоей хрустальной не вѣдалъ, ни красоты твоей ангельской не замѣчалъ... И вдругъ поманила ты меня рукою... Подошелъ, глянулъ и обмеръ! «Экая дѣвушка-то, говорю, Господи!» И шелъ я за тобой и думалъ, счастьемъ-то конца-краю не будетъ, а вотъ она и граница...

Вуколь, стоявшій около стола, слегка опершись объ него, поникъ головою.

Варя тяжело дышала, ибо затаила дыханіе; слушая Вукола. Ужасныя минуты переживала бѣдная дѣвушка.

Посмотрѣла она на поникшаго головою Вукола глазами, полными слезъ, и сказала:

— Бѣдный ты мой... да неужели же ты забылъ, кто мы съ тобою?..

Вуколь быстро отвѣтилъ:

— Чужіе мы съ тобою, совсѣмъ чужіе. У тебя свои отецъ съ матерью, у меня тоже свои. Грѣха тутъ нѣтъ... Но вотъ и по душѣ-то мы чужіе другъ другу.

— Вуколь...

— Да что Вуколь!.. Вуколь правду говорить... Жалѣешь ты меня, вижу; да нѣшто же жалость твоя мнѣ нужна? Заботишься,—да нѣшто же въ этомъ все? Жилъ доселѣ безъ заботы о себѣ, прожилъ бы и дальше. Да и легче бы мнѣ было, Варя...

Вуколь сорвался съ мѣста, Варя удержала его за руку.

— Пстой, куда ты?.. Не уходи...

— И тебѣ тяжело, и мнѣ, что большая кладь на возу...

— И однимъ будетъ не легче... Сядь...

Вуколь сѣлъ.

Варя смотрѣла на него.

— Не смотри ты на меня такъ.. Изъ сердца моего клочки-то живые не рви...

— Да, постой, постой... Дай мнѣ самой-то надѣ своимъ положеніемъ подумать.

— Не думай... Нѣтъ ничего въ сердцѣ, личину не надѣвай.

— Нѣтъ, Вуколь, погоди... Въ сердцѣ есть... есть въ сердцѣ. но оно не такъ въ немъ складывалось... Вѣдь вотъ сейчасъ ты мнѣ сказалъ, что со всеѣмъ мы чужіе съ тобою, не братъ, и не сестра...

— Ну, ну?

— Ну, вотъ я и думаю, что же тянуло меня къ тебѣ?..

— Ну, ну?—торопилъ Вуколь.

— Не сразу, Вуколь, не сразу... дай мнѣ...

— А коли не сразу, такъ и не доискивайся... У меня все сразу сказалося и сверту ни въ одну сторону нѣтъ. Сказано: думаньемъ пороку не выдумаешь, а чувство въ сердцѣ — порохъ. Нѣтъ пороха — думаньемъ его не откроешь.

Вуколь вдругъ взялъ Варю за голову.

— Прости, ангелъ Господній... Освѣтила ты мнѣ дорожку на минутку, на другую, а теперь идти по ней мнѣ еще темнѣе будетъ...

Вуколь тяжело вздохнулъ.

— И задалась же жистъ человѣку!.. Никому зла не сдѣлалъ, а мнѣ его по горло насыпали, а теперь и съ головой засыпають.

Онъ наклонился и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ Варю въ голову.

Варя не выдержала и разрыдалась. Вуколь опѣшилъ.

— Варя, Варенька... голубушка, хорошая, опомнись, приди въ себя...

Онъ налилъ стаканъ воды и далъ Варѣ пить, ставъ передъ ней на колѣни.

Она глотнула воды и немного успокоилась.

— Успокойся, лягъ себѣ... а я пойду!

— Нѣтъ, нѣтъ, останься... Мнѣ одной страшно.

Она вдругъ прижалась къ Вуколу, онъ охватилъ ее за талю.

— Что ты, Варюша, что съ тобой?

А Варя положила голову на плечо Вукола и думала: «Да неужели же еще горе обрушу я на его голову? Нѣтъ, этого не будетъ!.. Онъ хорошій, онъ добрый, мы чужіе... грѣха нѣтъ... И въ сердцѣ моемъ къ нему чувства больше, чѣмъ только одна жалость».

Она заглянула ему въ лицо.

— Такъ ты, Вуколушка, взялъ да полюбилъ меня? — спросила она.

— Не смѣйся надо мною, не играй...

Варя улыбнулась.

— Не смѣюсь и не играю... Сама чувствую, что не одна жалость у меня въ сердцѣ къ тебѣ. Одолѣемъ вдвоемъ несчастье...

— Варя?..

— Ну, что же, слышать слово хочешь?—спросила она, отрываясь отъ плеча.

— Какое слово, Варя?

— Да вотъ это... Люблю и я тебя.

И Вуколь сжалъ въ объятіяхъ «свою Варю»...

XI.

БЕЗУМѢВШІЙ отъ неожиданности, Вуколь не вошелъ, а сбѣжалъ въ свою комнату и упалъ на колѣни передъ божицею.

Онъ упалъ не съ молитвою благодарности за ниспосланное счастье,—нѣтъ, онъ упалъ на колѣни передъ Богомъ въ ужасѣ за ту отвѣтственность, которая пала на него такъ быстро, такъ для него самого неожиданно.

Вуколь молилъ за отстраненіе несчастія, которое теперь, больше чѣмъ когда либо, близилось и сгущалось надъ головою такого дорогаго для обездоленнаго Вукола существа, какимъ была Варя.

А Варя?

По уходѣ Вукола, Варя также глубоко, глубоко задумалась надъ будущимъ, которое они съ Вуколомъ внезапно поставили на карту.

Порывъ-ли жалости, порывъ-ли дѣйствительнаго чувства увлекъ Варю, объ этомъ она не разсуждала.

Да и что было разсуждать?..

Сдѣланнаго разсужденіемъ не воротишь, да Варя и не хотѣла возвращаться къ тому, что прошло, она вся была въ будущемъ; это будущее, страшное будущее поглотило ея вниманіе.

Передъ приподнятою завѣсою, на сколько очи ума проникли въ будущее, они ничего, кромѣ мрака, не видали и въ этомъ мракѣ ничего не различали, чувствовалось присутствіе грозы, но съ какой стороны и въ какой мѣрѣ ударить гроза и надъ чьей головою разразится?

Закрывала Варя въ ужасѣ свои глаза передъ будущимъ, но оно назойливо лѣзло и стучалось и въ умъ, и въ сердце.

Чтобы успокоить себя, и Варя прибѣгла къ Тому, который сказалъ: «приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы».

Вотъ Онъ,—Богочеловѣкъ, для всеобъемлющей любви котораго все ясно...

Вотъ ликъ Его.. Кротко взираютъ очи Его: ни строгости, ни осужденія нѣтъ въ этомъ взорѣ...

Какое великое утѣшеніе для человѣка—имѣть такой благодѣ

источникъ, къ которому можно идти безъ страха, безъ смущенія и заранѣе знать, что не отойдешь отъ источника безъ помощи, безъ нравственнаго исцѣленія.

И Варя, и Вуколь, прибѣгшіе къ нему, получили нравственное успокоеніе, почерпнули изъ источника силу, и новая тяжесть ихъ жизненнаго креста перестала быть давящею и пригнетающею.

XLI.

ТРЕННЯЯ встрѣча Вукола съ Варєю была такъ проста и такъ естествена. Они протянули другъ другу руки и улыбнулись.

— Ты здорова?—спросилъ онъ Варю.

— Да, а ты?

— Я тоже здоровъ,—отвѣтилъ Вуколь.

Когда онъ уѣзжалъ съ Володею и Надею, Варя спросила, подавая ему руку:

— Ты обѣдаешь дома?

— Ну, разумѣется,—отвѣтилъ Вуколь, сжимая руку Вари.

Она, по обычаю, крестя на дорогу Надю и Володю, перекрестила и Вукола. И Вуколь подъ этимъ благословеніемъ уѣхалъ бодрѣе и спокойнѣе.

Варя осталась одна.

Когда вернулся Федоръ, она не велѣла распрягать лошадей.

— Дядя, поѣдемъ кататься,—сказала она генералу.

— Поѣдемъ, матушка, мнѣ сегодня что-то не по себѣ...

— Что съ тобою?..

— Да вотъ—голова... Сонъ не хорошій видѣлъ...

— Сонъ?.. Какой?

Варя вдругъ поблѣднѣла.

— Не помню хорошенько, но хорошо помню, что проснулся въ испугѣ, въ холодномъ поту... Привидѣлось что-то...

— Припомни, дядя...

Варю охватило суевѣріе.

— Да нѣтъ, голубушка,—не припомнить! Только и буря выла, и громъ... Чудовище какое-то... Мы будто на морѣ... Пучина разверзлась, глотала насъ, выбрасывала... Неясно, но страшно...

Варя чувствовала, какъ слабость охватила ее, мурашки бѣжали по позвоночному столбу, холодѣло между крыльцами и тоскливо ныло сердце. Она невольно взглянула въ передній уголь, а оттуда глядѣли на нее кроткія очи Богочеловѣка, говорившія: «научитесь отъ Меня, яко кротокъ и смиренъ есть сердцемъ и обрящите покой душамъ вашимъ». И опять стало легче на седцѣ Вари, и ее потянуло на воздухъ.

Крѣпко закутавшись въ теплую ротонду, надѣвъ высокіе

теплые сапожки, прикрывъ голову мѣховою шапочкою и обвязавшись оренбургскимъ платкомъ, вышла Варя на подъѣздъ, въ сопровожденіи дяди. Къ подъѣзду подкатили сани въ дышлѣ.

— Отчего вы, Ѳедоръ не заложили карету?

— Да Вуколъ Прокофьевичъ приказали сани... Молодая барышня очень любитъ санную ѣзду, вотъ Вуколъ Прокофьевичъ и указали подавать сани...

— Тѣсно имъ...

— Ничего-съ... Молодой баринъ въ серединку примачиваются, а Вуколъ Прокофьевичъ, тѣ всегда на отлетѣ... Такъ, едва цѣпляются.

— Но онъ можетъ упасть?—сказала Варя тревожно.

— Никакъ нѣтъ-съ... На поворотахъ съ осторожностію, а на прямомъ пути—ничего-съ...

— Завтра заложите карету, — сказала Варя и усѣлась рядомъ съ дядею.

Дворникъ, замѣнявшій швейцара—(Москва наша еще мало съ этой стороны цивилизована)—застегнулъ полость; лошади, застоявшіяся на холодкѣ, взяли сразу, и сани скрылись изъ глазъ.

— Поѣзжайте, Ѳедоръ, по Тверской, за заставу.

Легкій морозъ слегка пощипывалъ лицо. Вѣтра не было. Даже быстрый ходъ лошадей не вызывалъ вѣтерка. Генераль поднялъ бобровый воротникъ шинели и нахлобучилъ на глаза фуражку съ широкимъ и длиннымъ козырькомъ, что считается особымъ шикомъ у отставныхъ генераловъ, и сразу же задремалъ, откинувшись на довольно высокую спинку саней.

Промчавшись мимо памятника Пушкина Варя только хотѣла перекреститься на главы монастыря, какъ рука ея такъ и застыла въ воздухѣ. Они промелькнули мимо Маремьяны. Маремьяна увнала лошадей, кучера, старика генерала и Варю, остановилась, ожидая, и послала ей на встрѣчу и въ догонку бранную фразу:

— Подлая разлучница, погоди!

Варя прижалась къ дядѣ. Дядя очнулся.

— Ничего, дядя, ничего...

А у самой отъ обиды захолонуло на сердцѣ и глаза перепернулись влагою. Промчавшись еще съ версту, Варя велѣла повернуть и ѣхать бульваромъ.

— Въ кладовую!—сказала она упавшимъ голосомъ.

Черезъ пять минутъ они были въ кладовой. Вуколъ испугался, взглянувъ на Варю; такъ она была блѣдна и взволнована.

— Что ты?

Варя рассказала о встрѣчѣ и объ угрозѣ злой женщины. Вуколъ ничего не сказалъ: онъ въ эту минуту рѣшилъ кончить съ Маремьяною безъ канители.

Когда уѣхала Варя, Вуколъ послалъ за Позументовымъ.

— Орудуй! Избавишь—получай тѣ десять тысячъ, на кото-

Подъ властью тьмы.

рыхъ Маремьяна мой позоръ хочеть строить и... конечно не безъ твоей помощи...—Вуколь посмотрѣлъ на Позументова.

— Подумаю, подумаю,—сказаль Позументовъ и алчно спросиль:

— Такъ десять тысячъ?

— Еще тысячу накинута,—только убери.

Вуколь съѣздиль домой пообѣдать и раньше обыкновеннаго вышелъ изъ магазина съ тѣмъ, чтобы зайти къ Маремьянѣ.

«Для отвода глазъ, о томъ, что отъ Вари слышалъ—не скажу... Вида не подамъ... не надо... Можетъ, тому напорчу, что Позументовъ надумываетъ».

И вотъ Вуколь у Маремьяны.

— Что больно рано нынѣ?..

— Да въ магазинъ еще надо, былъ неподалечку по дѣлу.

— Такъ, такъ...

Маремьяна стояла и гладила утюгомъ какую-то кофту.

— Такъ сейчасъ, можетъ, и уйдешь?

— Минуть десять посижу.

— Торопливъ сталъ. День денской не вижу, вечера жду, а ты завернулся, да и—на тебѣ! Слѣдъ простылъ...

— Сказаль, засиживаться не буду.

— Да вѣдь не всякое лыковъ строку; можно жегнѣвъ на милость смѣнить... Если вичего инаго нѣтъ, окромя того, что я тогда съ ключемъ сдѣлала, такъ неужто и простить нельзя?

— У меня отъ слова сверту нѣтъ.

— Ну, да, вѣдь и меня дразнить-то тоже нечего... Я вѣдь не цѣпная собака... Сегодня мимо меня прошелъ, ногой пхнулъ, завтра пхнулъ, послѣ завтра пхнулъ, ты думаешь я цѣпи не оборву?... Сдѣлай милость...

— Опять загрозила...

— Такъ научи, что дѣлать? Вѣдь коли, ежели я только терпѣть буду, такъ терпѣніе-то тебѣ мое опротивить.

Вуколь сказаль рѣшительно:

— Ты говори, въ послѣднее, толкомъ, чего ты отъ меня хочешь?

— Вотъ, на!—воскликнула Маремьяна и поставила утюгъ.— Вотъ, на!—повторила она и посмотрѣла на Вукола.

— Да ты дуполы-со не пяль, говори, коли ежели спрашиваютъ.

— Журавлихой быть хочу, это тебѣ мой послѣдній сказъ.

Вуколь сказаль рѣшительно:

— Этого не будетъ!

— И не надо,—холодно сказала Маремьяна, и добавила:— а еще хвалишься, что у тебя въ словахъ сверта нѣтъ... Давно ли на стѣнку-то за образомъ лазиль, что коли робеночекъ родится, окрутишься.

Вуколь не выдержаль:

— Ты вздоръ не городи! — крикнулъ онъ. — Такой обманъ затѣваешь, а сдержаться не сможешь...

— Какой обманъ?

— Какой?!... Нужно, такъ я свидѣтелей выставлю.

Маремьяна молчала и думала: «кто же это ему: Авдотья, или Позументовъ?»

— Прикусила языкъ-то. Стоило бы тебя за это чѣмъ ни попало...

— А ты пожди... Не всякому языку вѣрь.

— Чего ждать? Когда сказъ дѣломъ исправлять будете?

Маремьяна поблѣднѣла. «Все довели», — подумала она.

— Что же рыло-то словно мукой обсыпала?... Ишь мать какая появилась!

Маремьяна бросилась къ Вуколу, упала на колѣни и только хотѣла крикнуть: «прости», какъ Вуколь съ такою силой толкнулъ ее въ грудь ногой, что Маремьяна отлетѣла, уронила гладильную доску и вдругъ взвизгнула и замерла.

Изъ головы Маремьяны брызнула кровь. Вуколь вскочилъ, вбѣжала Авдотья.

И глазамъ Вукола, и глазамъ Авдотьи представилась ужасная картина.

Маремьяна лежала на полу, съ подогнутыми подъ себя колѣнями. Отлетая отъ удара Вукола, она сплибла маленькій круглый столъ, на которомъ держался конецъ гладильной доски, доска упала со столомъ, а скользяшій по доскѣ горячій, тяжелый утюгъ со всего размаха угодилъ острымъ концомъ въ голову Маремьяны и пробилъ ей черепъ.

— Воды давай, воды! — кричалъ Вуколь Авдотѣ.

Авдотья принесла воды.

Вуколь хотѣлъ наклониться, но не наклонился.

— Храни Богъ въ крови выпачкаться, притянуть, обвинять, скажутъ я сдѣлалъ...

Вуколь крикнулъ Авдотѣ:

— Мочи ей голову. Накинь полотенце, да бѣги за дворникомъ.

Пришелъ дворникъ, пришла полиція. Составленъ былъ протоколъ. Вуколь чистосердечно рассказалъ, какъ было дѣло.

Маремьяну отправили въ больницу. Рану хотя и признали серьезною, но жизни не угрожающею.

Дорого стоило Вуколу это событіе. Онъ заболѣлъ нервною горячкою. Варя своимъ уходомъ, вниманіемъ, любовью возвратила его къ жизни. Вуколь выздоровѣлъ раньше Маремьяны, которая продолжала лежать въ больницѣ совершенно одинокою.

XLII.

ИЗДАДОЛГО до выписки изъ больницы ее навѣстиль По-
зументовъ.

Маремьяна встрѣтила незваного посѣтителя вопросомъ:

— Это ты, продажная душенка, про ребеночка ему раз-
сказаль?

— Видить Богъ, не рассказываль.

— Такъ кто же?

— Можетъ, Авдотья твоя кому выболтала, а до него и до-
вели... Я ни тѣломъ, ни душею.

— Почто-жь пришелъ?.. Не ври, что навѣстить, ни въ жисть
не повѣрю...

— И навѣстить пришелъ, и спросить, что дѣлать думаешь?

— Вуколь что?.. Коли ежели бы онъ около меня побылъ
хоша немного, я бы, можетъ, все миромъ кончила. Ну, не мой,
такъ не мей...

— Вукола-то едва отходили... Ты близъ смерти была, а онъ
и того ближе.

Маремьяна спросила:

— Не врешь?

— Съ чего врать-то... Увидишь его, по обличью узнаешь:
тѣнь тѣнью.

— Съ чего же онъ?.. Не меня же жаль было?

— Ну, разумѣется... Неожиданность случилась, вотъ нерв-
ную горячку и схватилъ.

— Дома лежалъ-то?

— Дома, конечно.

— Варька ходила, а... Варька?

Маремьяна вдругъ схватилась рукой за голову.

— Что, болитъ еще?

— Вотъ, какъ про все вспомню, такъ и заносеть... заболить
таково рѣзко.

Маремьяна молчала.

— Ты бы хоша ужъ не вспоминала.

— Закажи... дай запретъ-то, да только научи, какъ не вспо-
минать-то?..

— Трудно... Конечно, трудно... Все-жь что дѣлать-то ду-
маешь?

— Подосланъ, что-ли?

— Тыфу ты, несуразная!.. Съ чего подосланъ?.. По сердцу
пришелъ... Вижу, бросили тебя, ну и...

— Жалость взяла?..

Маремьяна покачала было головою, и опять схватилась
за нее.

— Охъ, ужъ не раздражай ты себя... Смотрѣть-то тошно...

— А мнѣ чувствовать-то какво?

— Тяжко, поди?

— И-и-и, какъ тяжко...

Маремьяна постучала рукою по ручкѣ ясевой скамьи, на которой они сидѣли въ корридорѣ больницы.

— А ты вотъ еще что учти... Куда я изъ больницы-то!.. Домъ-то, поди-ка, растащили... Да и что въ домъ-то было? Небелишка, да платишки... Денегъ-то онъ мнѣ вѣдь не давалъ, а золотомъ-то, да каменьями только манилъ... Сегодня, да завтра. Часы просила, хоша серебряные вызолоченые — пофорсить хотѣла, такъ тѣ къ имянинамъ обѣщаль. Больно честень сталь... «Не могу, говорить, сиротскаго рубля тронуть».

— А десять-то тысячъ?

— Тѣ скраль, покель Варька его не обошла... Ну, да еще съ нею счеты впереди...

— Брось.

— Чѣмъ ни попало, тѣмъ и брошу.

— Брось, говорю, думать объ этомъ.

— Не думая и брошу.

— Ты лучше съ нихъ деньги большія возьми... Я съѣзжу и поторгуюсь.

— Калымъ получить хочешь: моя рана—твоя халтура!

— Какъ знаешь...

— Ты вотъ что,—сказала Маремьяна,—ты Вукола ко мнѣ пришли... Усовѣсти его, скажи ему: «не собака я, чтобы такъ меня шпынять, пусть пойметъ, что моей вины ни въ чемъ не было».

— Ладно, скажу... Только лучше бы, если бы деньгами...

— Ты мой-то сказъ слушай... Твое не пропадетъ.

Позументовъ отправился къ Вуколу.

— Видѣть ее не могу... съ души воротить...

— Ты, Вуколъ Прокофьевичъ, всю жизнь свою съ ней вспомни и по совѣсти взвѣсь, кто больше вины на себя взять долженъ?

Позументовъ такъ сердечно сказалъ эти слова, что Вуколъ задумался. Онъ видѣлъ, что Позументовъ правъ, и рѣшилъ посѣтить Маремьяну.

XLIII.

ВИДАВЪ Вукола худаго, блѣднаго, въ вискахъ посѣдѣвшаго, Маремьяна сказала:

— На-ка, холила, холила, берегла, берегла, а ты таковъ, что краше въ гробъ кладутъ.

— Болѣзнь не красить.

— Самъ пришелъ-то, али Позументовъ прислалъ?

Вуколь молчалъ.

— Такъ... Самъ-то бы и не пришелъ!

Она покачала головою, но схватилась за нее.

Вуколь думалъ про себя: «привередничай»...

— Не токмо, выходить, разлюбилъ, а и возненавидѣлъ!.

Черезчуръ очинно больно, гораздо...

— Ты сказывай, что тебѣ отъ меня нужно?—спросилъ Вуколь.

— Вотъ что! Денегъ мнѣ твоихъ не нужно, а коли, ежели бѣды не хочешь, прѣзжай завтра съ своей Варварой. Пусть она предо мною повинится; я прощу и свое условіе поставлю.

Вуколь вскочилъ.

— Видно, рана-то у тебя до мозга хватила, да мозгъ повредила... Тебя бы въ безумныя изъ больницы-то...

Вуколь всталъ и пошелъ. Маремьяна сказала громко: «помни!»

Вуколь хотя и слышалъ, но не остановился.

Маремьяна рвала и метала.

— Ну, что?—спросила его Варя, страшно измученная вновь обострившимися отношеніями.

Вуколь рассказалъ.

Варя потребовала свиданія съ Маремьяной, Вуколь уступилъ.

И вотъ Маремьянѣ сказали, что къ ней прѣехали Вуколь Прокофьевичъ съ барышней.

— Съ кѣмъ?

Маремьяна растерялась.

— Ой, батюшки, не готова я... ой, голубчики, не готова.— Она вскочила съ кровати, пошарила около себя, сунулась въ столъ, двинула ящикомъ.— Нѣтъ, нѣтъ ничего,— заговорила она, словно обезумѣвъ и посмотрѣла вокругъ на чужіе столы... Вдругъ взгляды ея упалъ на оловянную больничную кружку у сосѣдки.

— Дай, голубушка, кружечку... Водицы испить охота.

Ей передали кружку, она жадно стала пить на ходу и съ кружкою вышла въ корридоръ.

Глаза ея блуждали, она не шла, а бѣжала.

И вотъ дверь въ пріемную растворилась, Маремьяна увидала Варю; она только что сбросила ретонду и сняла шапочку. Переступивъ порогъ, Маремьяна молча, безъ крика, вдругъ подбѣжала къ Варѣ и со всего размаха ударила оловянною кружкою по головѣ. Кровь брызнула изъ головы... Маремьяна схватила Варю руками за горло и начала душить.

Маремьяну оттащили.

— Пустите, пустите, не докончила я ее, не докончила!

Прибѣжали доктора, начальство, стали приводить въ чувство Варю, но она въ себя не приходила, подавая слабые признаки жизни. Голова оказалась пробитою. Только черезъ пять часовъ Варю отправили домой, а Маремьяну перевели въ больницу при тюрьмѣ.

ЭПИЛОГЪ.

БИРОШЛО ПОЛГОДА. Варя выздоровѣла. Выздоровѣла, ка- залось, и Маремьяна, преданная суду за покушеніе на убійство.

Москва поговорила вначалѣ о происшествіи и забыла. Ост- рота его исчезла, все вошло въ колею; но вотъ опять пришлось заговорить о Маремьянѣ и о семьѣ Журавлевыхъ. Въ окруж- номъ судѣ назначено было «громкое дѣло».

Съ утра въ судѣ шла публика, чтобы присутствовать на разбирательствѣ. Дѣло долго не начиналось, а затѣмъ стало извѣстно, что дѣло будетъ отложено.

Болѣе юркіе люди пошли освѣдомляться и узнали, что ге- роиня процесса, несчастная Маремьяна, оказалась помѣшанною. Ее отправили въ сумасшедшій домъ на испытаніе.

Фирма «Журавлева — наслѣдники» ликвидировала дѣло въ Мо- сквѣ и перебралась въ Кіевъ.

Вуколь, хлопотавшій въ Синодѣ о разрѣшеніи на бракъ съ Варєю, спустя годъ получилъ это разрѣшеніе и женился.

Скромно была отпразднована свадьба; болѣе счастливой пары трудно себѣ представить, читатель!

Вукола не узнать. Онъ уже давно, съ самаго прибытія въ Кіевъ, преобразился на европейскій ладъ и, подобно покойному отцу, быстро вошелъ въ новую колею и сталъ неузнаваемъ. Они счастливо прожили три года, но то обстоятельство, что у нихъ не было дѣтей, и Варя, и Вуколь считали за наказаніе Божіе,—за Маремьяну. Вуколь рѣшилъ съѣздить въ Москву и внести деньги на улучшеніе жизни Маремьяны въ домѣ ума- лишенныхъ. Онъ видѣлъ несчастную женщину. Она затихла. Сидѣла постоянно въ углу, рылась въ хламѣ и шептала слова, ни для кого непонятныя. Вуколь посидѣлъ около нея, она его не узнавала.

— Прости, Маремьянушка, грѣшенъ я передъ тобой,—ска- залъ онъ, вставая и поцѣловалъ Маремьяну.

Отъ поцѣлуя она вздрогнула, посмотрѣла на Вукола, потомъ отвернулась и запустила руки въ хламъ.

Возвратился Вуколь въ Кіевъ.

— Видѣлъ?—спросила Варя.

10, -

WYŻSZA
PEDAGOGICZNA
BIBLIO

67.208

— 120 —

Вуколь только головою потрясь.

— Знаешь что,—сказала Варя,—поѣдемъ съ тобою по святымъ мѣстамъ. Помолимся, можетъ, Богъ и простить.

— Ёдемъ, хорошая, ёдемъ, дорогая.

— И если будетъ у насъ ребенокъ, значить,—мы прощены..

Прошло еще два года, прежде чѣмъ счастливая, сіяющая, глубокорадостная Варя, бросившись на шею мужу, шепнула:

— Я мать!..

.....

К о н е ц ъ .

